

БОРИС
СУДАРУШКИН

Волжский
роман

Секрет
опричника

Волжский роман

Борис Сударушкин

**Секрет опричника;
Преступление в слободе**

«ВЕЧЕ»

2020

Сударушкин Б. М.

Секрет опричника; Преступление в слободе /
Б. М. Сударушкин — «ВЕЧЕ», 2020 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8165-9

Повесть «Секрет опричника» открывает написанную автором приключенческую серию исторических детективов. В ней рассказывается о поисках сокровищ, спрятанных в тайнике при Иоанне Грозном, а также о подлинных событиях того времени: о деле Соломонии Сабуровой, о причинах Новгородского погрома, о поисках Янтарной комнаты, похищенной в годы Второй мировой войны. Повесть «Преступление в Слободе» приоткрывает завесу тайны над расследованием обстоятельств гибели царевича Ивана. Борис Сударушкин обогатил детектив увлекательным историческим содержанием, используя все выразительные возможности исторической прозы, которой не чужды остросюжетность, романтика коллизий и характеров.

ISBN 978-5-4484-8165-9

© Сударушкин Б. М., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Секрет опричника	5
Часть первая. Засада за иконостасом	5
Глава первая. Странный попутчик	5
Глава вторая. Ночное преследование	14
Глава третья. Под чужим именем	21
Глава четвертая. На месте происшествия	26
Глава пятая. Я делаю ошибку	32
Глава шестая. Свидетельские показания	38
Глава седьмая. Засада за иконостасом	44
Часть вторая. Запутанная история	51
Глава первая. Загадка Соломонии	51
Глава вторая. Суздальский розыск	59
Глава третья. Тень на набережной	65
Глава четвертая. Срочный вызов	70
Глава пятая. Опровергнутая версия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Борис Михайлович Сударушкин

Секрет опричника; Преступление в слободе

Повести

Секрет опричника

Часть первая. Засада за иконостасом

Рано или поздно, под старость или в расцвете сил, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся. Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня... Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии, которую так свойственно человеку желать выслушать, прежде чем он закроет глаза. Города, страны время от времени приближали к моим зрачкам уже начинающий восхищать свет едва намеченного огнями, странного, далекого транспорта, но все это развивалось в ничто. Несбывшееся, которому я протянул руку, могло восстать только само, иначе я не узнал бы его и, действуя по примерному образцу, рисковал наверняка создать бездушные декорации. В другом роде, но совершенно точно, можно видеть это на искусственных парках, по сравнению с случайными лесными видениями, как бы бережно вынутыми солнцем из драгоценного ящика. Таким образом я понял свое Несбывшееся и покорился ему.

А. Грин. Бегущая по волнам

Глава первая. Странный попутчик

События, о которых пойдет речь, начались с неприятности: я не достал билет на вечерний поезд Москва – Ярославль и решил ехать с пересадкой – на пригородной электричке до Александрова, а оттуда добираться до дома на местной, ярославской электричке.

Расположившись у окна, я раскрыл купленный в привокзальном киоске журнал и до того зачитался, что не сразу заметил, как вагон заполнился пассажирами и электричка без остановок миновала несколько дачных поселков.

«Кто и когда основал Москву?» – так назывался журнальный очерк, обративший на себя мое внимание. Поскольку в последующих событиях он сыграет определенную роль, я вынужден хотя бы вкратце передать его содержание, процитировав несколько отрывков.

Наверное, не только для меня, но для многих, кто еще со школьной скамьи твердо запомнил, что Москву основал князь Юрий Долгорукий, заголовок очерка звучал примерно так же, как «Впадает ли Волга в Каспийское море?» или «Действительно ли Земля вращается вокруг Солнца?». Однако автор очерка был на этот счет другого мнения:

«Мы уже привыкли отмерять возраст древних русских городов, используя первые туманные свидетельства о них в летописях. Так, опираясь на сообщение Ипатьевской летописи, мы уверовали, что Москва основана владимиро-суздальским князем Георгием, нареченным позднее Юрием

Долгоруким, в 1147 году, когда он позвал к себе в гости черниговского князя Святослава: „Приди ко мне, брате, в Москов“ – и устроил ему „обед силен“.

В своей „Истории государства Российского“ это событие так прокомментировал Карамзин: „Сие угощение достопамятно... По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, марта 28, и можем верить новейшим летописцам в том, что сей князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного боярина Кучки, Степана Ивановича, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотой места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного боярина“.

В данном случае уважаемому историку явно изменило присущее ему чувство добросовестности: в летописном свидетельстве ни слова не сказано о том, что именно в этот год великий князь основал Москву. Больше того, если отнестись к летописному свидетельству более требовательно, то получается, что подлинным основателем Москвы был вовсе не Юрий Долгорукий, а ростовский боярин Степан (в других источниках – Стефан) Кучка, на земли и села которого великий князь, как говорится, „глаз положил“.

Эта версия многим может показаться неожиданной, но сам же Карамзин ее невольно и подкрепляет, заметив, что Москва „долгое время именовалась Кучковым“. Нет нужды лишний раз повторять, что образование названий населенных пунктов по имени их основателей – традиция, уходящая в глубь веков.

Кстати, Карамзин явно не жалуется Юрия Долгорукого, заметив, что „он не имел добродетелей великого отца: не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономаховому племени“. Характеристика, прямо скажем, уничижительная, ни в малейшей степени не соответствующая героическому образу бронзового князя-основателя в центре Москвы и нашему школьному представлению о нем.

Вместе с тем в пользу причастности ростовского боярина к основанию Москвы имеются и другие свидетельства. Например, в книге „Топонимия Москвы“ сказано: „Ряд ученых считает, что именно в районе Сретенки находилась в древности усадьба одного из первых „москвичей“ – богатого боярина Стефана Ивановича Кучки. Долгое время память о роде Кучковичей сохранялась в названии старого московского урочища – Кучково поле“.

Это сообщение еще раз подкрепляет версию, что богатый ростовский боярин не просто владел Кучковым, но и основал это селение, из которого позднее, как из зерна, выросла Москва...»

Здесь я привел только отрывки из этого пространного очерка, опустив целый ряд доказательств автора в пользу своей версии, а также несколько сделанных им исторических отступлений, которые тоже были весьма спорными, но любопытными.

Вероятно, именно поэтому я не слышал, с чего начался разговор пассажиров, расположившихся рядом со мною, и, может, целиком пропустил бы его мимо ушей, если бы не фраза, задевшая мое сознание в тот момент, когда я перелистывал очередную журнальную страницу:

– В Александровой слободе произошло не случайное убийство, а умышленное преступление...

Поверх развернутого журнала я посмотрел на пассажира, сидящего напротив меня.

Бледное, вытянутое лицо, глубокие, сосредоточенные глаза с темными подглазниками, черная борода с редкой проседью.

Брюки заправлены в высокие сапоги, куртка с блестящими металлическими пуговицами подпоясана кожаным ремнем, на голове серая широкополая шляпа.

Для пассажира московской электрички одет он был несколько необычно. Сначала я подумал, что это охотник, но ружья при нем не было. Рядом, на крючке, покачивалась импортная спортивная сумка с красочным названием какой-то фирмы.

Сказанная чернобородым фраза удивила не только меня, но и его собеседника – щедрого старика с маленьким сморщенным лицом, будто старик все время хотел чихнуть, но никак не получалось.

Возле чернобородого выглядел он неказисто: мешковатый, поношенный костюм, изрядно стоптанные ботинки, на коленях портфель с обмотанной изолентой ручкой, которому не нашлось места среди раздутых покупками сумок и чемоданов на верхней полке.

Поправив роговые, тяжелые очки, чудом державшиеся на самом кончике острого носа, старик переспросил, продолжая разговор, начало которого я прослушал:

– Умышленное преступление?

– А почему бы и нет? – снисходительно, одними губами, улыбнулся чернобородый.

Старик, словно по клавишам рояля, возбужденно постучал пальцами по портфелю:

– Вы располагаете какими-то конкретными фактами?

– Известны слова ливонского пастора Павла Одерборна: «Долго москвитяне терпели малодушное бездействие Иоанна в войне литовской, наконец собрались во Владимире и прямо заявили царю, требуя старшего сына в предводители».

– И какой вывод вы делаете из этого?

Иван Грозный увидел в царевиче если не явного, то потенциального врага и убил его. Если вам недостаточно Одерборна, вот свидетельство Джерома Горсея: «Царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне».

Я уже догадался, что мои попутчики разговаривают об убийстве Грозным своего старшего сына – царевича Ивана. Вспомнилась известная картина Ренина в Третьяковской галерее – обезумевший от горя царь одной рукой судорожно зажимает кровавую рану на голове сына, а другой старается приподнять его с ковра. Рядом лежит злосчастный посох, которым царь смертельно ранил наследника.

Пожалуй, эта картина – одна из самых мрачных и зловещих во всей русской живописи. Когда долго смотришь на нее, начинает казаться, что рана царевича все еще кровоточит. Изображенная художником сцена убийства так подействовала на одного из посетителей галереи, что в нервном припадке он порезал картину, и реставраторам стоило большого труда восстановить ее.

Но вернемся к разговору в вагоне московской электрички, который так заинтересовал меня, что я забыл о только что прочитанном журнальном очерке, по какому-то странному совпадению тоже посвященном исторической загадке.

– Вы приводите не факты, а высказывания иностранцев, – возразил чернобородому старик с портфелем. – Многие из них слабо разбирались в русских делах, о событиях судили понаслышке, зачастую перевирая их так, как им было выгодней. Нет, за редким исключением сообщения иностранцев – очень ненадежный источник.

– Зря вы так пренебрежительно отзываетесь об иностранцах, – опять скривил губы чернобородый. – Не в пример большинству русских, даже из высших кругов, это были люди образованные: купцы, дипломаты, путешественники. Их сведениями о состоянии дел в Московии пользовались римский папа, правители европейских государств.

В этот момент в разговор вступил пассажир в бежевом костюме, сидящий сбоку от меня, – представительный мужчина с умным, интеллигентным лицом, на котором словно бы застыла ироническая улыбка.

– Вы хотите сказать, что иностранные купцы и путешественники занимались у нас, помимо прочего, сбором разведывательных данных, если выразаться современным языком? Я правильно вас понял? – насмешливо спросил он чернородого.

Тот ответил уязвленно, как бы приняв это обвинение в шпионаже на свой счет:

– Думайте, как хотите, но сведения иностранцев в некоторых отношениях более надежный источник, чем, например, официальная летопись, которую тот же Иван Грозный кроил и перекраивал по своему усмотрению, при этом нимало не заботясь ни об исторической истине, ни об элементарной объективности.

– Значит, вы считаете, что в Александровой слободе произошло не случайное убийство, а умышленное преступление? – повторил мой сосед слова чернородого. – Так неужели убийца – царь Иван Васильевич Грозный – не представлял себе всех последствий этого преступления? Ведь убив царевича, он лишил себя единственного наследника, который мог достойно продолжить его царствование, слабовольный Федор явно не годился для трона.

Старик с портфелем указательным пальцем суетливо подтолкнул очки к переносице и добавил от себя:

– Очень своевременное замечание. Тем более что доподлинно известно, как тяжело Иван Грозный переживал смерть сына. Даже собирался отречься от престола и уйти в монастырь.

– Раскаяние могло прийти и после совершения убийства, – моментально нашелся чернородый. – И опытный преступник не может предвидеть всех последствий.

Наверное, все-таки прав был папский легат Антонио Поссевино, утверждавший, что в Александровой слободе имела место трагическая случайность на почве бытовой ссоры. Это больше похоже на истину, – сказал представительный мужчина.

Чернородый резко возразил ему:

– Антонио Поссевино прибыл в Московию спустя три месяца после гибели царевича Ивана и вряд ли мог знать подлинные причины убийства, совершенного в царском дворце.

– Простите, а что конкретно писал Поссевино? – не удержался я от вопроса: мои попутчики разговаривали о событиях четырехсотлетней давности с такой непосредственностью, словно были их свидетелями.

Мне обстоятельно ответил мой представительный сосед:

– По словам Поссевино, убийство произошло из-за жены царевича Ивана – Елены Шереметевой. Якобы царь утром встретил ее во дворце в одной рубашке, простоволосую, и в гневе ударил ее по щеке. Царевич вступился за жену – и Грозный жезлом смертельно ранил сына. Через три дня, когда звонили к заутрени, царевич скончался.

– Царевич умирал, а царь молил Бога в соседней палате, перед иконами. «Да будет милость Твоя ко мне, окаянному. Не отнимай у меня чадо мое возлюбленное, единокровное, не отнимай», – желчно произнес чернородый.

Недобрая интонация, с которой были произнесены эти слова, задела меня за живое.

– Страхась смерти сына, царь переживал, мучился, значит, об умышленном преступлении не может быть и речи. Таким образом, ваше предположение лишено всяких оснований, – одним духом выпалил я, обратившись к чернородому.

– Предположение? – мрачно повторил он, с вызовом посмотрев на меня. – Грозному не откажешь в актерских способностях, своей игрой он и опытных европейских дипломатов вводил в заблуждение. Я не предполагаю, а точно знаю, почему был убит царевич Иван.

– В таком случае – ближе к делу, – бесцеремонно поторопил я чернородого.

Он выдержал паузу и многозначительно, словно зачитывая решение суда, произнес, чеканя каждое слово:

– Царевич Иван погиб в результате неудачного заговора против Грозного, в котором он принимал участие.

Вероятно, чернобородый рассчитывал, что его слова произведут на собеседников сильное впечатление, однако этого не случилось.

– Оригинальная, но не очень убедительная легенда, – разочарованно сказал представительный мужчина. – Иван Грозный, скорее всего, был душевнобольным человеком – вот и все объяснение этому бессмысленному убийству.

Старик с портфелем недоверчиво покрутил головой, и непонятно было, в чем он сомневается: или в версии о заговоре против Грозного, или в душевной болезни царя, или в том и другом сразу.

Я посмотрел на чернобородого и успел уловить на его замкнутом лице выражение досады. Однако больше он ничем не выдал себя и назидательным тоном проговорил:

– Иван Грозный не был душевнобольным человеком. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать его переписку с Андреем Курбским. Куда уж душевнобольному писать такие искусные, велеречивые послания.

– Американский ученый Эдвард Кинан привел весьма убедительные доказательства, что переписки между Грозным и Курбским не было, что это всего лишь литературная мистификация более позднего происхождения, – заметил мой сосед.

– Переписка была.

– Послушайте! – в голосе представительного мужчины прозвучало раздражение. – В конце концов, на чем вы основываете столь категорические утверждения?

– Не надо горячиться, – небрежно урезонил его чернобородый. – Мне своими глазами довелось видеть документ шестнадцатого века, в котором прямо сказано о заговоре, раскрытом Грозным в самый последний момент. Заговорщики ставили целью возвести на престол царевича Ивана, за что Грозный и убил его в порыве гнева.

– Вы по образованию историк? – поинтересовался старик с портфелем, вероятно, подумал я, только для того, чтобы сгладить накал вспыхнувшего спора.

– Скорее, по необходимости, – с загадочной неопределенностью ответил чернобородый.

Старик недоуменно заглянул ему в лицо, привычным жестом опять подтолкнул очки к переносице.

– Историк по необходимости? Странное сочетание понятий. Что вы имеете в виду?

– Долго объяснять, да и не о том речь, – ответил, как отрезал, чернобородый, видимо, уже сожалея о сказанном. – Главное, есть документ, в котором прямо сообщается о заговоре против Грозного и об участии в нем царевича Ивана.

– Историки подобными документами не располагают, – бесстрастно произнес мой сосед. – Да и вряд ли они существуют, иначе давно были бы изучены и опубликованы, время счастливых археографических находок, к сожалению, практически закончилось.

Другого мнения на этот счет был старик с портфелем, не спускающий с чернобородого взволнованных глаз:

– Если вы действительно видели какие-то материалы о заговоре против Грозного, то немедленно должны сообщить о них! Ведь это – настоящая сенсация! Как вы не понимаете?!

– Это меня не касается, – равнодушно произнес чернобородый и, давая понять, что продолжать разговор дальше не намерен, демонстративно отвернулся к окну.

От возмущения старик не нашел больше слов, растерянно посмотрел на представительного мужчину, вероятно, надеясь, что он поддержит его.

Однако тот рассудительно успокоил старика, как бы тоже потеряв интерес к разговору:

– Не волнуйтесь по пустякам. Сомнительным версиям не место в истории. Как правило, подобные сенсационные материалы на поверку оказываются мыльными пузырями.

Чернобородый невозмутимо промолчал, и мне почему-то подумалось, что главный козырь в этом споре он по какой-то причине не выложил, оставил его при себе.

Но тут другое отвлекло мое внимание – в вагон вразвалку вошел высокий, нескладный парень в оранжевой нейлоновой куртке. Рыжие, давно нечесанные волосы, лицо плоское, невыразительное, и только глаза цепкие и острые, как колючки. Случайно я успел заметить, как на мгновение они задержались на чернобородом и сразу метнулись в сторону.

Пройдя весь вагон, парень скрылся в хвостовом тамбуре. Спустя несколько секунд, перекинув через плечо сумку, вслед за ним, даже не кивнув нам на прощание, подчеркнуто неторопливо ушел чернобородый.

Выдержав паузу, я оглянулся. В тамбуре уже никого не было, видимо, парень в куртке и наш попутчик прошли в следующий вагон. Что скрывалось за этой сценой?

Рядом дремали, переговаривались и шелестели газетами уставшие пассажиры – картина привычная, будничная. Может, чернобородый просто сбежал от надоевшего ему разговора и парень в куртке здесь ни при чем? – спросил я себя.

Но все-таки было жаль, что прервался такой интересный разговор. Почему-то я был уверен в искренности чернобородого, когда он упомянул документ, проливающий свет на убийство царевича Ивана.

Свое мнение о чернобородом я благоразумно оставил при себе – побоялся, как бы мои попутчики, судя по всему, люди серьезные и благоразумные, не подняли меня на смех.

Но тут неожиданно выяснилось, что сообщение чернобородого одинаково со мною воспринял и старик. После ухода нашего странного попутчика он поставил свой потертый, выдавший виды портфель на освободившееся место, – может, устав держать его на коленях, а может, надеясь на возвращение соседа, – и сказал, покачав головой:

– Удивительно осведомленный человек. Историк по необходимости – что бы это значило?

– Я вижу, он произвел на вас сильное впечатление, – язвительно произнес представительный мужчина.

– А вы что думаете о нем? – видимо, не уловив этой интонации, простодушно спросил старик.

– Нахватал из отечественной истории кое-каких сведений и козыряет ими, а копнуть поглубже – окажется, что и школьный учебник как следует не освоил.

– Вы так считаете? – растерянно протянул старик. – А у меня сложилось о нем другое мнение.

Набравшись терпения, представительный мужчина попытался переубедить доверчивого старика:

– Сейчас таких «знатоков» много развелось. Для них Бермудский треугольник, снежный человек или летающие тарелки нечто вроде интеллектуальной жвачки, которую, особо не напрягая умственные способности, можно жевать до бесконечности. А этот в историю ударился. Как правило, из таких эрудитов, разбирающихся во всем и во вся, получают плохие специалисты в своей области. Другое дело – убийство, происшедшее четыре столетия назад. Тут они, как им кажется, любого академика за пояс заткнут.

– Я неплохо знаю русскую историю, но этот человек ориентируется в ней очень уж свободно, – выслушав попутчика, все равно никак не мог успокоиться старик. – Интересно, о каких письменных источниках он говорил?

– Никаких не известных исторической науке материалов у него нет и быть не может. Он потому и ушел, что ему больше нечего сказать, – заявил мужчина, как бы поставив в этом разговоре точку.

Хотя старик согласно кивал головой, я видел, что его мнение о чернобородом, как, впрочем, и мое собственное, не изменилось, – было в этом человеке нечто странное, непонятное. А тут еще – его подозрительно поспешный уход из вагона за парнем в нейлоновой куртке. Мне стоило большого труда не ввязаться в спор с рассудительным пассажиром.

– Вероятно, вы тоже имеете какое-то отношение к истории? – спустя время обратился к нему старик.

– Самое непосредственное – я преподаю в Ярославском педагогическом институте отечественную историю.

Этот обстоятельный ответ почему-то очень заинтриговал старика, он живо спросил фамилию попутчика.

– Окладин, – ответил тот с некоторым недоумением на лице.

– Михаил Николаевич?

– Да, – растерялся мужчина. – Вроде бы раньше мы с вами не встречались. Или я запомнил?

– Моя фамилия Пташников. Пташников Иван Алексеевич. Мы с вами знакомы, так сказать, заочно – вы рецензировали мою рукопись «Записки краеведа». Помните?

– Как не помнить, очень интересная рукопись.

– Рецензия тоже была... весьма интересная, – с заминкой проговорил Пташников.

– Правда, в своей рецензии я указал, что недостающие исторические сведения вы иногда восполняете беспочвенными предположениями, – добавил Окладин, тоже испытывая неловкость.

Краевед удрученно кивнул:

– Было такое замечание.

В голосе Окладина проскользнула досада:

– Вы все еще сердитесь на меня?

– Сейчас уже перегорело, – махнул рукой Пташников. – Книга все равно вышла, только на год позднее. Некоторые ваши замечания я учел.

– Значит, моя рецензия в какой-то степени помогла вам?

– В целом книга мало отличается от рукописи. Я по-прежнему считаю, что гипотезы в истории и краеведении не только допустимы, но порой и необходимы. Как, впрочем, и в любой другой науке. – Пташников заносчиво посмотрел собеседнику в глаза.

– А я, с вашего позволения, когда речь касается истории, по-прежнему предпочитаю оперировать только фактами.

– Воля ваша, – покорно вздохнул краевед.

Помолчав, Окладин осторожно спросил, вероятно, уже догадываясь, каков будет ответ краеведа:

– Скажите откровенно, Иван Алексеевич: вы разделяете мнение нашего загадочного попутчика, что существовал заговор против Грозного и царевич погиб в результате этого заговора?

– По правде говоря, я не могу избавиться от ощущения, что он и впрямь располагает какими-то неизвестными материалами.

В глубине души я был целиком согласен с краеведом в оценке чернобородого, но и на этот раз оставил свое мнение при себе. Однако наблюдательный Окладин, видимо, угадал мои мысли и, взглянув на меня, не удержался от саркастического замечания:

– Может, нам попался новый Агасфер?

– Кто? – не сразу понял краевед.

Окладин пояснил:

– Агасфер, осужденный Богом на вечные скитания за то, что не помог Иисусу Христу, когда тот с крестом шел на Голгофу. Может, наш странный попутчик видел Ивана Грозного своими глазами, присутствовал при гибели царевича? Только так можно объяснить эту удивительную, как вы считаете, осведомленность в событиях того времени.

Краевед даже не улыбнулся, сообщение чернобородого и сейчас не давало ему покоя.

Непонятно по какой причине, но интерес Пташникова к нашему чернородому спутнику все больше не нравился Окладину, с виду человеку сдержанному и рассудительному. Пряча усмешку в уголках тонких губ, он сказал Пташникову:

– Заодно надо было спросить у этого новоявленного Агасфера о сыне Соломонии Сабуровой. Помнится, в своих краеведческих записках вы утверждали, что в Покровском монастыре Суздаля, куда сослал княгиню ее муж Василий Третий, у нее родился сын – брат Ивана Грозного.

– А вы в своей рецензии не смогли достаточно убедительно опровергнуть эту версию! – запальчиво проговорил краевед. – Как, впрочем, и многие другие версии, которые были изложены мною в рукописи.

И только тут до меня дошло, что фамилия краеведа мне знакома. Раскрыв журнал с заинтересовавшим меня очерком «Кто и когда основал Москву?», я прочитал под ним фамилию автора – «И. Пташников». Показал ее краеведу:

– Случайно, не однофамилец?

– Нет, это моя работа, – заглянув в журнал, ответил Пташников. Перепечатали из той самой книги «Записки краеведа», которую уважаемый Михаил Николаевич подверг столь резкой критике. Кстати сказать, этому очерку об основании Москвы в той рецензии тоже досталось с лихвой. Однако серьезный исторический журнал, как видите, его перепечатал, не побоялся критики.

– Я и сейчас считаю, что в вашем очерке домыслов больше, чем фактов, – неуступчиво произнес Окладин.

– А мне он показался довольно-таки убедительным, – признался я.

– Спасибо, молодой человек, за поддержку. – Пташников церемонно поклонился в мою сторону. – К сожалению, консервативность мышления – профессиональное заболевание очень многих ученых-историков.

Окладин только улыбнулся, давая понять, что замечание краеведа никак к нему не относится.

– Что же конкретно кажется вам сомнительным в этом очерке? – поспешно спросил я, чтобы продлить заинтересовавший меня разговор.

– Та легкость, с которой Иван Алексеевич выкинул из истории Москвы Юрия Долгорукого, получившего это прозвание в том числе и за свою неутомимую деятельность на поприще созидания новых городов, о чем есть четкие летописные свидетельства.

– Но вы согласны, что летописную запись о приглашении в Москву черниговского князя Святослава, на которую ссылается Карамзин, никак нельзя рассматривать как четкое свидетельство об основании Москвы именно в 1147 году?

– Надо же от какой-то даты отталкиваться. Я считаю, что первое упоминание в летописи, когда нет других источников, вполне оправданная точка отсчета возраста наших древних городов.

– А я с этим категорически не согласен! – моментально завелся Пташников. – При таком слепом доверии к летописям вся наша история становится куцей, урезанной. Нужны доказательства? Пожалуйста. Принято считать, что летописные погодные записи начинаются в Повести временных лет с 6360 гола от сотворения мира, то есть с 852 года от Рождества Христова. Летописец это объяснил так: «В лето 6360, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с той поры почнем и числа положим».

– У вас очень хорошая память, Иван Алексеевич, не допустили ни единого отклонения от летописного текста, – не удержался от комплимента Окладин, хотя выражение его лица по-прежнему было скептическим.

– На память пока не жалуясь, – мимоходом проронил краевед и продолжил изложение своих доказательств: – Опираясь на эту дату, летописец определил даже год образования Руси, что вообще невозможно принять всерьез; назвал другие начальные события, в частности, под 862 годом, мифическое призвание варягов. Кстати, в той же записи, как давно существующий город, впервые упомянут Ростов. Однако соответствуют ли все эти даты истине?

Окладин промолчал, но, как я видел, внимательно следил за ходом рассуждений краеведа.

– Действительно, византийские хроники зафиксировали поход Руси на Константинополь при императоре Михаиле Третьем, но точную дату этого события не называют. Чтобы вывести ее, русский летописец не поленился провести расчет от Адама до вышеупомянутого Михаила и получил в результате 6360 год. Однако если провести этот расчет более тщательно, то получим 6314 – ошибка в 46 лет! Выходит, на столько же лет надо отодвигать все начальные даты русской истории, в том числе и первое упоминание Ростова Великого, который оказался почти на полвека старше даже того условного, «омоложенного» возраста, к которому его искусственно привязали. Как же можно доверять Повести временных лет, если в ней обнаруживаются такие вопиющие ошибки? – возмущенно обратился краевед к Окладину.

– Согласен, возраст Ростова Великого действительно занижен. Но эта ошибка летописца никак не сказалась на дате первого упоминания Москвы.

– Но ведь летописец так и не назвал ее основателем Юрия Долгорукого! За него это сделал Карамзин.

– А вот здесь вы, Иван Алексеевич, сами допустили серьезный просчет – в Тверском летописце шестнадцатого века в записи за 1156 год такое свидетельство имеется: «Князь великий Юрий Володимирович заложил Москву на устьях же Нейшны выше реки Аузы», – тоже на память процитировал Окладин.

– Это сообщение я как-то пропустил, – расстроился краевед, но тут же, пренебрежительно махнув рукой, решительно добавил: – Впрочем, оно ничего не меняет – здесь явно идет речь о закладке в селе Кучкове первой военной крепости, как таковое село уже существовало. Отталкиваясь от 1147 года, мы, как ни парадоксально, отмечаем не очередной юбилей столицы, а годовщину банкета, устроенного Юрием Долгоруким по случаю приезда дружественного ему князя Святослава. Произошел этот «силен обед», выражаясь по-современному, – на «зеленой», где градом Москвой еще и не пахло: какой же это город – без крепости?

Рассуждение краеведа и на этот раз показалось мне убедительным, но Окладин заметил:

– Хорошо, будем считать, что основание Москвы произошло в 1152 году, ошибка небольшая. Однако никуда не денешься от того факта, что основал ее все-таки князь Юрий Долгорукий, а не какой-то мифический ростовский боярин.

– О том, что Степан Кучка – реальное историческое лицо, свидетельствует летописный рассказ о гибели Андрея Боголюбского, в котором упоминаются Кучковичи и жена князя Улита Кучковна. Позднее, во второй половине семнадцатого века, этот рассказ был использован автором так называемой «Повести о начале царствующего града Москвы».

На мой вопрос, что представляет собой эта повесть, Пташников начал излагать ответ с явным удовольствием, из чего я заключил, что она каким-то образом подкрепляет его версию:

– Создав причудливую смесь из реальных лиц и вымышленных событий, автор повести связал основание Москвы аж с именем князя Даниила – сына Александра Невского! Есть в этом историко-фантастическом повествовании и коварная жена Улита, и погубившие князя братья-злодеи Кучковичи, и сам Степан Кучка, владевший будущей Москвой. Нет только Юрия Долгорукого, что само по себе показательное: ни в народной молве, ни в письменных источниках, кроме вышеупомянутого банкета в Ипатьевской летописи и записи в Тверском летописце, которая, вероятней всего, была внесена задним числом, нет сведений, что Юрий Долгорукий – основатель Москвы. Вряд ли это молчание случайно – народ и летописцы обя-

зательно откликнулись бы на столь важное деяние. Легенда об «основателе» Москвы Юрии Долгоруком появилась позднее и явно по заказу...

Пташников прервал себя на слове, вздохнул и расстроено произнес:

– Жаль, из этого очерка об основании Москвы, послушавшись редактора, я исключил еще одно предположение. Чем дольше над ним думаю, тем больше оно кажется мне правомочным. Вспомните зафиксированную летописцем фразу, с которой Юрий Долгорукий обратился к князю Святославу: «Приди ко мне, брате, в Москов». Во-первых, этот необычный мужской род названия Москвы, что само по себе странно. Во-вторых, тот же Карамзин отмечал, что Москва долгое время именовалась Кучковым, новое название прививалось с трудом. Однако Юрий Долгорукий приглашает Святослава «ко мне в Москов» таким тоном, словно черниговский князь прекрасно знает, о каком месте идет речь. Вот и напрашивается предположение, что первоначально в летописи был указан город, хорошо известный Святославу, и только позднее, вероятней всего – по политическим соображениям, кто-то вписал вместо него Москву.

– Что же это за город? – заинтересовался Окладин.

– Конечно, Ростов, исправление потребовалось незначительное. Потому Юрий Долгорукий так и обратился – «приди ко мне» – что речь шла о его бывшем великокняжеском городе, лишившимся этого статуса совсем недавно, в 1125 году. Потому и не потребовалось никаких дополнительных разъяснений, куда именно Долгорукий приглашает Святослава, что непременно пришлось бы сделать, если бы местом встречи была безвестная, затерявшаяся в лесах Москва...

По лицу Окладина было видно, что он готов подвергнуть эту версию краеведа самой острой критике, но продолжать спор было уже некогда: за вагонным окном потянулись пригороды Александрова – покосившиеся сараи из горбыля, ряды общественных гаражей, непонятного назначения заборы из мощных бетонных плит, за которыми ничего не было.

Привычный современный пейзаж быстро вернул меня из седой древности в двадцатый век, но, как выяснится в дальнейшем, разговор в пригородной электричке о событиях далекого прошлого был только началом длительного путешествия в отечественную историю, которое так неожиданно и странно переплетется с событиями наших дней.

Мои попутчики тоже оказались ярославцами – Окладин возвращался из дома отдыха, где проводил отпуск, а Пташников по своим краеведческим делам ездил в московские архивы. Не достав билетов на прямой вечерний поезд, они, как и я, тоже намеревались в Александрове пересесть на местную электричку.

Когда, представляясь попутчикам, я назвал свою фамилию, Окладин, наморщив высокий лоб, неуверенно спросил:

– Это случайно не ваши рассказы и очерки появляются иногда в молодежной газете?

Я кивнул, польщенный тем, что Окладин запомнил мои редкие публикации. Пташников, судя по всему, не читал их, но узнав, что я имею отношение к литературе, посмотрел на меня благосклонно.

Из вагона мы вышли последними. И тут с высокого перрона я опять увидел нашего странного попутчика и удивился, поскольку был уверен, что он сошел с электрички раньше.

Чуть задержавшись у расписания пригородных электричек, чернобородый быстро направился в сторону привокзальной площади и исчез в толпе. Мне показалось – следом за ним в толпу нырнул высокий рыжий парень в оранжевой куртке, которого я заметил в вагоне электрички. Впрочем, в такой толчее было легко обознаться.

Глава вторая. Ночное преследование

Мы подошли к железнодорожному расписанию и с горечью узнали, что последняя электричка на Ярославль ушла час назад, а следующая будет только утром.

В кассовом зале было сумрачно и пустынно, пожилая кассирша дремала за стеклом, будто рыба в аквариуме.

На вопрос Окладина, нельзя ли доехать до Ярославля на проходящем поезде, она зевнула, прикрыв рот ладонью, и бесстрастно заявила, что надеяться на это – пустая затея, отпускной сезон в самом разгаре.

Не выпуская из рук поклажи, не зная, что предпринять, мы растерянно топтались посреди гулкого зала.

– Может, договориться с проводницей, – неуверенно предложил я попутчикам.

– Увы, подобными способностями не обладаю, – откровенно признался Пташников. – Как теперь принято выражаться – некоммуникабельный, а если проще – непробивной.

Я подумал про себя то же самое, но промолчал и с надеждой ждал, что скажет историк.

– Попробовать можно, но где гарантия, что получится? – резонно рассудил он. – Так можно на перроне всю ночь проторчать. Нет, это не выход.

В грязные стекла высоких окон зала ожидания бились черные мухи, на буфете висел амбарный замок, с информационного плаката «Их разыскивает милиция» уверенно, словно фотографировались на Доску почета, смотрели уголовники-рецидивисты.

Свободных мест не было – на жестких деревянных скамейках, положив под головы рюкзаки, вповалку спали школьники-туристы в залатанных джинсах. У ребят были такие усталые, измученные лица, что мы не стали их будить и вышли на привокзальную площадь.

Прогретый за день воздух пах угольной гарью и дорожной пылью. Напротив вокзала темнели окна закрытого гастронома. У неказистой дощатой автостанции, надеясь на попутную машину, маялись последние запоздавшие пассажиры. Нам надеяться было не на что.

Окладин предложил попытать счастья в гостинице – не всю же ночь бродить вокруг вокзала.

Мы с Пташниковым только вздохнули удрученно, не веря в удачу, уж такой нескладный день выдался. Но ничего лучшего посоветовать не могли и пустынной широкой улицей направились к центру города. Дорогу Окладин знал, как сказал нам – бывал здесь проездом.

Несколько лет назад, когда еще учился в техникуме, я был в Александрове на производственной практике, полгода работал на телевизионном заводе, в заводской газете был опубликован мой первый рассказ. Сейчас память о тех днях как бы подернулась дымкой, многое забылось, да и Александров за эти годы изменился, расстроился.

Несмотря на усталость и неопределенность нашего положения, настроение мое улучшилось. Не такие ли вот неожиданные повороты судьбы и заставляют нас до самой старости с любопытством вглядываться в будущее?

Именно здесь, в Александровой слободе, на территории древнего кремля, где размещался опричный двор Ивана Грозного, произошло преступление, о котором зашла речь в электричке. Я даже не мог предположить, что по воле прихотливого случая, который задержал меня в этом городе, мне буквально через несколько часов придется самому побывать на месте преступления...

Обстоятельно и невозмутимо отозвался летописец на событие, происшедшее третьего декабря 1564 года:

«Подъем же его был не таков, как обычно ездил по монастырям. Взял с собой из московских церквей древние иконы и кресты, драгоценными камнями украшенные, золотую и серебряную утварь, одежду и деньги и всю казну... Ближним боярам и приказным людям велел ехать с семьями и с коньми, со всем служебным нарядом».

В тот роковой день царь Иван Грозный выехал из Москвы в Александрову слободу, и начался новый этап в истории всего русского государства, получивший мрачное название «опричина».

До этого Александрова слобода была для Ивана Грозного вроде летней дачи, «местом для прохлады». Теперь на несколько лет она стала как бы неофициальной столицей Московии. Здесь царь, изумляя азиатской роскошью, принимал иностранных послов и купцов, отсюда уходил в военные походы, здесь вершил суд над непокорными боярами, сюда стекались несметные богатства из разграбленных опричниками вотчин, уединенных и знаменитых монастырей, больших и малых городов, на которые пал слепой царский гнев.

Для всей страны опричина обернулась бедствием, которое можно было сравнить разве лишь с татарским игом, а для Александровой слободы она стала самой благодатной порой в ее ничем не примечательной до этого биографии – при Грозном здесь выросли рубленые, обложенные кирпичом стены крепости, земляные валы, новые дворцы и храмы, на украшение которых царь не жалел средств из казны.

Царская жестокость принесла Александровой слободе неожиданный расцвет, она же стала и причиной упадка города: после убийства здесь царевича Грозный навсегда уезжает отсюда.

Быстро теряет Слобода свое непрочное величие – рушатся крепостные стены, ветшают дворцы и храмы, награбленные богатства гибнут в огне или переправляются в Москву.

Позднее в Александровском кремле учредили женский Успенский монастырь, однако попадали за его высокие стены не только по собственному желанию, но и по чужой, монаршей воле – монастырские кельи становятся надежной тюрьмой для высокопоставленных пленниц.

Последней из них была Елизавета – дочь Петра Первого. Вскоре она воцарилась на престоле, и Александрова слобода окончательно лишается былого блеска, становится заштатным городком, о суровой истории которого напоминали только величественные кремлевские сооружения...

В центре старинного города с горестным прошлым стояла вполне современная и уютная гостиница.

В вестибюле было пусто, и наша робкая надежда провести ночь не на вокзале, а в гостиничном номере, укрепились. Мы бодро повернули к деревянному барьеру, за которым над толстой растрепанной книгой сидела дежурная – полная миловидная женщина с добрым, бесхитрым лицом, какие встречаются только в провинции.

Отсутствие очереди, симпатичная дежурная – все складывалось как нельзя лучше. Мне уже представлялось, с каким удовольствием я вытянусь на свежей прохладной простыне, – и тут одновременно мы увидели лаконичное объявление «Мест нет».

– Что и следовало ожидать, – упавшим голосом сказал Пташников.

Дежурная рассеянно посмотрела в нашу сторону и опять уткнулась в книгу. Мы поняли – мест не только нет, но и не будет.

Идти на вокзал уже не было сил, да и что ожидало нас там? Жесткие скамейки, бачок с кипяченой водой, портреты уголовников на стене, а впереди длинная-предлинная ночь.

– Все, я не тронусь с этого места до утра, – заявил Пташников и устало опустил в низкое кресло возле закрытого газетного киоска.

Я тут же молча устроился рядом, показав Окладину на свободное кресло, – что еще можно было придумать в нашем незавидном положении?

Но Окладин рассудил иначе. Понимая, что от нас с краеведом мало толку, он так расписал дежурной наши дорожные злоключения, что в ее глазах промелькнуло сострадание, а руки машинально потянулись к толстой, обернутой в газету тетради.

Впереди опять слабо засветилась надежда. Мы с Пташниковым, словно и не было усталости, моментально поднялись с кресел и вместе с Окладиним стали напряженно следить, как

дежурная неторопливо перелистывала исписанные страницы этой неказистой тетради, которая представилась нам в тот момент Книгой судеб.

Наконец дежурная произнесла очень приятным и добрым, как мне показалось тогда, голосом:

– На одну ночь могу устроить. Должны были московской электричкой по брони приехать, но не явились. Повезло вам, давайте паспорта...

Мы с Пташниковым рассыпались в благодарностях. Окладин с достоинством молчал, видимо, не без основания полагая, что он свое дело сделал, а выражать восторги – прямая обязанность тех, кто не ударил палец о палец, чтобы попасть в гостиницу.

Заполнив бланки, мы расписались в том, что больше чем на одну ночь проживания в гостинице не претендуем. Окладина и Пташникова дежурная поселила в номер на втором этаже, а меня на третьем, в триста седьмую комнату. Номер был тоже двухместный, и дежурная предупредила, что мой сосед, вероятно, уже спит.

Я договорился с попутчиками встретиться утром в половине восьмого в вестибюле, пожелал им спокойной ночи и поднялся к себе на этаж. Вдоль длинного и узкого, как пенал, коридора, упирающегося в темное окно, тянулась красная ковровая дорожка, монотонно зудели лампы дневного света, по сторонам темнели проемы дверей.

Было тихо, словно на этаже никого нет, только в самом конце коридора приглушенно звучало не выключенное радио – кремлевские куранты отбивали полночь.

Остановившись перед своим номером, я сначала прислушался, потом осторожно повернул ручку. Дверь легко, без скрипа, подалась. Тусклый свет уличного фонаря за незашторенным окном ложился на потолок и, переломившись, падал на стену.

Белели две кровати, между ними чернела тумбочка, на ней горбился светлый телефон. На кровати справа, отвернувшись лицом к стене, спал человек.

На цыпочках я подошел к свободной кровати, поставил под стул «дипломат», на спинку повесил одежду и с наслаждением растянулся на прохладной, накрахмаленной простыне, накинув на себя легкое байковое одеяло в шуршащем пододеяльнике.

Мечта, в которой я чуть было не разуверился, сбылась. Что еще надо командированному?

События и впечатления минувшего дня – беготня по столичным улицам, суматошный Ярославский вокзал, разговор в электричке об убийстве Грозным царевича Ивана, странное поведение нашего чернобородого попутчика, нырнувший в толпу парень в оранжевой куртке, долгая дорога в гостиницу, миловидная дежурная над растрепанной книгой – промелькнули перед глазами с калейдоскопической быстротой, и я незаметно заснул, намереваясь пробудиться только утром.

Но случай, который в нашей жизни очень часто берет на себя роль поводыря, распорядился иначе.

Глубокой ночью я неожиданно проснулся, услышав тихий плеск воды. Спросонья не сразу понял, что умывается над раковиной в углу комнаты мой сосед.

Я перевернулся на другой бок и попытался опять заснуть, однако сон пропал. Невольно я стал угадывать звуки за спиной: звякнула металлическая пряжка ремня, цокнули каблук по паркету, вскинутое одеяло всколыхнуло воздух. Затем послышалось, как сосед поставил на тумбочку не то портфель, не то сумку, сложил туда какие-то вещи, дернул застежку-«молнию» и вышел из комнаты, без стука прикрыв за собой дверь.

Я почувствовал к незнакомому человеку, которого даже не видел в лицо, симпатию. Мне довелось много ездить по командировкам и месяцами жить в гостиницах. Разных встречал соседей, другой и нарочно разбудит, чтобы досадить.

Больше мне ничто не мешало безмятежно спать, но какое-то странное беспокойство не оставляло меня после ухода соседа. Пытаясь заснуть, я ворочался с боку на бок, однако сон как рукой сняло.

Я открыл глаза.

Фонарь за окном почему-то погас, на безлунном небе высыпала звездная россыпь. Кровать у стены и черная тумбочка рядом едва просматривались, будто запечатленные на переержанной и нечеткой фотографии.

В поисках положения, в котором все-таки удастся заснуть, я хотел было опять повернуться лицом к стене, но тут мой взгляд остановился на тумбочке: мне показалось – на ней что-то поблескивает.

Сначала я подумал – это стеклянная пепельница, но глаза стали привыкать к темноте, и, присмотревшись, я убедился, что предмет очень маленький и блеск у него красноватый, словно огонек непотушенной сигареты. Однако сигаретным дымом в комнате не пахло, и загадочный огонек не гас, а чем дольше я смотрел на него, тем вроде бы разгорался сильнее.

Любопытство взяло верх, я поднялся с кровати, наклонился над тумбочкой и нащупал на ней заинтересовавший меня предмет.

Это было тяжелое, массивное кольцо.

Приблизившись к окну, я рассмотрел вделанный в него большой граненый камень, красноватый, таинственный блеск которого и задержал мой взгляд.

Хотя мне никогда не приходилось иметь дело с драгоценными камнями, я сразу понял – это не подкрашенная стекляшка, которую в дешевой оправе из латуни можно купить в любом киоске на улице. Несомненно, в руке у меня лежало настоящее золотое кольцо с драгоценным камнем.

Не стоило труда догадаться, как кольцо оказалось на тумбочке, – его снял, умываясь, мой сосед по номеру, а потом, собираясь в потемках, второпях забыл о нем.

Первым моим желанием было броситься в коридор, догнать рассеянного человека, но тут же сообразил, что за время, пока я рассматривал кольцо, он успел спуститься на первый этаж.

В этой ситуации мне не оставалось ничего другого, как наспех одеться, сунуть кольцо в карман брюк и выскочить из номера.

Верхний свет в вестибюле был выключен, при свете настольной лампы над растрепанной книгой по-прежнему дремала миловидная дежурная, прописавшая нас в гостиницу.

Услышав мои шаги, она подняла голову, сонные глаза удивленно округлились. Прежде чем выбежать на улицу, я спросил у дежурной, рассчитался ли мой сосед по триста седьмому номеру за проживание в гостинице, вернется он или нет.

В глазах женщины промелькнул испуг, прямо на мой вопрос она так и не ответила:

– Он сказал, что попытается уехать ночным поездом. А что у вас случилось? Куда вы?

Объясняться было некогда, я выскочил на улицу, будто нырнул в холодную черную воду.

Фонари у гостиницы по-прежнему не горели, темень была – хоть глаза выколи.

Напрямик, по мокрому от росы газону, я выбежал на соседнюю улицу, повернул направо. Здесь огни светились, двумя цепочками, сближаясь, уходили к железнодорожному вокзалу.

Быстро прошагав несколько метров, я остановился, убедившись, что улица впереди меня совершенно пустынна, а уйти далеко мой сосед просто не успел.

Я нерешительно затоптался на месте, не зная, куда идти, – это была кратчайшая дорога к вокзалу. Посмотрел в противоположную сторону – и заметил в жидком свете фонаря на перекрестке черную фигуру человека, который удалялся от меня в темноту городской окраины.

Хотел окликнуть его, но полной уверенности, что это и есть рассеянный владелец золотого кольца, у меня не было. Не придумав ничего другого, я попытался настигнуть этого человека.

Не знаю, или он заметил мое преследование и потому пошел быстрее, или очень спешил, но сразу догнать его мне не удалось, а бежать за ним со всех ног я не рискнул – мало ли что подумает человек, вдруг испугается?

Теперь я уже нисколько не сомневался, что это мой сосед по номеру.

Но какая причина заставила его ночью уйти из гостиницы? Почему он сказал дежурной, будто идет на вокзал, а сам направился в противоположную сторону?

Ситуация складывалась почти детективная – один уходит от погони, другой его преследует. Вспомнился нарисованный доктором Уотсоном словесный портрет любимого литературного героя моего детства – знаменитого английского сыщика-любителя Шерлока Холмса, когда он шел по горячему следу: «Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза».

Как бы примерив этот портрет к себе и посмотрев на свой поступок со стороны, я раскаялся, что вовремя не остановился. Решил повернуть назад, в гостиницу, – и не сделал этого. Странное ночное преследование увлекло меня, поведение идущего впереди человека все больше казалось мне подозрительным.

От центра города мы удалялись с ним дальше и дальше, фонари попадались все реже. Вместо кирпичных зданий потянулись дощатые заборы, за ними, настороженно поблескивая узкими окнами, в глубине черных дворов таились деревянные избы, изредка полусонно, как бы нехотя, перелаивались собаки.

Так, один за другим, словно привязанные, мы миновали несколько жилых кварталов, перешли широкий мост через речку Серую и оказались перед стенами Александровского кремля. Здесь, как я помнил, находился местный краеведческий музей. Подозрение, что незнакомец задумал что-то недоброе, еще больше укрепилось во мне – музейные экскурсии по ночам не совершают.

Высокие кремлевские стены будто светились в темноте, над ними тянулись в звездное небо купола церквей, мрачно мерцали кресты. Над закрытыми воротами слабо тлела электрическая лампочка и чуть покачивалась от легкого ночного ветерка. Желтое пятно света тревожно скользило по стене и воротам.

Незнакомец резко свернул на узкую, едва заметную, прячущуюся в лопухах и крапиве тропинку вдоль крепостной стены.

Я остановился, размышляя, как поступить дальше.

Теперь было уже очевидно, что именно сюда, в Александровский кремль, через весь город пробирался незнакомец из гостиницы. Музей наверняка охранялся. Не лучше ли, пока не поздно, предупредить сторожа, чем продолжать это самодеятельное преследование? Куда заведет оно меня, чем закончится?

Я уже совсем было собрался стучать в запертые ворота, как вдруг подумал: а что я скажу сторожу? Не посчитает ли он меня за ненормального, которому везде чудятся злоумышленники?

Мои документы остались в пиджаке, история с обнаруженным мною драгоценным кольцом и ночным преследованием может показаться неубедительной даже очень доверчивому человеку. Но и в том случае, если мне каким-то образом удастся объяснить сторожу, что здесь дело серьезное и надо принимать какие-то меры, уйдет слишком много времени и незнакомец успеет скрыться, совершив задуманное.

Все это промелькнуло у меня в голове в считанные секунды, я еще видел темную фигуру незнакомца и, приняв окончательное решение, повернул следом за ним.

В темноте тропинка угадывалась с трудом, а человек впереди меня шел так уверенно и быстро, словно уже не раз пользовался этой тропой и хорошо запомнил все ее зигзаги.

Шелестела трава под ветром, от крепостной стены исходил вековой холод, над головой перемигивались звезды.

Преследовать незнакомца стало труднее – чтобы не потерять его из виду, я должен был идти за ним чуть ли не по пятам. Достаточно ему было остановиться – и мы столкнулись бы нос к носу. Поэтому я напряженно прислушивался к его шагам, всякую секунду ожидая, что они вот-вот смолкнут.

На мое счастье, тропинка была песчаная, сухой песок громко похрустывал под ногами незнакомца, видимо, обутого в сапоги, – я слышал, как по их голенищам хлестала смыкающаяся над тропинкой высокая трава. Но если бы незнакомец внезапно и резко повернул назад, спрятаться мне было бы негде, разве лишь ничком броситься в мокрую траву.

Невольно подумалось, что в детективных повествованиях, которыми я зачитывался в свое время, каждое такое преследование в конце концов заканчивается схваткой.

Так я миновал за незнакомцем одну башню, другую, третью – и шаги смолкли. Все время преследования я ждал этого момента, но все равно был застигнут врасплох и чуть было не выскокил из-за круглой башни, которая разделяла нас.

Почему он остановился? Может, услышал мои шаги?

Затаив дыхание, я прижался к стене. За башней раздался протяжный металлический скрежет, словно наждаком провели по ржавому железу. Секунды через три неприятный звук повторился, будто вернулся эхом, и что-то глухо, коротко стукнуло.

Вслушиваясь в тишину, я стоял, боясь пошевелиться.

Не уловив больше ни звука, кроме вкрадчивого шелеста травы, медленно двинулся вперед, остановился, опять настороженно прислушался. Сделав еще несколько шагов, выглянул из-за башни.

Впереди никого не было, в светлой крепостной стене темнела дверь, обитая металлическими полосами.

Незнакомец скрылся за этой дверью, это ее скрежет передернул меня ознобом.

Что мне было делать? Повернуть назад, так и не узнав, что задумал этот подозрительный человек? Зачем же тогда, преследуя его, я тащился через весь город, до рези в глазах всматривался в темноту, напряженно вслушивался в ночные звуки?

Оказавшись перед закрытой дверью в крепостной стене, я вспомнил уютный гостиничный номер, своих попутчиков, которые беззаботно спали и видели спокойные сны. В половине восьмого они будут ждать меня в вестибюле. Пока доберусь до гостиницы, наступит утро, выспаться так и не удастся. Теперь история с ночным преследованием окончательно представилась мне глупой мальчишеской выходкой, которой не было оправдания. На чем свет стоит ругал я себя и свою неумную тягу к приключениям на свою голову.

Твердо решив возвращаться в гостиницу, последний раз посмотрел на закрытую дверь. Надо было уходить, но она словно приковала к себе мой взгляд.

В темноте мне показалось, а может, так и было, что это не подделка под древность, созданная искусными реставраторами, а подлинная старинная дверь, простоявшая здесь столько же, сколько и эти стены: потемневшие от времени широкие, видимо, дубовые доски, выпуклые заклепки на узорчатых петлях, вместо ручки – массивное чугунное кольцо, которое так и хотелось потрогать.

Куда ведет эта дверь? Что ищет за ней незнакомец? Повернуть назад, так ничего и не выяснив? Нет, это было выше моих сил.

Я взялся за холодное чугунное кольцо и потянул дверь на себя. Неприятный, уже знакомый мне скрежет разрезал тишину ночи. Я пригнулся, сделал широкий шаг вперед. Передо мной, на темно-синем звездном небе, четко чернел резной силуэт какого-то собора.

Это было последнее, что я увидел. В лицо брызнула влажная пахучая струя, сильный удар отбросил меня на землю.

Будто бы издали донесся глухой стук закрывшейся двери, и я потерял сознание.

Глава третья. Под чужим именем

Не знаю, сколько времени я провалялся в траве у крепостной стены, может, час, может, полтора. Помню только, что, когда пришел в себя и с трудом открыл глаза, уже светало и блеклые звезды в небе таяли одна за другой.

Смутно представляю себе, как добрался до гостиницы и поднялся в номер, – все словно туманом накрыло.

Проснулся, почувствовав, как мою голову обхватывает что-то холодное. Осторожно накладывая мне на лоб мокрое полотенце, надо мной склонился Пташников. Сморщенное лицо его выражало удивление и сострадание, губы что-то шептали, но слов я еще не слышал – сознание возвращалось медленно.

В кресле рядом с моей кроватью, сложив руки на груди, сидел Окладин, смотрел на меня недоуменно и сосредоточенно.

Возле дверей, плечом опершись о косяк, стояла взволнованная дежурная, устроившая нас в гостиницу.

Ощущая внутри жгучую, иссушающую жажду, я, не узнавая собственного пересохшего голоса, попросил пить. Пташников налил из графина стакан воды и протянул мне. Я схватил стакан с такой жадностью, словно боялся, что его отнимут. Вода струилась по подбородку, затекала под рубашку.

Сразу стало легче, хотя голова еще болела, а в теле была противная, отупляющая слабость.

– Что с вами случилось? – только сейчас дошло до меня, о чем спрашивает Пташников. Я приподнялся на локтях, краевед подложил под мою спину подушку. Рубашка и брюки на мне были мятые, нерасшнурованные грязные туфли валялись посреди комнаты.

В глазах Окладина сквозило осуждение. Наверное, меня можно было принять за пьяницу, проснувшегося в страшном похмелье.

Мне стало стыдно, хоть провались. Попросив еще стакан воды и залпом осушив его, я торопливо, перескакивая с одного на другое, поведал о том, что произошло ночью: о кольце на тумбочке, о попытке догнать его владельца и о происшедшем у крепостной стены.

Во время моего рассказа историк и краевед несколько раз переглянулись. Я понял: мне не верят, и горячо, еще более несвязно начал повторять случившуюся со мной необычную историю.

– Все это очень похоже на приключенческий сюжет, – не дослушав меня до конца, обронил Окладин.

Пташников промолчал, но по его выразительному лицу было ясно, что он подумал о том же.

Это разозлило меня. Голова все еще болела, в мыслях был разброд. События минувшей ночи перемешались, перепутались, и я даже подумал – уж не на самом ли деле приснились они мне?

Ночное преследование по пустынным улицам, черная фигура незнакомца впереди, тропинка вдоль крепостной стены, протяжный скрежет двери, пахучая струя в лицо, удар по голове – не слишком ли много событий для одной ночи?

Пожалуй, если бы кто-то рассказал мне такое, я тоже бы не поверил. Даже грязные ботинки – явное свидетельство того, что ночью я куда-то выходил из гостиницы, – можно было объяснить иначе, без золотого кольца и ночного преследования.

Я спустил ноги на пол, полез в карман брюк за носовым платком – и вынул кольцо! То самое золотое кольцо с красным граненым камнем, которое разглядывал ночью!

Окладин смотрел на меня, как на ловкого фокусника. Пташников не отрывал от кольца изумленных глаз. Дежурная у дверей охнула от неожиданности, и на ее лице еще отчетливее обозначился испуг.

Я протянул кольцо Пташникову:

– Вот вам вещественное доказательство, что все это было наяву, а не приснилось.

Краевед взял кольцо осторожно, словно боясь, что оно исчезнет, долго рассматривал его, сдвинув очки на лоб. Наконец растерянно проговорил, вернув очки на нос, а кольцо положив на тумбочку:

– В драгоценностях я небольшой знаток, но ясно, что кольцо ценное и старинной работы. Где-то я такое уже видел...

Только мельком взглянув на кольцо, словно оно вовсе не заслуживало внимания, Окладин бесстрастно произнес:

– Представим, это кольцо вы действительно обнаружили ночью на тумбочке и его действительно оставил ваш сосед по номеру. Но все остальное, извините, выглядит совершенно неправдоподобно. Вряд ли вы вообще покидали этой ночью гостиницу.

Я не мог понять, почему Окладин с таким недоверием относится к моему рассказу, словно случившееся со мной каким-то непонятным образом касается лично его.

Хотел резко ответить историку, как вдруг в комнате раздался тихий голос дежурной, которая по-прежнему стояла у двери.

– Вы не правы, – возразила она Окладину.

Тот резко повернулся к ней лицом:

– В чем я не прав?

– Ночью этот молодой человек, – сказала дежурная, кивнув в мою сторону, – выходил из гостиницы.

Вид у женщины был – краше в гроб кладут, голос дрожал от волнения и срывался.

– Да вы сядьте! – подал ей стул Пташников.

Дежурная благодарно кивнула, присев, прошептала едва слышно, не поднимая головы:

– Это я во всем виновата...

– Давайте по порядку, – сразу же остановил ее Окладин. – Сначала познакомимся. Как вас зовут?

– Зинаида Васильевна.

Историк назвал сам, представил нас с краеведом и деловито заговорил, взяв на себя роль следователя:

– Вот теперь мы можем спокойно разобраться, что же случилось. Значит, Зинаида Васильевна, этой ночью вы видели обоих жильцов триста седьмого номера?

– Да, – покорно кивнула женщина, все больше теряясь и нервничая. При этом она почему-то старалась избегать требовательного взгляда историка.

– Ночью вы о чем-нибудь говорили с человеком, оставившим это кольцо? – строго спросил Окладин.

– Я окликнула его, когда он был уже у дверей. Мне показалось, он хотел уйти незамеченным.

– А разве входная дверь на ночь не запирается?

Дежурная испуганно посмотрела на историка и опять отвела глаза в сторону:

– Вообще-то положено, но на этот раз я поленилась.

– Так, ясно. Что было дальше?

– Я спросила его, куда он на ночь глядя собрался. Он ответил, что попробует уехать ночным поездом, а если не получится, то вернется назад в гостиницу.

– Странно, зачем этому человеку понадобилось вас обманывать, – недоверчиво заметил Окладин, постукивая длинными пальцами по подлокотникам кресла.

– Не знаю.

– Наверное, перед уходом из гостиницы он все равно должен был сдать вам номер?

– Да, но он заплатил за двое суток, – замямвшись, не сразу ответила дежурная.

Теперь историк тем же требовательным тоном обратился ко мне:

– А может, вы ошиблись и в темноте пошли за другим человеком?

Мне не понравилось, что Окладин все больше входил в роль придирчивого следователя, который не верил ни мне, ни дежурной. Поэтому в голосе моем проскользнуло недовольство:

– На улице больше никого не было. Если бы он направился к вокзалу, я обязательно заметил бы его.

– А если он поймал такси? – настойчиво цеплялся историк за свою версию.

– Дорога к вокзалу прямая, как линейка. Ни одной машины в это время на улице не было.

– Значит, ошибка исключается? – пытливо заглянул мне в лицо Окладин, словно в чем-то все еще подозревая меня.

– Это был мой сосед по номеру, я не мог ошибиться.

– В любом случае его надо найти, – сказал Пташников.

– Зачем?

Краевед удивленно развел руками:

– Как зачем? Хотя бы для того, чтобы вернуть утерянное им ценное кольцо.

– И все-таки я считаю, что к происшедшему у кремля владелец этого кольца никакого отношения не имеет, – остался при своем мнении Окладин. – Кстати, как его фамилия? – спросил он дежурную.

– Бусов. Кондратий Иванович Бусов.

– Что?! – подавшись из кресла, историк уставился на женщину, словно бы сомневаясь, правильно ли понял ее.

– Вы его знаете?

Окладин будто не расслышал моего вопроса:

– Странно, очень странно... Ну а откуда он приехал в Александров, где прописан? – обратился историк к дежурной, в ожидании ответа опять нетерпеливо застучав пальцами по подлокотникам кресла.

– Я не знаю... Я не уверена... – пробормотала дежурная.

– В чем не уверены? Вы должны были записать его паспортные данные. Разве не так? – допытывался Окладин.

– У него не было паспорта, – с усилием произнесла женщина и, опережая новые вопросы историка, добавила: – У него вообще не было никаких документов.

– Как это не было? – нахмурился Окладин. – Как же вы устроили его в гостиницу без документов?

Дежурная шмыгнула носом, вытерла его платком и торопливо заговорила, по-прежнему стараясь избегать строгого взгляда историка:

– Вчера вечером, только приняла смену, вдруг звонок. Мужчина представился старшим лейтенантом милиции Муравьевым, спросил мою фамилию. Потом сказал, что они, то есть милиция, просят устроить в гостиницу человека, у которого в поезде украли документы. Милиция ищет вора, а пока этому Бусову надо где-то переночевать.

– Но ведь это явное нарушение правил паспортного режима! – наставительным тоном произнес Окладин.

– Я ему так и сказала – нельзя правила нарушать, но лейтенант пообещал утром зайти в гостиницу и все уладить. Через полчаса явился Бусов, с его слов я записала все необходимые данные и устроила в триста седьмой номер.

– Фамилия, конечно, вымышленная, – с видом знатока вставил я.

Женщина печально согласилась:

– Теперь я и сама понимаю – меня просто-напросто обманули. Когда ночью Бусов уходил из гостиницы, я уже почувствовала неладное – он так ехидно усмехнулся...

– Значит, он назвался Кондратием Ивановичем Бусовым?.. Странно, очень странно, – повторил Окладин, при этом с его лица не сходило выражение недоумения.

Я никак не мог понять, чем взволновала историка эта явно придуманная фамилия.

– Вы не звонили в милицию, не узнавали, есть у них такой лейтенант Муравьев? – спросил дежурную Пташников.

– Сначала я хотела, но потом поняла – это бесполезно.

– Как же вы так неосторожно поступили? – не удержался от упрека Окладин, опять напустив на себя строгость.

– В гостинице я первый месяц, раньше на телевизионном заводе контролером работала, но сердце стало пошаливать, врачи и посоветовали найти место поспокойней. Вот и нашла...

– Да, у вас могут быть неприятности, – сухо сказал Окладин.

Дежурная расстроилась еще больше и произнесла упавшим голосом, комкая в руках носовой платок:

– Если директор гостиницы узнает, что я устроила человека без паспорта, меня просто уволят...

Женщина собралась уходить, но Окладин остановил ее:

– Минуточку, Зинаида Васильевна. Последний вопрос – вы видели, как этот молодой человек, – историк кивнул на меня, – вернулся в гостиницу?

– Наверное, я немного задремала, – виновато проговорила женщина и вышла, потупив голову.

– Сплошные загадки, – ворчливо произнес Окладин, когда за дежурной закрылась дверь. – Все, как в настоящем детективном романе: преследование, покушение, оставшаяся улика, фиктивная фамилия... Ничего не понимаю.

– Теперь кое-что прояснилось, – назидательным тоном сказал Пташников.

– Что прояснилось? – опередил я вопрос Окладина.

– Теперь понятно, что ночью вы не ошиблись и преследовали именно Бусова, именно он напал на вас возле Александровского кремля, видимо, заметив слежку за собой.

– Я в этом не сомневался. Сомнения были у Михаила Николаевича.

– Почему вы считаете, что теперь они должны рассеяться? – недовольно спросил краеведа Окладин.

– Человек, устроившийся в гостиницу таким хитроумным образом, способен на все, в том числе и на покушение. Фиктивная фамилия потребовалась ему, чтобы совершить что-то противозаконное. Когда ему пытались помешать, он избавился от своего преследователя.

– Логично, – вроде бы неохотно согласился Окладин. – Но остались без ответов два вопроса: первый – кто этот авантюрист под чужой фамилией, второй – что он делал в Александровском кремле?

Чем больше мы думали об этой странной истории, тем загадочней представлялась она нам.

Сидя на кровати, я прикладывал к голове мокрое полотенце – боль еще не утихла окончательно. Окладин все так же сидел в кресле, задумчиво поглаживая пальцами виски. Пташников беспокойно вышагивал по комнате.

Остановившись возле тумбочки, он взял с нее кольцо с красным камнем и опять стал его внимательно разглядывать, словно бы стараясь о чем-то мучительно вспомнить. И тут с краеведом произошло непонятное: невнятно вскрикнув, он пулей выскочил из комнаты. Мы с Окладиним недоуменно посмотрели ему вслед, переглянулись – выходка Пташникова озадачила нас.

Вернулся он минут через десять, положил кольцо на тумбочку и молча сел на стул, как бы испытывая наше терпение. Было ясно – он узнал нечто неожиданное, мы ждали его объяснений. Однако краевед все еще медлил, спросил, не догадываемся ли мы сами, кто этот загадочный обладатель старинного кольца.

Окладин признался, что вроде бы тоже видел это кольцо раньше, но не может вспомнить, где и при каких обстоятельствах.

– Теперь я могу вам точно сказать, где и когда вы его видели. – Краевед сделал паузу и четко проговорил: – Вчера вечером, в московской электричке.

– Чернобородый! – воскликнул я, откинув полотенце в сторону.

– Точно! Я видел это кольцо у него на руке, – вспомнил и Окладин, ладонью хлопнув себя по колену.

Довольный произведенным впечатлением, Пташников объяснил:

– Мне тоже показалось, что я видел это кольцо у чернобородого, но оставались сомнения. Сейчас расспросил Зинаиду Васильевну – все приметы сходятся: черная борода, шляпа, ремень с пряжкой, высокие сапоги, сумка через плечо. В гостинице он появился незадолго до нашего прихода, видимо, добрался рейсовым автобусом.

– Интересно, чем одурманил он меня там, возле крепостной стены? Голова до сих пор трещит, – признался я, снова приложив к голове мокрое полотенце.

– Судя по всему, это какая-то специальная аэрозоль, – рассудил Окладин. – Но где, спрашивается, он ее достал? В аптеке такую гадость не купишь.

Пташников посмотрел на дело иначе:

– Хорошо, что эта аэрозоль была у него, все могло кончиться гораздо хуже. Наверное, этот человек и перед убийством не остановился бы, на все бы пошел.

– Бусов, – в третий раз повторил Окладин и спросил краеведа: – Вам эта фамилия ничего не говорит?

– Не знаю я этого авантюриста и знать не хочу!

– Так горячо восхищались его историческими познаниями, а теперь и слышать о нем не хотите? – насмешливо улыбнулся Окладин. – А между тем тут все взаимосвязано.

– Каким это образом? – удивился краевед, суетливо поправив очки на носу.

– Свои знания истории наш чернобородый попутчик ловко использовал в преступных целях. Впрочем, пока еще не известно, в каких именно.

– Объясните толком, – буквально взмолился Пташников. – Может, вы знали чернобородого раньше?

– Нет, встречаться с ним мне не довелось. Но тем, кто изучал историю Смутного времени, хорошо известен тот, чьей фамилией он воспользовался, несколько изменив ее.

Пташников вскинул руку:

– Подождите, подождите... Я, кажется, догадываюсь, кого вы имеете в виду, – Конрада Буссова! Ну, каков наглец! – возмутился краевед, опять заходя по комнате.

Я попросил историка объяснить, кто такой этот Конрад Буссов, именем которого воспользовался чернобородый, чтобы хитростью устроиться в гостиницу.

Окладин начал отвечать обстоятельно и по-деловому строго, словно перед студенческой аудиторией:

– Типичный европейский наемник, который жил войной и наживался на ней. Есть предположение, что он был там агентом Бориса Годунова, в Нарве руководил заговором против шведов, после провала бежал в Москву, потом очутился в Риге, где в 1612 году написал так называемую «Московскую хронику». Не дождавшись ее издания, через пять лет умер в Любеке, где и был похоронен возле соборной церкви. Впрочем, может, не умер? Может, мы и впрямь встретили нового Агасфера? – улыбнулся историк, явно подтрунивая над Пташниковым.

– Вы шутите, а у меня тот разговор в электричке до сих пор из головы не выходит. – Краевед присел на стул. – Историю он знает на удивление хорошо, и не только по опубликованным работам, возможно, действительно располагает какими-то неизвестными источниками.

– Подумайте сами – откуда они у него могут взяться?

– Нет, тут все не так просто, – упрямо произнес краевед. – Уверен, Конрада Буссова он тоже не случайно вспомнил, этому тоже есть какое-то объяснение.

Окладин посмотрел на Пташникова с недоумением, потом – на свои наручные часы и сказал, пересилив раздражение:

– Так, на утреннюю электричку мы опоздали, на дневную тоже, пожалуй, не успеем. Остается вечерняя. Я вот о чем подумал – не сходить ли нам на место происшествия? Еще немного – и вы, уважаемый Иван Алексеевич, всерьез поверите, что ожил тот самый Конрад Буссов, уроженец города Ильтен Люнебургского княжества. А я еще раз утверждаю – это просто мелкий жулик. Возможно, в кремле прояснится, кто из нас двоих прав. И вообще – привык все доводить до конца. Вы не против? – спросил Окладин краеведа.

– Я хотел предложить вам то же самое, – сердито ответил Пташников и, сменив тон, обратился ко мне: – Как вы себя чувствуете? Сможете пойти с нами?

Ни слова не говоря, я встал с кровати и начал приводить себя в порядок. Голова еще побаливала, но желание разобраться в событиях минувшей ночи придавало мне силы.

Мы направились к монастырю той самой дорогой, по которой я следовал за чернобородым, перед моими глазами словно бы опять маячил темный силуэт, слышались в тишине гулкие шаги, а в душе возникало то же тревожное чувство напряжения и опасности.

– Как вы думаете, Бусов – будем его так называть – знал дорогу к кремлю? – поинтересовался Окладин.

Шел он очень уверенно. У меня создалось впечатление, что дорога ему знакома. Почему вы спрашиваете об этом?

К кремлю можно было пройти более коротким путем. Возможно, он заметил, что его преследуют, и умышленно пошел в обход, чтобы оторваться от слежки...

По виду историка я догадался, что, несмотря на решение побывать на «месте происшествия», на быструю разгадку ночной истории он все-таки не надеется.

Освещенный солнцем, кремль выглядел не таким мрачным, каким показался мне ночью: над недавно побеленными стенами курчавились кроны деревьев, над ними празднично посверкивали кресты на куполах.

Вот и узкая тропинка в густой траве, массивная круглая башня, за которой я испытал неприятные секунды ожидания: не повернет ли ночной злоумышленник назад, не столкнемся ли мы с ним нос к носу?

Я непроизвольно замедлил шаги. Обогнув башню, мы остановились перед глубокой низкой нишей в крепостной стене, закрытой темной дубовой дверью. Тропка уходила дальше, вплотную к двери подступала чуть примятая трава.

– Дверь как дверь, ничего особенного. Ну, что же вы? Смелее. Или боитесь еще одной встречи с чернобородым? – съязвил у меня за спиной Окладин.

Пригнувшись, я взялся за чугунное кольцо, с усилием открыл тяжелую дверь, шагнул вперед – и застыл на месте...

Глава четвертая. На месте происшествия

Передо мной стояли двое мужчин и смотрели на меня с такой изумленной настороженностью, словно я прошел сквозь крепостную стену. Одного из них – худого костлявого старика с впалыми щеками, сутуло опирающегося на самшитовую клюшку, я видел впервые.

Другим был мой школьный приятель Марк Лапин, с которым с пятого по десятый класс я сидел за одной партой. В первое мгновение он меня не узнал и официальным тоном произнес, подавшись навстречу, как бы предостерегая, чтобы я не повернул назад:

– Что же стоять в дверях? Проходите...

Я не сразу опомнился от неожиданности, пока историк легонько не подтолкнул меня в спину. Следом за мной Окладин и Пташников вышли на территорию кремля, встали рядом, словно к расстрелу приготовились.

Было заметно, наше появление тоже привело Марка в замешательство, а когда он наконец-то узнал меня, то и вовсе растерялся, запустил пятерню в светлые соломенные волосы:

– Ты как здесь очутился?

Наверное, мой ответ прозвучал грубовато – мне было неудобно перед спутниками, что ко мне обратились так фамильярно:

– То же самое я могу спросить у тебя.

Марк крепко взял меня за локоть, отвел в сторону. Я обиделся не на шутку и выпалил, не дав ему раскрыть рта:

– Столько лет не виделись – и даже не поздоровался! Ты по какому праву здесь командуешь?

Такого отпора Марк не ожидал, вроде бы даже смутился.

– Не ворчи. Я нахожусь тут при исполнении служебных обязанностей, потому и спрашиваю.

– Чего-чего?

Марк молча вынул из нагрудного кармана пиджака красную книжечку и, раскрыв ее, поднес к моим глазам – это было удостоверение сотрудника Министерства внутренних дел.

Только сейчас я вспомнил, что после школы он поступил в юридический институт и работал теперь в Москве. Последний раз мы виделись с ним на встрече выпускников нашей школы три года тому назад. Тогда он еще учился в институте.

– Значит, при исполнении? А здесь что делаешь? Как оказался в Александрове?

– Давай все-таки условимся, что вопросы буду задавать я, а ты отвечать. – Выгоревшие брови Марка сошлись к переносице.

Я понял, что сейчас ему не до школьных воспоминаний, и коротко, останавливаясь только на самом главном, рассказал, какие события привели нас в Александровский кремль.

Однако мой путанный рассказ, в котором я помимо своей воли перескакивал с одного на другое, не удовлетворил Марка – он начал дотошно выяснять подробности, попросил дать словесный портрет чернобородого, в деталях вспомнить разговор в электричке.

Но особо его заинтересовало мое ночное происшествие – как я преследовал чернобородого и чем это закончилось.

Выслушав мои «свидетельские показания», он искренне произнес, сменив официальный тон на доверительный:

– Хорошо, что вы не уехали в Ярославль, а зашли сюда. Иначе я с этим делом вообще бы завяз.

Признаться, мне было приятно это слышать.

– Кто твои спутники? Ты давно их знаешь?

Я сообщил Марку, при каких обстоятельствах встретился с Пташниковым и Окладиным, кто они такие.

– Историк и краевед? – переспросил Марк. – Замечательно! Это в самый раз то, что мне надо в сложившейся ситуации. Пойдем, познакомишь меня с ними...

Так и не поняв, чем историк и краевед могут заинтересовать сотрудника милиции, я представил Марка своим спутникам. Не сказал бы, что они обрадовались встрече с милиционером, особенно Окладин, который посмотрел на меня чуть ли не с подозрением.

Сутулый старик с клюшкой был сотрудником местного краеведческого музея, разместившегося на территории кремля. Окладин встречался с ним раньше, когда приезжал в Александровский музей по каким-то своим надобностям, а Пташников знал Ниткина заочно, как автора путеводителя по Александровой слободе.

Окладин задал Марку вопрос, который не в меньшей степени мучил и меня, и Пташников:

– Что же здесь такое произошло, если за дело взялась наша доблестная милиция? Или посторонним знать не положено? – в голосе историка прозвучала ирония.

– Получилось так, что вы не посторонние, а в настоящее время чуть ли не главные свидетели, – сказал Марк, как-то по-особому пристально всматриваясь в лицо Окладина.

Он это заметил и желчно обронил:

– Вон даже как!

– Свидетели? – поправил очки Пташников и оживленно добавил: – Это становится интересно.

– Как знать, – буркнул Окладин.

Вчетвером мы уселись на стоящую неподалеку скамейку, и Марк неторопливо заговорил, вводя нас в курс этого дела, которое с первых же фраз показалось мне необычным:

– Месяц назад в одну из московских церквей ночью проник человек. Сигнализацию каким-то хитроумным способом ему удалось вывести из строя, и, если бы захотел, он мог бы взять из церкви любую ценную икону, каковых там было множество. Однако повел он себя странно и пока необъяснимо – вынул из иконостаса всего одну икону и оставил ее в церкви.

– Захватывающее начало, – посмотрел Пташников на Окладина, но тот промолчал, только скептически поджал губы.

– Две недели назад точно такая история повторилась в Сергиевом Посаде – тоже была отключена сигнализация, распилена решетка в окне и вынута из иконостаса икона, которую взломщик опять оставил на полу церкви. И вот сегодня ночью при схожих обстоятельствах была предпринята попытка проникнуть в местную церковь. Однако на этот раз взломщик так и не попал в алтарь.

– Я живу в доме на территории кремля, – вступил в разговор Ниткин. – Ночью имею привычку прогуливаться здесь, когда мучит бессонница. Видимо, я и вспугнул взломщика. Он уже добрался до окна в алтарь, включил портативную электроножовку – я слышал звук работающего электромотора.

Дав Ниткину возможность высказаться, Марк добавил к его сообщению:

– Вероятно, ваш чернобородый попутчик и есть этот загадочный взломщик. Приметы совпадают: шляпа, борода, сумка через плечо, на ногах сапоги.

– Разглядеть его как следует я не успел – исчез через эту дверь словно привидение, – вставил Ниткин. – Она всегда на замке была, но кто-то его спилил.

– Вот вам еще одна загадка – значит, у чернобородого был сообщник, – сказал Марк. – Вероятней всего, замок спилен той же электроножовкой, которой пытались распилить решетку на окне церкви.

– А разве сам чернобородый не мог его спилить? – спросил Пташников Марка.

– Нет, это исключено, – ответил я краеведу. – Ночью он открыл дверь сразу, замка на ней уже не было.

– А вы не выходили через эту дверь за чернобородым? – повернулся Пташников к Ниткину.

– Преследовать его я побоялся, да и не догнал бы. Сразу же сообщил сторожу и вызвал милицию.

– Разыскная собака след не взяла, – проинформировал нас Марк. – Так же было в Москве и Сергиевом Посаде. Отпечатков пальцев тоже нет, фамилию в гостинице он назвал вымышленную.

– Получается, что, кроме этой вещицы, которую чернобородый оставил в гостинице, у вас ничего нет? – вынул я из кармана золотое кольцо и протянул Марку.

Он долго рассматривал его, даже подбросил на ладони, как бы взвешивая, через камень поглядел на солнечный свет.

– Вещь драгоценная, примерно шестнадцатый-семнадцатый век. Но для точной оценки нужна квалифицированная экспертиза. Я забираю его. Может, проходило по какому-нибудь делу.

– Вряд ли здесь действовал уголовник, – вскользь заметил Пташников. – Только зря время потеряете, если ухватитесь за эту версию. Тут надо копать глубже.

Марк посмотрел на краеведа, удивленно сощурился, тут же поинтересовался:

– У вас есть своя версия случившегося?

– Ничего у меня нет! – почему-то рассердился Пташников и нахохлился, как воробей под дождем.

– Одна версия есть, но она, гражданин милиционер, не совсем научная, скорее из области фантастики, – с многозначительной усмешкой взглянул историк на хмурого Пташникова.

– Поясните.

– Есть предположение, что чернобородый назвался в гостинице Бусовым не случайно, а имея на то, как говорится, законные права.

– Какие права? – переспросил Марк, опять напряженно всматриваясь в лицо Окладина.

– А может, это мне только показалось?

– Чернобородый и есть тот самый Конрад Буссов, который жил четыреста лет назад, – насмешливо продолжил Окладин. – Наш уважаемый Иван Алексеевич вроде бы всерьез считает, что только этим можно объяснить глубокие исторические познания чернобородого.

– Ну, это уже даже не фантастика, а какая-то чертовщина, – недовольно проговорил Марк. – Тут не до шуток. Зачем чернобородый проделывает с иконами эту непонятную операцию? Ведь не из простого любопытства он так рискует?

– Древние иконы имеют очень большую ценность не только для истинно верующих, но и для коллекционеров, правда, у них разное понимание этой ценности, – неуверенно ответил Пташников, оставив иронию Окладина без внимания.

– Но ведь этот таинственный взломщик не украл пока ни одной иконы!

– Значит, он разыскивает какую-то особо ценную икону.

– В церквах, в которые он проникал, есть очень ценные и древние иконы, – опять возразил краеведа Марк. – Однако они почему-то не привлекли чернобородого.

– Это лишний раз подтверждает мое предположение, что здесь действует не просто мелкий жулик, а рыба покрупнее, – упрямо проговорил Пташников, потрянув седой головой.

Окладин собрался было что-то сказать, вероятно, снова поиронизировать над краеведом, но передумал и замкнулся.

Как ни ломал голову, я тоже не мог вразумительно объяснить поступки чернобородого. Может, он просто не в себе? Однако в электричке он произвел на меня впечатление человека умного и собранного, умеющего контролировать себя, никаких странностей в его поведении я не заметил.

Вдруг Пташников, растягивая слова, спросил Марка:

– Вы можете сказать, какие конкретно иконы вынимал чернобородый из иконостасов?

– И в Москве, и в Сергиевом Посаде его интересовали иконы евангелиста Иоанна, укрепленные на Царских вратах иконостасов.

– Иконы древние?

– Нет. Восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Особой ценности не представляют. Глубоко задумавшись, Пташников некоторое время помолчал и порывисто поднялся со скамейки.

– Давайте-ка посмотрим здешний иконостас, – принял он решение. – Точнее – икону Иоанна на Царских вратах. Может, на месте и разберемся, в чем тут дело...

По пути мы невольно задержались возле Троицкого собора – древнейшего сооружения бывшего Александровского кремля. Дверь в собор была открыта, черный проем манил к себе, как холодная глубина колодца в жаркий день.

Не сопротивляясь этому желанию, мы следом за Ниткиным вошли в собор. Через световые прорезы в цоколе купола пробивались золотисто-голубоватые лучи, падали на фрески с изображением ангелов и святых, на мрачную картину Страшного суда.

Пташников обратил внимание на медные двустворчатые двери, закрывающие южный вход в собор, вслух медленно, нараспев, прочитал сделанную на них надпись:

– «В лето 6844... исписаны двери сии повелением боголюбивого архиепископа новгородского Василия, при благоверном князе Иване Даниловиче, при посадничестве Федорове Даниловиче, при тысяцком Авраме...»

Краевед вопросительно посмотрел на Ниткина:

– Ворота из Новгорода. Известно, как они очутились в Александровой слободе?

– Во время Новгородского погрома по приказу Грозного их сняли из южного придела Софийского собора. Двери уникальные, изготовлены методом огневого золочения, с применением ртути, пары которой буквально убивали мастеров...

Густой голос Ниткина звучал в гулком холодном соборе торжественно, как проповедь. Казалось, от древних стен и сейчас исходят молитвы и плачи, а в застоявшемся воздухе до сих пор держится запах похоронных и венчальных свечей, дрожат на стенах зыбкие тени молящихся.

С желанием поскорее избавиться от тяжелых видений прошлого я первым вышел из Троицкого собора на территорию кремля. Но они преследовали здесь на каждом шагу.

Ниткин подвел нас к Распятской церкви-колокольне. По преданию, она была построена Иваном Грозным после расправы над новгородцами, на звоннице висел пятисотпудовый колокол, тоже вывезенный из разграбленного Новгорода.

Сюда поднимался Грозный звонить к заутрене вместе с Малютой Скуратовым и царевичем Иваном. Наверное, колокола этой звонницы известили и о смерти царского наследника.

Я спросил Ниткина про массивную, строгих очертаний пристройку к звоннице.

– Марфина палата. К Ивану Грозному никакого отношения не имеет, тут Петр Первый приказал содержать свою сестру Марфу Алексеевну...

Ответ Ниткина прозвучал так, словно царская сестра и сейчас томится в этой палате.

Далекое прошлое в бывшем Александровском кремле будто оживало: в проемах звонницы чудились опричники в черных монашеских одеяниях и среди них Грозный, слышался печальный звон ссыльного новгородского колокола, в зарешеченном окне на миг как будто показалось бледное лицо царевны Марфы, промелькнула и скрылась за углом палаты неуклюжая, долговязая фигура Петра.

Церковь, в которую пытался проникнуть чернобородый, представляла собой белокаменный четырехстолпный храм с шлемовидным куполом на грузном барабане и резным позолоченным крестом на растяжках. На восточном фасаде круто выступали апсиды, в западном была прорезана дверь, украшенная перспективным порталом, – уменьшающиеся в размерах арки уходили в глубь массивной стены.

Надо было обладать немалой ловкостью, чтобы по узкой каменной тяге вдоль стены подобраться к зарешеченному сводчатому окну. В случае падения чернобородый неминуемо покалечился бы – площадка возле фундамента церкви была выложена большими серыми булыжниками.

Я поставил себя на место чернобородого – и невольно поежился: несомненно, это был человек, способный на самый рискованный, безрассудный поступок.

Чугунным ключом с замысловатой бородкой Ниткин открыл обитую железными листами дверь, на нас дохнуло вековым холодом, и мы поочередно, пригнув головы, вошли в церковь.

С блеклых фресок на опорных столбах бесстрастно взирали вытянутые лики святых. До самых сводов высился в сказочной золоченой резьбе иконостас, отделяющий алтарь от основной части храма, возвышался амвон – с него священники произносили проповеди, дьяконы читали Евангелие. Слева и справа располагались клиросы – места для певчих.

Красота иконостаса притягивала взгляд и вызывала чувство безмолвного восхищения. Деревянные гирлянды цветов, виноградные гроздья, картуши в виде свитков и щитов, обрамленные затейливыми завитками, мерцали таинственно и величаво.

Иконостас православного храма имеет свою структуру – иконы в нем располагаются в строгом порядке, определенными «чинами». Нижний ряд носит название «местный чин». В центре – Царские врата, справа – икона Иисуса Христа, слева – Богородица. Дальше – иконы праздника, которому посвящен храм, и местных святых.

Над иконами «местного чина» поднимается «деисусный чин». Прямо над Царскими вратами – икона Христа, справа от него – Иоанна Предтечи, слева – Богородица, за ними – иконы архангелов, апостолов Петра и Павла, отцов церкви, воинов и мучеников, причисленных к лику святых.

Следующий, «праздничный чин» состоит из небольших квадратных икон, посвященных главным праздникам христианского календаря: Троице, Рождеству Христову, Благовещению, Крещению, Сретению, Преображению, Тайной вечере, Воскресению Христа, Вознесению, Успению Богородицы, Распятию Христа, празднику Покрова.

Под самыми сводами древнего храма «праздничный чин» венчался резьбой по дереву. В больших храмах выше были еще два «чина» – пророческий и праотцов, состоящие из высоких икон в рост, чтобы их можно было разглядеть снизу.

Мы поднялись на амвон, подошли к Царским вратам с иконой Благовещения в центре и иконами евангелистов Марка, Матфея, Луки и Иоанна. Последнюю икону Пташников и Окладин осмотрели по-особому внимательно.

– Конец восемнадцатого века.

– Вернее, начало девятнадцатого, – поправил краеведа Окладин.

– В любом случае большой ценности не представляет, – добавил Пташников.

Историк заявил более решительно:

– Вообще никакой ценности не представляет!

Вероятно, у Ниткина на этот счет имелось несколько иное мнение, но он оставил его при себе.

– Что же заставляет чернобородого предпринимать такие рискованные поступки? – повторил Марк свой вопрос.

– Вероятно, его интересует не сама икона Иоанна, а нечто иное.

– Что же тогда? – заглянул Марк в насупленное лицо краеведа.

– То, что находится за иконой, чего нельзя увидеть, не сняв икону с Царских врат.

– Возможно, вы правы. – Марк выразительно посмотрел на Ниткина. – Придется снять икону Иоанна.

Было заметно, что Ниткину это решение не понравилось, но Марк все-таки настоял на своем, предположение Пташникова показалось ему убедительным.

Сходяв за инструментом, Ниткин осторожно отсоединил планки, которыми икона прижималась к Царским воротам, бережно вынул ее из углубления и перевернул.

Обратная сторона иконы была темной от времени и гладкой, как чертежная доска.

Пташников зачем-то постучал по ней согнутым пальцем и разочарованно вздохнул. Посмотрел на квадратное углубление в Царских воротах, в которое икона вставлялась, и какая-то новая мысль мелькнула в его глазах, он спросил Ниткина, какого века сами Царские ворота.

– Начало шестнадцатого, – моментально ответил тот.

– Тоже из Новгорода?

– Да, попали в Александрову слободу почти сразу после Новгородского погрома.

Теперь Пташников обратился к Марку:

– Не помните, в тех церквах, в которые смог проникнуть чернородый, Царские ворота случайно были не из Новгорода?

– Я как-то не придавал этому значения, – откровенно признался Марк. – Знаю точно, в Троице-Сергиевой лавре Царские ворота новгородской работы. А в Москве... Если это важно, можно моментально выяснить по телефону.

– Ну что ж, выясняйте. Теперь я уже не сомневаюсь – они попали туда тоже после Новгородского погрома, – твердо заявил Пташников.

– Почему вы так уверены в этом?

Пташников объяснил Окладину:

– Чернородого интересуют не иконы, а Царские ворота, вывезенные Грозным из Новгорода. Вероятно, на этих воротах за иконой евангелиста Иоанна находится какой-то план. Его и разыскивает чернородый. Как видите, на этих Царских воротах ничего подобного нет.

– Но чернородый этого еще не знает, он не успел снять икону, – задумчиво произнес Марк, сразу же согласившись с ходом рассуждений краеведа.

На этот раз не возразил и Окладин. Марк опять повернулся к Пташникову:

– Не сделает ли чернородый еще одну попытку проникнуть в эту церковь? Ведь он так и не выяснил того, что хотел узнать.

– Да, человек он решительный, на полпути не остановится, – согласился краевед.

– Вот и я так считаю, – обрадовался Марк, что его предположение нашло поддержку. Если человек, назвавшийся в гостинице Бусовым, и чернородый, с которым вы ехали в электричке, одно лицо, то вторую попытку проникнуть в церковь он может предпринять сегодня же ночью, чтобы еще раз не приезжать сюда из Москвы.

– После всего случившегося здесь это очень опасно для него, – засомневался Окладин. – Нет, я не верю, что он опять сунется туда, где его чуть не поймали.

Последнее слово было за Марком:

– Полной уверенности, что чернородый вернется сегодня ночью, у меня тоже нет. Но вероятность такого шага тоже нельзя исключать. Сейчас я на вокзале постараюсь выяснить, не уехал ли чернородый в Москву, а вы, пожалуйста, подождите меня в гостинице. Возможно, потребуется ваша помощь.

Окладин промолчал, но мы с Пташниковым охотно согласились помочь Марку – события приобретали все более захватывающий характер.

Глава пятая. Я делаю ошибку

Марк тут же уехал на вокзал на милицейском газике, который дожидался его у ворот кремля, а мы, простившись с Ниткиным, пешком направились в гостиницу. По дороге я настойчиво пытался вспомнить все, о чем чернородый говорил в электричке, проанализировать каждую его реплику, каждую недомолвку, подробно, с деталями, восстановить события минувшей ночи.

Теперь, когда нам стало известно, что произошло в Александровском кремле, многое в поведении чернородого стало казаться мне еще загадочней и непонятней.

Откуда у него уникальное драгоценное кольцо, место которому в Оружейной палате?

Каким образом ему удалось отключить охранную сигнализацию в музее?

Кто заблаговременно спилил замок на двери в крепостной стене?

Что заставляет этого образованного человека пускаться в такие рискованные и опасные авантюры?

Не получив ответа ни на один из этих вопросов, я обратился с ними к своим попутчикам.

После посещения кремля и встречи с сотрудником милиции Окладин был сосредоточенно задумчив и откликнулся с какой-то непонятной досадой:

– Особой образованности я в нашем попутчике не заметил – обычный мошенник с институтским дипломом, обманывающий доверчивых дежурных в провинциальных гостиницах.

– А кольцо? Откуда у него старинное кольцо?

– Украл, – коротко, но убежденно произнес Окладин, всем своим видом давая понять, что чернородый не заслуживает того внимания, которое я уделяю ему.

Мне оставалось подступить к Пташникову и спросить у него, что он думает о чернородом теперь, после посещения Александровского кремля.

Как я убедился, сведения, услышанные от Марка и Ниткина, еще сильнее утвердили краеведа в правильности его первоначального мнения о нашем странном попутчике:

– Разгадку поступков чернородого надо искать в объяснении того, откуда он так досконально знает отечественную историю времен Ивана Грозного. И это драгоценное кольцо оказалось у него не случайно, тут все взаимосвязано.

– Господи! Какая здесь может быть связь? – сморщился Окладин, словно от зубной боли.

– Не знаю, не знаю, но связь определенно есть. Помните, он упомянул заговор против Грозного? Вероятно, царевич Иван действительно погиб из-за участия в этом заговоре.

Окладин даже приостановился, до того нелепым показалось ему заявление краеведа:

– Но где доказательства?! Царевич погиб случайно, по причине безудержной ярости Грозного, вызванной его душевной болезнью.

Чтобы утверждать это, тоже нужны доказательства, – рассудительно произнес Пташников. – Они у вас имеются?

– Доказательства тому – вся деятельность Грозного. А вот свидетельств о заговоре, в котором якобы участвовал царевич, нет и быть не может.

– Вероятно, какие-то свидетельства об этом есть у нашего попутчика, помните – он назвал какой-то старинный документ, в котором этот заговор упоминается.

– Откуда у обыкновенного, заурядного мошенника может взяться такой документ?

– Я и сам хотел бы это узнать, – вздохнул Пташников, словно не замечая той болезненной реакции, с которой Окладин встречал каждое его высказывание в защиту особой осведомленности чернородого...

На месте дежурной, устроившей нас в гостиницу, сидела девица с рыжими распущенными волосами и острым, любопытным лицом. Когда я попросил ключ от своего номера, она протянула мне клочок бумаги и сказала, что меня срочно просили позвонить.

«Наверное, Марк», – подумал я.

Хотел подняться в свою комнату, но девица заботливо подвинула ко мне служебный телефон. Удивленный такой предупредительностью, я набрал записанный на бумаге телефонный номер.

Мне ответил женский голос – трубку взяла Зинаида Васильевна, оказалось, это был номер ее домашнего телефона. Я понял – случилось что-то из ряда вон выходящее.

И действительно, новость, которую сообщила мне Зинаида Васильевна, ошеломила меня:

– Только вы ушли из гостиницы – явился ваш сосед Бусов! Сказал, что оставил ценную вещь, и потребовал немедленно открыть ему комнату. Я предложила подождать вас или зайти попозднее, но он настаивал на своем. Очень бесцеремонный тип...

У меня не укладывалось в голове, как мог чернобородый, устроившись в гостиницу обманом, под чужим именем, спокойно явиться сюда и требовать ключи от комнаты, в которой уже не проживал?

Не сразу взяв себя в руки, я спросил Зинаиду Васильевну, попал ли Бусов в номер.

– Что вы! Я его не пустила. Но он наверняка опять появится в гостинице, будьте осторожны.

Возможность еще раз встретиться с чернобородым меня не обрадовала. Я никак не мог взять в толк, почему он действует так рискованно? Или он не догадывается, что его сосед по гостиничному номеру и человек, преследовавший его ночью, – одно лицо?

А может, он потому и хочет встретиться со мной, что прекрасно знает об этом? Только ли потеря кольца заставила чернобородого вернуться в гостиницу?

Я был в полной растерянности. Спросил Зинаиду Васильевну, что еще говорил чернобородый.

– Он хотел узнать вашу фамилию...

Этого еще не хватало! Подозрение, что чернобородого интересовало в гостинице не только оставленное им золотое кольцо, получило, на мой взгляд, веское подтверждение.

– Надо немедленно сообщить о Бусове в милицию. Я и сама это сделала бы, но сначала решила с вами посоветоваться. Он очень опасный человек, – взволнованно продолжила женщина.

– Там уже знают о нем, – вынужден был сказать я.

– Откуда? – удивилась Зинаида Васильевна.

Я понизил голос, прикрыл трубку ладонью:

– На всякий случай дайте ваш домашний адрес, к вам могут зайти...

Девушка делала вид, что наш телефонный разговор ее не касается, однако тайком посматривала на меня, прислушивалась к каждому сказанному мною слову. Только теперь я понял, почему она так услужливо подвинула ко мне служебный телефон. Но вряд ли любопытная девушка что-нибудь поняла из нашего разговора.

Я уже хотел закончить его, но Зинаида Васильевна остановила меня:

– Подождите... Ночью следом за вами из гостиницы выходил еще один человек.

– Кто?

– Мужчина в бежевом костюме. Окладин его фамилия.

– Вы не могли ошибиться? – как можно плотнее прижал я телефонную трубку к уху.

– Нет, – твердо сказала женщина. – Это был Окладин.

– Он вас видел?

– Наверное, нет, я в это время была в служебном помещении, заметила его через открытую дверь.

– А когда он вернулся в гостиницу?

– Этого я не знаю. Может, тут простая случайность, но я все-таки решила сообщить вам...

Только теперь мне стало понятно, почему утром Зинаида Васильевна поглядывала на Окладина с таким странным, испуганным выражением лица. Как мне поступить в этой ситуации? Прямо спросить Окладина, зачем он ночью выходил из гостиницы? Но скажет ли он правду? Ведь сам историк даже не обмолвился о своей ночной прогулке. Значит, у него есть какие-то основания скрывать ее. Но какие?

Мои спутники дожидались меня в вестибюле. Когда я рассказал им о появлении чернобородого в гостинице и о его безуспешной попытке проникнуть в триста седьмой номер, Пташников поскреб пальцем подбородок и решительно заявил:

– Мы заберем свои портфели и поднимемся к вам. Если чернородый опять придет, лучше быть вместе. Видимо, этот авантюрист действительно на все способен.

Окладин кивнул в знак согласия, не проронив ни слова.

Я постарался поблагодарить за заботу о моей безопасности как можно безразличней, но в душе был благодарен Пташникову – встреча с чернородым и впрямь могла закончиться самым неприятным образом.

О том, что ночью Зинаида Васильевна видела Окладина, выходящего из гостиницы, я промолчал, так и не решив для себя, имела ли его ночная прогулка какое-то отношение к истории с чернородым.

Ключом открыв дверь, я вошел в свой номер. Горничная еще не убирала здесь, моя постель осталась незаправленной, стулья и кресло сдвинуты со своих мест, на тумбочке и столе беспорядок. Все было как утром, однако я не мог избавиться от ощущения, что после моего ухода здесь кто-то побывал.

Достал из-за кровати свой «дипломат», раскрыл его. Ничего не пропало, но мне показалось – вещи лежат как-то по-особому аккуратно. Я такой аккуратностью не отличался.

Сел на кровать, еще раз огляделся по сторонам. На душе было тревожно, словно в комнате находился посторонний человек и внимательно следил за мной. Гнал эти мысли от себя, но не мог от них избавиться.

Заметил – дверца тумбочки, на которой ночью лежало золотое кольцо, приоткрыта. Я хорошо помнил – утром, прежде чем отправиться в кремль, захлопнул ее. Это укрепило меня в подозрении, что чернородый побывал здесь.

Когда пришли Окладин и Пташников, я поделился своими подозрениями с ними. Краевед отнесся к моим словам всерьез, а Окладин язвительно проговорил, усаживаясь в кресло:

– Еще немного – и вам начнет казаться, что за вами следят. Всех начнете подозревать, каждого встречного.

Я смутился – историк попал не в бровь, а в глаз. Только не знал Окладин, кого я подозревал кроме чернородого. А может, догадывался, потому так и сказал, чтобы отвести от себя мои подозрения?

– От чернородого можно всего ожидать, – вступился за меня Пташников, присев на краешек стула. – Если он не побоялся прийти в гостиницу, не побоится и в комнату проникнуть...

Разговор опять зашел о чернородом. Бесцеремонность, с которой он действовал, просто удивляла, нельзя было предугадать, на какой следующий шаг он решится. Но Пташникова по-прежнему больше всего поражала та уверенность, с которой наш странный попутчик ориентировался в событиях шестнадцатого века.

Зазвонил телефон. Трубку снял Окладин, молча выслушал, что ему сказали, и протянул трубку мне.

Я был уверен, что звонит Марк, но ошибся.

– С вами говорит ваш бывший сосед по номеру, – услышал я запомнившийся мне голос чернородого. – Сегодня ночью я в спешке оставил в комнате золотое кольцо, дорогое и очень памятное для меня.

– Кольцо? Да, я нашел его на тумбочке...

– Замечательно. Я нахожусь неподалеку от гостиницы и сейчас зайду к вам. Надеюсь, вы не уйдете?

Я растерялся, не зная, как поступить. Марка рядом не было, Окладин и Пташников вряд ли могли дать мне дельный совет, хотя по их напряженным лицам было ясно – они поняли, с кем именно я разговариваю по телефону.

– Алло, вы слышите меня? – сразу насторожился мой бывший сосед, и в его голосе прозвучали жесткие, металлические нотки. – Почему вы молчите?

– Видите ли, я не знал, что вы позвоните... Думал, вы уехали... Не знал, как поступить с вашим кольцом. Наверное, вещь очень ценная.

– Надо было отдать его дежурной по гостинице.

– Не догадался.

Чернобородый почувствовал неладное.

– Кольцо у вас или нет?

Я оттягивал время, чтобы принять какое-то решение. Вспомнил – с вокзала Марк хотел проехать в городское отделение милиции, и сказал:

– Я отдал ваше кольцо в милицию.

– Что?!

– Зайдите в городское отделение милиции, вам его вернут.

– Спасибо, так и сделаю, – зло, сквозь зубы, произнес чернобородый и сразу закончил разговор.

Буквально в ту же секунду в комнату вошел Марк. Я все еще держал в руке телефонную трубку, из которой доносились короткие, как морзянка, гудки.

Марк с удивлением оглядел наши лица: укоризненное – Пташникова, ироническое – Окладина, растерянное – мое. Спросил, что случилось. Положив трубку на рычажки телефонного аппарата, я сбивчиво объяснил ему, кто звонил, что я посоветовал чернобородому.

– Умнее ничего не придумал? – взорвался Марк. – Надо было под любым предлогом задержать его здесь, в гостинице, до моего прихода. Зачем ты послал его в милицию?

– Я хотел перезвонить, чтобы чернобородого задержали там.

Марк покрутил указательным пальцем у виска:

– Ты считаешь его за ненормального?

Было ясно – ненормальным Марк считает меня, хотя прямо и не сказал этого. Свою ошибку я понял, как только чернобородый повесил трубку, но оправдываться не стал, набросился на Марка:

– На моем месте ты сам бы растерялся. Приди он за кольцом – что бы я делал, как задержал его? Ты мог и вечером заявиться.

Лишний раз убедился я, что нападение – лучший вид обороны, Марк больше ни в чем не упрекал меня.

– В милицию он не пойдет, это ясно. Но предупредить надо...

Пока Марк звонил в городское отделение милиции, я, переживая свою промашку, сидел на кровати, как на скамье подсудимых. Окладин и Пташников старались не глядеть в мою сторону.

Марк и в детстве был отходчивый. Увидел, какой у меня подавленный вид, и постарался успокоить:

– Ладно, еще не все потеряно. Главное – чернобородый не уехал из Александрова, а значит, сегодня ночью может повторить попытку проникнуть в церковь. Я получил разрешение устроить там засаду. Хочешь принять участие?

Я подумал – не шутит ли Марк? Однако он смотрел на меня строго и требовательно, как боец со знаменитого плаката, призывающего вступать в Красную армию.

– Ну, согласен? – поторопил Марк с ответом.

– С удовольствием, но какой от меня прок?

Марк присел на кровать рядом со мной, так объяснил свое неожиданное предложение:

– Тут будет важен психологический момент – чернобородый увидит тебя и решит, что его преследовали от самой Москвы. Думаю, это обстоятельство подействует на него, и на допросе он будет откровенней, не станет запираяться.

Пташников от возбуждения соскочил со стула:

– Тогда и нас берите! Мы тоже знаем чернобородого в лицо!

Горячность краеведа вызвала у Окладина снисходительную усмешку, но сразу же его лицо приняло деловое, озабоченное выражение. Смахнув с безукоризненно чистых брюк невидимую пылинку, историк промолвил:

– Мне сегодня обязательно надо быть в Ярославле – завтра с утра в институте лекция.

– Позвоните, чтобы перенесли.

– Не вижу в этом необходимости, – сухо возразил краеведу Окладин и добавил нравоучительным тоном: – На мой взгляд, такое мероприятие, как засада, не для нас с вами. Впрочем, вы, Иван Алексеевич, если никуда не спешите, можете остаться.

– Я остаюсь! Можете рассчитывать на меня в любой, даже самой опасной ситуации, – сказал Пташников Марку.

Тот с трудом сдержал улыбку – вид у шуплого краеведа был боевой и задиристый, словно у молодого петушка.

– Думаю, дело обойдется без драки. Если арестуем чернобородого, будете присутствовать при его предварительном допросе. Мне не хотелось бы сразу же вести его в милицию. Все больше убеждаюсь – здесь случай особый...

В словах Марка чувствовалась недосказанность, какая-то неуверенность. Обстоятельства дела, в котором мне пришлось принять невольное участие, явно выходили за рамки рядовой милицейской операции, иначе, подумал я, арестованного чернобородого моментально доставили бы в отделение. А Марк прежде хочет с ним о чем-то поговорить. Вряд ли в обычной ситуации так должен был действовать сотрудник милиции. Возможно, он даже пошел на нарушение каких-то служебных инструкций, потому так и нервничает. Но что скрывает Марк?

Оставалось одно – терпеливо ждать, как события будут разворачиваться дальше.

До наступления ночи было еще несколько часов, целая вечность. Марк посоветовал нам с краеведом выписаться из гостиницы – он договорился с Ниткиным, дом которого стоял на территории Александровского кремля, что этот вечер мы проведем у него.

Пташников попытался еще раз убедить Окладина остаться, но тот был неумолим. Я заметил, что настойчивость краеведа не нравится историку. Обменявшись адресами и телефонами, мы простились с ним, и он торопливо ушел на вокзал.

Втроем спустились в ресторан, чтобы пообедать. Оркестр еще не играл, народу было немного, но догадавшись, что мы не спешим, официантка подавала на наш стол в последнюю очередь, сначала обслуживая самых нетерпеливых.

Я вспомнил разговор с Зинаидой Васильевной. Следует ли рассказать Марку, что ночью Окладин тоже зачем-то выходил из гостиницы?

Словно бы между прочим поинтересовался у Пташникова, как он провел ночь, не заснет ли у Ниткина, пока мы с Марком будем сидеть в засаде.

Чем-то мой вопрос показался Марку странным, он внимательно посмотрел на меня и опять склонился над тарелкой.

– Удивительно! – охотно ответил мне Пташников, продолжая жевать неподатливый шницель. – Обычно на новом месте долго не могу заснуть, сотню раз перевернусь с боку на бок, а тут сразу отключился, словно снотворного выпил. Если бы утром Михаил Николаевич не разбудил, еще бы спал. Это вы у нас по ночам любите разгуливать, – беззлобно подковырнул меня краевед.

Упоминание снотворного сразу навело меня на мысль – неужели Окладин пошел на крайность и усыпил краеведа, чтобы с какой-то непонятной целью, тайком от него, выйти из гостиницы?

Взвесив все обстоятельства, я решил пока не говорить Марку и Пташникову о странной ночной прогулке историка – сначала надо было самому разобраться, что к чему. А больше всего я рассчитывал на арест чернобородого, до которого, как мы надеялись, оставалось несколько часов.

Кто знал тогда, что человек, назвавшийся в гостинице Бусовым, приготовил нам новый сюрприз.

Глава шестая. Свидетельские показания

Ниткин жил в двухэтажном кирпичном доме вроде бы и не очень старой постройки, но таком заброшенном на вид, что казался древнее церковей, возведенных на территории Александровского кремля еще во времена Ивана Грозного. В серых стенах с обвалившейся штукатуркой темнели узкие, будто топором прорубленные окна, над облезлой крышей торчали закопченные печные трубы, над залатанной фанерой дверью покосился ржавый навес.

По шаткой деревянной лестнице со скрипучими ступеньками мы поднялись на второй этаж, в темном коридоре с трудом нашли дверь в квартиру Ниткина – и словно попали в другой дом, в другой мир. Мне подумалось, что такие ухоженные и уютные квартиры бывают только в хороших, дружных семьях.

Войдя в квартиру и неуверенно осмотревшись по сторонам, Пташников осторожно поинтересовался у встретившего нас Ниткина:

– У вас такой порядок, что сразу чувствуются женские руки. Где же хозяйка?

Мне самому легко представилось, как в прихожей появляется опрятная радушная старушка с добрым морщинистым лицом – жена Ниткина. Но этого не случилось.

– Хозяйка в Москву уехала, с внучкой нянчиться. Сын у меня после армии в столицу подался, поближе, как он сказал, к цивилизации. Там и женился на москвичке...

Мне послышалась в голосе Ниткина горечь. Видимо, не все ладно было и в этой семье.

– Так что порядок у меня относительный, – сменил Ниткин тему разговора. – Без хозяйки и дом сирота. Но голодными вас не оставлю. Прежде чем уехать, жена столько всего наварила и напекла – холодильник битком набит. Вот мы его сейчас и разгрузим, мне одному все равно столько не съесть.

Не слушая наших заверений, что мы плотно пообедали в ресторане, Ниткин усадил нас за стол.

– Вот именно – пообедали. А у меня будете ужинать, – добродушно проворчал он и ушел на кухню.

Квартира у Ниткиных была небольшая – прихожая, две смежные комнаты и кухня, добрую половину которой занимала неуклюжая печь с плитой.

Над покрытым белой скатертью широким столом висел старомодный абажур с кистями, к стене прижался обшарпанный книжный шкаф и более современный, полированный сервант с посудой, между ними втиснулся диван с валиками.

Над диваном, под стеклом в большой раме, висели фотографии родственников Ниткиных. Чаще других на них красовался темноволосый скуластый парень с веселыми глазами: возле гоночного велосипеда, на мотоцикле, за рулем новенького легкового автомобиля.

На последней фотографии выражение симпатичного лица парня было и лукавым и вместе с тем горделивым – знай, мол, наших, собственной машиной обзавелся.

Заставленные кактусами окна квартиры Ниткиных выходили на территорию кремля. Солнечные лучи в последний раз высветили кресты на Троицком соборе и погасли, к окнам подступили синие сумерки.

В церковь Марк решил идти в полночь – появляться раньше не имело смысла, а позднее можно было нос к носу встретиться с чернобородым.

Свое обещание Ниткин сдержал – приготовленного им ужина хватило бы на десяток голодных мужчин, а он все расстраивался, что нет жены, которая угостила бы нас «по-настоящему».

Мы искренне успокаивали гостеприимного хозяина, однако при этом я подумал про себя, что его жена уехала в Москву весьма своевременно, – ее присутствие стеснило бы нас, а особенно, наверное, Пташникова, который, как мне показалось, не был большим любителем женского общества. Я не спрашивал старого краеведа, но почему-то был уверен, что он убежденный холостяк.

Подал на стол кофе в таких больших кружках, что из них впору было пить квас, Ниткин спросил, почему вместе с нами не пришел Окладин.

– У него с утра лекции, очень торопился в Ярославль, – объяснил Пташников, мелкими глотками с удовольствием отпивая кофе.

Ниткин поставил свою кружку на стол:

– Какие могут быть лекции в воскресенье?

– Действительно, ведь сегодня суббота, – чуть не поперхнулся Пташников. – Как я сразу не сообразил? И Окладин хорош, не мог придумать более подходящей отговорки.

Однако Марк быстро, с какой-то непонятной поспешностью нашел другое объяснение поступку историка:

– Михаил Николаевич из отпуска едет, целый месяц в календарь не заглядывал, вот и ошибся – решил, что завтра понедельник. Со мной такое тоже бывало.

– Вроде бы Окладин не тот человек, чтобы потерять счет дням, – недоверчиво заметил я и опять, в который раз, вспомнил сообщение Зинаиды Васильевны о ночной прогулке историка.

– Это точно, – согласился Пташников. – Наверное, у Михаила Николаевича не только каждый день, но и каждый час на год вперед расписан. Я думал, такими пунктуальными только немцы бывают.

– Жаль, что он не нашел возможности зайти ко мне, – огорченно произнес Ниткин. – Хотелось узнать, как у него обстоят дела с докторской диссертацией. Вам он ничего не говорил?

– Когда? Мы только вчера познакомились с ним в электричке, – сказал Пташников.

– Ах, вон как! Тогда все ясно. Как я понял, Михаил Николаевич сходится с людьми трудно, вряд ли он поделился бы этой историей при первой же встрече.

– А что за история? – простодушно спросил Пташников. – Нам вы ее не расскажете?

Не трудно было заметить, что разговор об Окладине всерьез заинтересовал Марка, он не спускал с Ниткина глаз. А тот, как было видно по выражению его лица, уже раскаивался, что завел этот разговор, однако оборвать его тоже не нашел возможным.

– Буквально за несколько дней до защиты докторской диссертации ее основные положения, составляющие суть работы Окладина, были опубликованы в одном зарубежном журнале, выходящем на русском языке, – переломив себя, сказал Ниткин.

Я ожидал чего угодно, только не этого, да и Пташников не мог скрыть изумления:

– Как диссертация Окладина могла очутиться за границей? Кто ее выкрал у Михаила Николаевича?

– Трудно сказать, фамилия под статьей стояла никому не известная. Или псевдоним.

– Возможно, Михаил Николаевич догадывается, кто это сделал? – полувопросительно произнес Марк, а я, взглянув не него, еще раз удивился, с каким повышенным вниманием он отнесся к сообщению Ниткина.

– Его об этом уже спрашивали, но он молчит, – объяснил Ниткин. – Хотя авторство Михаила Николаевича никто не ставит под сомнение, от защиты диссертации он отказался.

– Но почему? – воскликнул Пташников. – Если Окладин знает имя мошенника, он мог прямо на защите публично разоблачить его.

– Вот этого я и сам не могу понять, – вздохнул Ниткин. – Может, из элементарной щепетильности, не захотелось грязи касаться?

Это объяснение прозвучало неубедительно, но свое мнение я оставил при себе. Хотел спросить Ниткина, откуда вся эта история с диссертацией Окладина известна ему, но он опередил меня:

– Я Михаила Николаевича давно знаю, а месяц назад он ехал в дом отдыха, остановился в Александрове и зашел в наш музей. Вот тогда я и узнал от него эту историю.

– Видимо, его интересовал какой-то конкретный вопрос, на который он мог получить ответ только у вас в музее?

Прежде чем мне ответить, Ниткин помолчал и неуверенно произнес:

– Точно не могу сказать. Сначала он поработал в нашем музейном архиве, потом вместе со мной осмотрел строения, возведенные в Александровском кремле еще до Ивана Грозного. Помню, мы с ним заспорили, но тогда он тоже на электричку заторопился.

«Наверное, выяснил, что ему требовалось узнать, потому и ушел», – подумалось мне. Но что именно интересовало его здесь? Не связан ли первый приезд Окладина сюда с тем, что произошло сегодня ночью?

Оказалось, что мои подозрения, о которых я никому не говорил, разделяет Пташников:

– Странно, почему Михаил Николаевич ни слова не сказал нам, что был здесь совсем недавно?

Я пожал плечами и опять поймал на себе взгляд Марка, и на этот раз вступившегося за Окладина:

– Просто забыл. Что тут может быть странного?

Было видно, что это объяснение не удовлетворило Пташникова, да и мне оно показалось слишком простым и наивным. Конечно, забыть остановку в Александрове Окладина не мог, тем более когда опять был вынужден задержаться здесь. И он обязательно обмолвился бы об этой остановке, если бы у него не было серьезного повода скрыть от нас с краеведом свое недавнее пребывание здесь.

И тут мне в голову пришла мысль, которая буквально обожгла меня. Я спросил Ниткина, какими именно строениями на территории кремля интересовался Окладин, – спросил, почти уверенный, что он назовет церковь, где хранились Царские врата из Новгорода.

Однако ответ Ниткина не подтвердил моих подозрений:

– Пожалуй, в первую очередь – Троицким собором.

– Что-то я не заметил сегодня, чтобы Михаил Николаевич проявил к этому собору особое любопытство, – буркнул под нос Пташников.

Я подумал о том же, но Ниткин сделал вид, будто не расслышал замечания краеведа:

– Троицкий собор на протяжении нескольких столетий был главным храмом Александровского кремля – в нем хранились старинные книги в богатых окладах, драгоценная церковная утварь, самые почитаемые иконы. Есть предположение, что в подклете собора захоронены дочери Ивана Грозного от Марии Темрюковны Черкасской. В этом же соборе Грозный венчался с Марфой Собакиной, которая вскоре умерла при странных обстоятельствах, потом – с Марией Нагой, последней из многочисленных жен Грозного. Можно сказать, что со смертью в Угличе ее сына Дмитрия на Руси началось Смутное время.

– Гибель здесь, в Александровской слободе, царевича Ивана – вот что стало причиной Смуты! – возразил Ниткину Пташников. – Ни слабохарактерный Федор, ни epileptic Дмитрий не могли быть полноценными наследниками русского престола. Убив царевича Ивана, Грозный подписал смертный приговор своей династии.

Ниткин в сомнении покачал головой. И только тут я подумал, что рядом со мной сидит человек, всю жизнь проживший на том самом месте, где произошло это загадочное преступление, о котором зашла речь в пригородной электричке.

Воспользовавшись паузой в разговоре, я спросил Ниткина, что он думает о причинах этого убийства.

– Слишком мало сохранилось свидетельств, которые позволили бы сделать окончательный вывод, что случилось в тот злополучный день.

– Окладин убеждал нас, что объяснение характера и поступков Ивана Грозного надо искать в его душевной болезни, – не отставал я от Ниткина. – Вы согласны с этим утверждением?

– Ставить диагноз – дело медиков, а я к медицине никакого отношения не имею. Как, впрочем, и Михаил Николаевич.

Тогда я вспомнил утверждение нашего странного попутчика:

– А как вы смотрите на версию, что царевич Иван погиб в результате заговора?

Ниткин опять уклонился от прямого ответа:

– Здесь, в Александровой слободе, в то время все было возможно, даже заговор. Но определенно сказать нельзя. Вероятно, убийство царевича Ивана так и останется одной из неразгаданных тайн русской истории.

Я не мог смириться с этим бесстрастным выводом.

– Тебе по-прежнему не дают покоя лавры Шерлока Холмса? – вполголоса спросил меня Марк, догадавшись, о чем я подумал.

Это был запрещенный прием, удар ниже пояса – Марк помнил, как в школе я зачитывался приключениями знаменитого английского сыщика, как однажды в сочинении даже назвал его своим любимым героем, чем вызвал праведный гнев учительницы литературы.

Чтобы не вызвать новых насмешек Марка, я вынужден был прекратить «допрос» Ниткина, однако загадка убийства здесь, в Александровой слободе, царевича Ивана продолжала меня интересовать. Кто же все-таки прав? Чернобородый, объяснявший смерть царевича следствием раскрытого заговора? Ниткин, считающий, что подлинные причины этого преступления невозможно раскрыть? Пташников, который допускал возможность заговора, или, наконец, Окладин, твердо уверенный в том, что всему виной душевное заболевание Грозного?

Я еще раз пожалел, что среди нас нет Окладина – столкновение разных мнений и могло бы высечь искру, которая осветила бы темную тайну убийства царевича Ивана.

В это самое время Окладина вспомнил и краевед, который спросил Ниткина, что же конкретно заинтересовало историка в Троицком соборе.

– У Михаила Николаевича вызвало сомнение утверждение одного из современных историков, что Троицкий собор возведен еще в пятнадцатом веке, при Юрии Звенигородском – сыне Дмитрия Донского, что он построен вскоре после знаменитого Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре теми же мастерами или, по крайней мере, по велению того же заказчика. Михаил Николаевич считает такую датировку несостоятельной, поскольку вся архитектура нашего собора и его декоративные элементы, по его мнению, свидетельствуют, что он был возведен после завершения строительства кремлевских соборов в Москве. Он твердо считает, что сооружение нашего собора было закончено в декабре 1513 года.

– Откуда вдруг такая точность? – удивился Пташников. – Строители оставили Михаилу Николаевичу сдаточную документацию?

В глазах Ниткина промелькнула улыбка.

– Вы почти угадали. В рукописном служебнике Троице-Сергиева монастыря, в так называемом Трефолое, он обратил внимание на приписку на полях о том, что «лета 7022 декабря в 11 день священна бысть церковь Покрова пресвятыя Богородицы в новом селе Александровском, тогда ж князь великий и во двор вшел». По нынешнему исчислению от Рождества Иисуса Христа это произошло в 1513 году. Церковь Покрова Богородицы наш собор назывался до середины семнадцатого века и только потом, когда здесь учредили монастырь, переименовали в Троицкий. Упомянутый в приписке великий князь – московский князь Василий Третий, отец Ивана Грозного, который превратил Александрову слободу в свою охотничью усадьбу и затеял здесь большое строительство.

– Если верить этой приписке, то получается, Окладин прав? – вопросительно посмотрел Пташников на Ниткина.

– Возможно, в 1513 году Троицкий собор был только перестроен, о чем и осталась запись в Трефолое, автору которой было важно сообщить, когда Василий Третий обосновался в своих новых хоробах. Выказывалось предположение, что в перестройке собора участвовал знаменитый итальянский зодчий Алевиз Фрязин – создатель Архангельского собора Московского Кремля. Но Михаил Николаевич категорически отрицает это. Он доказывал мне, что Троицкий собор и та церковь, куда вчера ночью пытались проникнуть, построены почти одновременно в начале шестнадцатого века и чуть ли не одним и тем же русским мастером, который талантливо использовал опыт итальянских зодчих.

Меня опять кольнуло подозрение:

– Выходит, Михаил Николаевич интересовался церковью, в которой хранились Царские врата из Новгорода?

– Пожалуй, на эту церковь Михаил Николаевич обратил не меньше внимания, чем на Троицкий собор, – подумав, ответил мне Ниткин. – Все ее каменные орнаменты досконально изучил, в подклете каждый угол тщательно обследовал.

Я опять поймал на себе внимательный взгляд Марка. Похоже, он начал догадываться, в чем я подозреваю Окладина.

Но Пташникова волновало другое:

– Ладно – орнаменты, по ним можно определить мастера. Но что он искал в подклете?

– Еще в прошлом веке там обнаружили нацарапанный на стене рисунок какой-то церкви. Так вот, Михаил Николаевич доказывал мне, что этот рисунок сделан самим зодчим и изображает церковь, которую позднее он построил в Суздале.

– Кто же этот зодчий? – все больше увлекал краеведа рассказ Ниткина.

Тот развел руками:

– Пока он остается безымянным. Михаил Николаевич считает, что Василий Третий поручал этому зодчему строительство своих домовых церквей, самых важных храмов, в том числе и в Суздале, куда позднее князь сослал Соломонию Сабурову.

– А при чем тут Соломония?

– По предположению Окладина, этот безымянный зодчий работал в Суздале в те самые годы, когда там находилась в заключении Соломония Сабурова, там же, примерно в одно время с ней, он был и похоронен. Но вряд ли возможно теперь, спустя столетия, восстановить имя этого талантливого мастера...

Я не сомневался, что разговор о неизвестном зодчем был для Окладина только ширмой, за которой он пытался скрыть истинные мотивы своего интереса к церкви, куда пытался проникнуть чернобородый. Вряд ли случайно запись в Трефолое, которую зачитал нам Ниткин, Окладин обнаружил в том самом Троице-Сергиевом монастыре, где, по словам Марка, месяц назад произошла та же странная история, что и здесь, в Александровском кремле.

Насторожил меня и случай с незащищенной диссертацией. Окладин представлялся мне очень благополучным, преуспевающим человеком, у которого не бывает неудач, все рассчитано наперед, – и вдруг такой удар. Может, от него просто откупились, потому он и не поднимает шума? Или никакого заимствования его работы вовсе не было, а Окладин сам использовал в своей диссертации чужие мысли, потому с такой легкостью и отказался от защиты?..

Как ни хотелось мне продолжить разговор об Окладине, я испугался, что это может вызвать подозрения. Опять вспомнив разговор в электричке и уже убедившись, что Ниткин питает к личности Грозного особый интерес, вызванный его ролью в судьбе Александровой слободы, я спросил, сохранились ли прижизненные портреты царя.

– Портретов в современном понимании тогда еще не существовало. Были так называемые парсуны, которые давали довольно условное изображение человека...

Ниткин достал из книжного шкафа толстый альбом в зеленом сафьяновом переплете, раскрыл его на нужной странице и протянул мне. Я с любопытством, вслух, прочитал от руки написанный на этой странице следующий текст:

– «Царь Иван образом нелепим, очи имея серы, нос протягновен, поклап. Возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты».

– Довольно-таки обстоятельный словесный портрет.

– Это из «Повести книги сея от прежних лет», созданной в самом начале семнадцатого века. Автором ее называют Катырева-Ростовского, – объяснил Марку Ниткин. – В этом альбоме я собрал все иллюстрации, так или иначе касающиеся Александровой слободы и Ивана Грозного, без которого историю Слободы невозможно представить.

– «Тело имеет полное силы и довольно толстое... Глаза у него постоянно бегают и наблюдают самым тщательным образом», – прочитал я еще одно описание Грозного, сделанное тоже его современником – германским послом в Москве Даниилом Принцем. Следом шло еще несколько подобных описаний. Нельзя было не согласиться с тем, что «словесные портреты» четырехсотлетней давности сделаны умело, во многом были похожи и давали о внешности Грозного довольно-таки четкое представление.

На следующей странице альбома была помещена копия немецкой гравюры с портрета Ивана Грозного в профиль; нос длинный, горбатый, взгляд острый, тяжелый, бровь властно надломлена. Длинные, будто у татарского хана усы, свисающая на вышитый узорами кафтан борода клином, из-под высокой шапки выбивается грива волос, в руке зажат царский жезл.

Марк и Пташников подвинулись ко мне, тоже рассматривая содержимое альбома.

Следующее прижизненное изображение Грозного: морщинистый лоб с высокими зальсинами, спереди волосы редкие, короткие, сзади кудрявая грива, брови с резким изломом, нос длинный, пригнутый, нижняя губа брезгливо выпячена вперед, окладистая борода в завитках, глаза тяжелые, скорбные, с темными подглазинами.

Дальше шло еще несколько копий с иностранных гравюр. И почти каждый портрет Ниткин сопровождал коротким сообщением о его истории: при каких обстоятельствах появился, где находится в настоящее время. Так, показал фальшивый портрет Ивана Грозного, скопированный с портрета его отца Василия Третьего.

Портрет из «Титулярника» послужил основой для известной картины Васнецова: в богатом, расшитом золотом одеянии царь вполборота стоит с посохом в руке на дворцовой лестнице и сверлит зрителя суровым, недоверчивым взглядом.

Здесь же Ниткин собрал репродукции с картин других русских художников, на которых был изображен Грозный. Была здесь и знаменитая картина Репина с обезумевшим от горя царем и смертельно раненым царевичем.

Меня не оставлял вопрос, что же предшествовало этой трагической сцене, какой разговор состоялся между отцом и сыном, что вызвало ярость Грозного?

Где-то я вычитал, что царевича Репин рисовал с писателя Гаршина, про которого говорили, что у него лицо человека, обреченного трагически погибнуть. И Гаршин действительно покончил жизнь самоубийством, бросившись в пролет лестничной клетки, сбылось роковое пророчество.

Так, может, здесь, в Александровском кремле, произошло убийство, написанное царевичу Ивану на роду?

Мое внимание привлекла к себе репродукция с картины Нестерова «Папский легат Поссевино перед Иваном IV». Опять пришел на память разговор в электричке, во время которого прозвучало имя этого человека – это он запустил версию, что ссора между отцом и сыном произошла из-за жены царевича Ивана.

Может, Поссевино был прав, и все другие версии, как они не занимательны, не имеют под собой никаких веских оснований?

В белом одеянии со спущенным капюшоном, смиренно сложив руки и опустив голову, иезуит стоял перед царским тронем, в котором небрежно развалился Грозный. В позе его угадывалось недоверие, которое читалось и на лицах приближенных царя, столпившихся возле трона.

Спутники Поссевино испуганно жались в дальнем углу палат со сводчатым потолком. В руке Грозного – послание римского папы. Художник сумел точно изобразить реакцию царя – иезуиту не удалось добиться поставленных перед ним целей: убедить Грозного принять участие в крестовом походе против турок и перейти в католичество.

А может, царевич Иван был бы сговорчивей? Может, потому так настойчиво и распространял Поссевино версию о семейной сцене, что убийство царевича Ивана имело политическую окраску и папский легат некоторым образом сам был причастен к этому трагическому событию?

В этой необычной коллекции была и фотография известной скульптуры Антокольского, изобразившего царя сидящим в кресле, в монашеском одеянии, с книгой на коленях и четками в руке.

На последней странице альбома находилась фотография скульптурного изображения головы Ивана Грозного, созданного антропологом Герасимовым по черепу из гробницы в Архангельском соборе. Внизу – подпись: «Лицо царя некрасивое, асимметричное. Лоб низкий, нос тонкий, длинный, с небольшой горбинкой. Углы рта брезгливо опущены, нижняя губа сильно выпячена. Грудь поднята очень высоко».

Реконструкция не имела ничего общего ни с изображением Грозного на картине Репина, ни со скульптурой Антокольского, ни с портретом царя в «Титулярнике». Ближе всех, как ни странно, оказался фальшивый портрет с изображением Василия Третьего. Трудно сказать, что скрывалось за этим: или отец и сын были очень похожи друг на друга и Герасимов верно реконструировал портрет Грозного, или он тоже далек от подлинной внешности царя, что было вполне возможно. Как сообщил нам Ниткин, в царский гроб попала вода и кристаллы кальция значительно разрушили череп, не сохранились волосы.

Тем не менее, когда я еще раз перелистал альбом, образ грозного царя, при всех условностях, представился мне отчетливо и ярко, словно бы сложился в своеобразный фоторобот. В главном портреты не противоречили один другому – на всех был изображен человек властный, жестокий, способный на любое преступление и вместе с тем глубоко страдающий, многое переживший.

Однако самое тщательное изучение этих портретов не давало ответа на вопрос, каковы были мотивы преступления, совершенного в Александровой слободе 16 ноября 1581 года?

Глава седьмая. Засада за иконостасом

Ровно в полночь Марк поднялся из-за стола.

За интересной беседой время пролетело незаметно, спать не хотелось. Пташников сделал еще одну попытку уговорить Марка взять его с собой, привел новые доводы:

– А вдруг чернобородый вооружен? И появится не один, а с сообщниками? Втроем будет сподручней.

Марк спрятал улыбку:

– Не волнуйтесь, Иван Алексеевич, я при оружии.

– Зря вы не пригласили товарищей из местной милиции, – все равно не успокаивался Пташников. – Чернобородый может оказать сопротивление.

– Вряд ли, – слишком уж беззаботно ответил Марк. – Ну а если случится непредвиденное – дам знать выстрелом.

Ниткин промолчал, а Пташников энергично рубанул ладонью по воздуху:

– Договорились, мы прибежим вам на помощь!

– Никуда бегать не надо, – строго осадил краеведа Марк. – Сразу же позвоните в городское отделение милиции, там предупреждены...

Марк написал на листке бумаги номер телефона, секунду подумал и протянул его Пташникову.

Я понял, что телефон он оставил только для того, чтобы успокоить краеведа, да и оружия при себе, наверное, у Марка не было, по крайней мере я так и не смог угадать, где у него находится пистолет.

Ниткин тоже скользнул по фигуре Марка недоверчивым взглядом и сердито проворчал, пытаясь скрыть тревогу в голосе:

– В церкви ночью холодно, и неизвестно, когда явится этот авантюрист. Может, до утра просидите, – и он снял с вешалки фуфайку и старенький плащ «болонью».

Не споря, мы с Марком надели их – и сами стали похожи на злоумышленников.

Спустившись по крутой и скудно освещенной лестнице, вышли из дома, несколько секунд постояли у подъезда, пока глаза не привыкли к темноте. Марк первым шагнул в ночь, я – за ним.

В зыбком свете звездного неба силуэты церковей казались таинственными и призрачными. Наши шаги раздавались в ночной тишине резко и отчетливо. На серой крепостной стене мерещились чьи-то причудливые тени, будто кто-то осторожно шел следом за нами.

Не знаю состояния Марка, но я с трудом пересиливал себя, чтобы не оглянуться, старался держаться поближе к нему.

Вот и церковь, в которую чернобородый безуспешно пытался проникнуть в прошлую ночь. Хотя днем я внимательно рассмотрел ее, сейчас, в темноте, узнал с трудом – она словно бы раздалась в ширину и светилась, крест над черным куполом мерцал в звездном небе зловеще и печально, как перед концом света.

Марк остановился возле церковной двери, прислушался. Звуки города не доносились сюда, за высокие крепостные стены, лишь слабый ночной ветер осторожно перебирал листву на вершинах деревьев, со скрипом монотонно раскачивал фонарь на столбе.

Убедившись, что чернобородый еще не появлялся, Марк вынул из кармана плаща взятый у Ниткина чугунный ключ, не сразу попал в замочную скважину. Старый замок щелкнул приглушенно, словно бы нехотя.

Марк опять прислушался, потянул дверь на себя. Петли были хорошо смазаны, и дверь открылась плавно, почти бесшумно. Из церкви дохнуло черным холодом. Пропустив меня вперед, Марк притворил дверь, запер ее изнутри и включил электрический фонарик.

Я стоял неподвижно, не решаясь тронуться с места. Яркое, сфокусированное пятно света запрыгало по фрескам на стенах, уперлось в золотисто поблескивающий иконостас, скользнуло вниз, на Царские врата, и остановилось на иконе евангелиста Иоанна.

Большие скорбные глаза Иоанна, казалось, смотрели на нас с удивлением. Изумление испытал и я, заметив, что иконное изображение евангелиста очень похоже на один из портретов Грозного в альбоме Ниткина, где царь был изображен печальным и мудрым мирянином.

Мы медленно прошли за иконостас. Звуки шагов по каменному полу гулко отдавались в высоких сводах. Луч фонарика высветил низенькую скамейку, заранее принесенную сюда Ниткиным.

Молча уселись на ней, и Марк сразу же выключил фонарик, перед глазами стеной встала непроницаемая темнота.

Сердце мое сжалось от недобрых предчувствий.

Только через несколько минут темнота как бы отступила. Я поднял голову и увидел слабый синий свет в барабане под куполом. Спустя еще некоторое время разглядел в зарешеченном окне слева от меня холодную одинокую звезду.

Неожиданно свет этой далекой звезды успокоил меня, снял тревожное напряжение. Больше того, ко мне пришла непонятная уверенность, что этой ночью ничего не случится и чернорободый не явится сюда. Все прежние страхи показались смешными и наивными.

Представилась уютная квартира Ниткина, горячий кофейник на столе, густой запах кофе, заставленные кактусами черные окна и яркая лампа над столом...

Затылком прислонившись к холодной стене, я закрыл глаза и вроде бы задремал. Время в темноте словно остановилось. Казалось, ночь будет длиться вечно и ничто не нарушит эту мертвую тишину.

Но ее все-таки нарушили.

Я вздрогнул и открыл глаза, услышав слева над головой тихий ровный шум, будто по железному желобу стекал речной песок. Одинокая звезда, которая недавно принесла мне неожиданное успокоение, исчезла – кто-то заслонил окно.

Почувствовал, как напряглось плечо Марка. Он подтолкнул меня локтем и сказал сдавленным шепотом:

– Явился...

А я все еще не мог поверить в реальность происходящего, все еще сомневался, не снится ли мне это.

Несколько раз ровный шум, теперь похожий на стрекотанье кинокамеры, прерывался, мы задерживали дыхание. Потом опять раздавался щелчок, и человек за стеной продолжал свое дело – электрической ножовкой вырезал прутья чугунной оконной решетки.

Он выпиливал ее минут пять, семь. Впрочем, я мог и ошибиться, здесь время шло по каким-то другим, ночным законам, поэтому я не удивился бы, узнав, что прошел целый час.

Окно находилось очень высоко над полом. Я только еще подумал, как взломщик спустится в церковь, – и тут же на пол упал конец веревки. Другой конец взломщик привязал за крайний прут решетки, который оставил невыпиленным.

Надо было обладать обезьяньей ловкостью, чтобы втиснуться в маленькое сводчатое оконце. Придерживаясь за веревку, взломщик скользнул вниз и пружинисто спрыгнул на пол.

В окне опять спокойно замерцала звезда.

Несколько секунд человек стоял неподвижно, на фоне черной стены мы не видели его, только слышали сбитое волнением и усталостью дыхание. Потом раздались направлявшиеся в нашу сторону шаги.

Возле иконостаса они смолкли, сквозь щель между створками Царских врат блеснул свет фонарика.

Чтобы лучше наблюдать за действиями взломщика, Марк поднялся на ноги и чуть не выдал себя – взломщик растворил Царские врата, луч света ударил за иконостас и едва не задел Марка. Тот отпрянул в сторону и застыл в неловкой позе.

Электрический луч осветил сначала икону Иоанна, потом остановился на задней стенке Царских врат.

Было ясно – взломщик раздумывает, как лучше снять икону.

Приняв решение, он положил фонарик на пол, вынул из перекинутой через плечо сумки длинную, остро блеснувшую стамеску, наклонился над иконой Иоанна.

Я был уверен – в этот момент Марк и остановит его.

Но он даже не пошевелился, позволил снять икону с Царских врат. Видимо, решил точно выяснить, что намеревался сделать взломщик, зачем проник в церковь.

Сняв икону евангелиста Иоанна, человек нетерпеливо направил луч фонарика на квадратный темный вырез в Царских вратах. Мы увидели, как фонарик дрогнул в руке взломщика, с досады он ругнулся и сплюнул на пол, не обнаружив того, что искал.

И в этот самый момент в него ударил слепящий сноп нашего фонаря. Стамеска из руки взломщика со звоном упала на каменный пол амвона.

Эффекта, на который рассчитывал Марк, пригласив меня принять участие в засаде, не получилось. От страха безвольно открыв губастый рот и ошалело мигая испуганными глазами, перед нами стоял высокий длинноволосый парень в куртке.

Я сразу узнал его – следом за этим парнем вышел чернобородый из вагона электрички, потом я видел его в толпе пассажиров на перроне Александровского вокзала.

У парня было такое растерянное, перепуганное лицо, что во мне шевельнулась жалость.

Марк поднял стамеску, положил ее в сумку длинноволосого, его фонарь протянул мне. Парень не сопротивлялся, все еще не придя в себя от испуга. Видимо, подействовало и то, что все происходило в полной тишине, без единого слова – это молчание словно парализовало взломщика.

Я шепнул Марку, где видел длинноволосого.

– Ты не ошибся? – только сейчас подал он голос, не спуская с парня луч фонаря.

– Я его хорошо запомнил. И сумку эту раньше видел – она была у чернобородого. Если не веришь, посмотри сам, – на ней должно быть написано «Солли».

– Что это такое?

– Видимо, название какой-то фирмы.

Марк снял сумку с плеча длинноволосого парня и осветил ее. Я не ошибся – это была та самая сумка, которая висела над головой чернобородого в вагоне московской электрички.

Кроме работающей от аккумулятора ножовки в ней был целый набор слесарных инструментов: кусачки, сверла, пилки разных размеров, молоток и зубило. Тут же, в кожаном чехле, лежал миниатюрный импортный фотоаппарат со вспышкой.

Но не фотоаппарат заинтересовал Марка. На дне сумки он нашел небольшой красный баллончик с белой кнопкой, взял его в руки, указательный палец положил на кнопку, как бы намереваясь ее нажать.

– Не надо! – руками заслонился парень, заметив, что отверстие в кнопке направлено ему в лицо.

Я догадался: это была та самая аэрозоль, которую чернобородый использовал против меня.

Марк прямо здесь, в церкви, начал предварительный допрос, не без основания надеясь, что необычная обстановка подействует на длинноволосого обезоруживающе.

– Какое задание вы получили? – в лоб спросил он.

Голос парня дрожал то ли от холода, то ли от страха:

– Я должен был снять икону Иоанна. Если за ней, на Царских вратах, вырезан рисунок, сфотографировать его.

– Что за рисунок?

– Ну, план...

Итак, предположение Пташникова полностью подтвердилось, осталось узнать, что за план разыскивал чернобородый на Царских вратах, вывезенных Грозным из разграбленного Новгорода.

Однако Марк спросил парня о другом – кто его нанял и снабдил инструментами.

– В Москве я с ним познакомился, в ресторане «Будапешт», – торопливо заговорил парень. – Пришли с дружкой, заказали бутылку сухого, на больше денег не хватило. Тут он подсел, коньяку взял.

– Как его звать?

– Кирилл Борисович. Фамилию не сказал, а мы не спрашивали.

– Кто он такой?

– Ученый, искусствовед. Пишет диссертацию о древней культуре.

– Ученый – и заставил ночью вламываться в церковь?

– Тут целая история. В архивах он вычитал, что на Царских вратах, которые Грозный из Новгорода вывез, вырезан чертеж какой-то церкви, которая сейчас не сохранилась. Церковь эта была красоты необыкновенной, часто в летописях упоминалась, а как выглядела и где стояла – никто не знает. Ученые о ней кучу книг написали. Если бы Кирилл Борисович нашел этот план – диссертация была бы у него в кармане. Вот он и действует тайком, чтобы его кто-нибудь другой не опередил. У них, ученых, такая драчка между собой идет – только держись.

– Он обещал заплатить?

– Даром бы я не полез, – искренне признался парень.

Будь на его месте кто-нибудь похитрей, подумал я, уверял бы, что решился на такой поступок из «благородных» побуждений.

– Сколько? – спросил Марк.

– Три куса, если найду план, а так кусок.

– Щедрый, видать, человек.

Парень довольно ослабил, растянув большегубый рот:

– Это точно, деньги у него водятся. Мы тогда в «Будапеште» за вечер кусок просадили.

– Как вы договорились встретиться?

– Из кремля я должен топать на вокзал. По дороге он бы меня и встретил, а где точно – не знаю.

– Документы при себе имеются?

– Заводской пропуск.

– Давайте его сюда.

Парень безропотно полез в карман.

– Так вот, гражданин Сверчков, ваш пропуск пока будет у меня, – строго произнес Марк. – Берите сумку и направляйтесь к вокзалу той дорогой, которую вам указали. А я пойду следом, бежать не советую. Встретит вас Кирилл Борисович, сразу сумку не отдавайте, о чем-нибудь заговорите с ним, пока я не подоспею. Понятно?

– Подойдет случайный человек, а вы его сцапаете, – хмыкнул парень, оправившись от испуга.

– Не беспокойтесь, мы с Кириллом Борисовичем старые знакомые, я его ни с кем не спутаю: чернородый, в шляпе, кожаной куртке и сапогах, в Александров вы приехали вместе с ним вчерашней вечерней электричкой. Все правильно?

Длинноволосый обреченно кивнул, спросил, переминаясь с ноги на ногу:

– Вы думаете, он не ученый?

– Ученые так не действуют.

– Он по-иностранному шпарит, как мы с вами по-русски.

Марк посмотрел на парня в упор:

– Откуда вам известно?

– Рядом с нами в ресторане иностранцы сидели, так он помог им сделать заказ официанту. Но не по-английски говорил, это точно. Мы его в школе долбили-долбили, да без толку, только отдельные слова понимаю...

Марк отвел меня в сторону, сказал, поглядывая на парня:

– Позвони от Ниткина в отделение милиции, передай дежурному, что здесь случилось. Как действовать дальше, они знают. И жди у Ниткина моего звонка.

– Я пойду с тобой. Вдруг чернородый вооружен?

– Что вы с Пташниковым одно и то же заладили! – рассердился Марк.

– Ты ни разу его не видел, а он мог и переодеться, – привел я тогда другой довод.

– Зато он тебя хорошо запомнил, увидит – сразу почувствует неладное. А стрелять он не будет, сам слышал – интеллигентный человек, иностранные языки знает.

Я не понял, шутит Марк или говорит всерьез, но убедился – спорить с ним бесполезно.

Оставив мне фонарь, он вывел длинноволосого из церкви. Я дождался, когда смолкли их шаги, вернул икону Иоанна на прежнее место. Прежде чем уйти, осветил лицо евангелиста. Показалось, Иоанн смотрит на меня со злорадством, словно был доволен, что нам не удалось поймать чернобородого.

Небо над кремлем как бы поднялось выше и побледнело. Мелкие звезды погасли, светились самые яркие. Ветер стих. Воздух потеплел, наполнился запахами сырой земли, мокрых трав и первыми предутренними звуками.

Закрыв дверь церкви на ключ, я поднялся в квартиру Ниткина. Что операция сорвалась и чернобородый не пойман, старики поняли по моему расстроенному виду.

Сначала я позвонил в милицию, лишь потом рассказал о случившемся в церкви со всеми подробностями. В историю с планом древней церкви, которую якобы разыскивает чернобородый, Пташников не поверил:

– Такие байки для глупцов вроде этого Сверчкова. Нет, чернобородый разыскивает другое, диссертация тут ни при чем. Я не удивлюсь, если выяснится, что речь идет о плане какого-то тайника с сокровищами.

Хотя мы с Ниткиным отнеслись к этому предположению скептически, Пташников не стал спорить с нами.

Мне не давала покоя мысль, случайно ли история с планом древней церкви, рассказанная чернобородым Сверчкову, так похожа на ту, которую мы услышали от Ниткина и в которой фигурировал Окладин? Что кроется за этим – совпадение или у этих историй один и тот же источник?

Только сейчас я спохватился, что мы с Марком так и не спросили сообщника чернобородого, был ли он в Александровском кремле вчера ночью. По тому, как парень испугался баллончика с аэрозолем, было ясно – он знает о его содержимом.

Не длинноволосый ли подждал меня за дверью в крепостной стене?

Телефон не звонил, я не находил места, не мог себе простить, что не пошел следом за Марком, – чернобородый мог решиться на все, если почувствует опасность.

Пташников перелистывал старинные книги из библиотеки Ниткина, но тоже нервничал, то и дело поглядывал на часы.

Марк позвонил только в шестом часу утра.

– Взяли чернобородого? – выпалил я, услышав в трубке его голос.

– Пустой номер, он все предусмотрел. Заставил своего подручного такими улицами идти, что не выследишь.

– Может, нам приехать на вокзал? Опознаем его, когда он будет возвращаться в Москву.

– Нет, его надо брать на месте преступления, иначе выкрутится.

Я спросил Марка, не узнавал ли он у Сверчкова, был ли тот вчера ночью в кремле.

Сверчков вечером срезал замок с двери, а в церковь пытался проникнуть сам чернобородый. Человек он хитрый и очень осторожный. Может, специально подсунил нам сегодня Сверчкова, чтобы убедиться, нет ли слежки. Не исключено, что здесь у него есть еще один сообщник, а сам он уже в Москве...

Марк поблагодарил нас за помощь, пообещал как-нибудь приехать в Ярославль, и мы простились. Только по дороге на вокзал я почувствовал, как устал за эти дни.

Из Александрова мы с краеведом выехали первой электричкой. Справа от железной дороги, на высоком зеленом холме, белели стены кремля, где произошли события странные, необъяснимые и участниками которых мы случайно стали. Выше, освещенные чистым утрен-

ним светом, тянулись в голубое небо шатры и главки церквей. Внизу, у подошвы холма, причудливо извивалась речка Серая.

Кремль уплывал назад, а мне казалось – из шестнадцатого века я возвращаюсь в двадцатый. Уходило назад то далекое, жестокое время, когда здесь, в Александровой слободе, жил и вершил свой суд над людьми Иван Грозный, а жизнь так же сурово и жестоко казнила его самого.

В русской истории это была, пожалуй, одна из самых загадочных личностей. К одной тайне Грозного – убийству царевича Ивана – я как бы прикоснулся здесь. История с чернобородым и это таинственное убийство стали в моем сознании звеньями одной цепи.

Я сам не мог объяснить, какая между ними связь, но почему-то был уверен, что она существует и у истории с золотым кольцом будет продолжение, что случай в бывшей Александровой слободе только начало моего путешествия в прошлое.

И еще об одном происшествии, которым закончился этот длинный и трудный день...

Александровская электричка делает остановку в Ростове Великом. Как и Пташников, я дремал всю дорогу, но тут открыл глаза, словно меня толкнули. Мимо окон нашего вагона проходили сошедшие с электрички пассажиры. И вдруг среди них я увидел мужчину в бежевом костюме. Это был, несомненно, Окладин!

Но как он очутился здесь?! Ведь он должен был уехать еще вчера! Почему вышел в Ростове, когда живет в Ярославле и так торопился в свой институт? Зачем следом за мной выходил ночью из александровской гостиницы? Почему так внимательно вглядывался в его лицо Марк, в чем он подозревает Окладина?

Ни на один из этих вопросов я не мог дать вразумительного ответа. Хотел разбудить Пташникова – и передумал. Я как предчувствовал, что впереди меня ждут новые, не менее странные и запутанные события, и торопить их не надо.

Часть вторая. Запутанная история

Однажды я начертил карту острова; она была старательно и (на мой взгляд) красиво раскрашена; изгибы ее необычайно увлекли мое воображение; здесь были бухточки, которые меня пленяли, как сонеты. И с бездумностью обреченного я нарек свое творение «Островом Сокровищ». Я слышал, бывают люди, для которых карты ничего не значат, но не могу себе этого представить! Имена, очертания лесов, направление дорог и рек, доисторические следы человека, и ныне четко различимые в горах и долах, мельницы и развалины, водоемы и переправы, какой-нибудь «Стоячий валун» или «Кольцо друид» посреди вересковой пустоши – вот неисчерпаемый клад для всякого, у кого есть глаза и хоть на грош воображения. Кто не помнит, как ребенком зарывался лицом в траву, вглядывался в дебри этого крохотного леса и видел, как они наполняются волшебными полчищами! То же примерно произошло со мной, когда я уронил задумчивый взгляд на карту своего «Острова Сокровищ» и среди придуманных лесов зашевелились герои моей будущей книги. Они сновали туда и сюда, сражались и искали сокровища на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги... Даже когда карта не составляет всей фабулы, она всегда сумеет дать богатую пищу уму.

Роберт Льюис Стивенсон. Остров Сокровищ

Глава первая. Загадка Соломонии

С оживленной улицы в центре города я свернул в узкий переулок, разыскал нужный дом. Он стоял в глубине двора, зажатый двумя девятиэтажными коробками, одинаковыми, как близнецы.

Дом был каменный, с побитой штукатуркой, с тесовым крыльцом сбоку и тремя окнами по фасаду. Рядом с современными высотными зданиями он выглядел жалко, неказисто, словно заблудился здесь.

О встрече я предварительно договорился с Пташниковым по телефону. На мой звонок он тут же открыл дверь, из полутемной прихожей проводил в комнату, неожиданно большую и светлую, с высоким потолком.

Кроме стола у окна и трех приставленных к нему старомодных гнутых стульев здесь ничего не было – только огромное количество книг в самодельных шкафах вдоль стен.

Разномастные, в твердых переплетах с тиснением и растрепанные, словно капустные листья, с пожелтевшими от времени страницами, они стояли рядами, лежали стопками на полках в простенках между окон.

Книжные шкафы громоздились и во второй, маленькой комнате. Кроме них я разглядел там металлическую кровать довоенного образца, массивный письменный стол и старую пишущую машинку «Ундервуд».

С потолка в обеих комнатах сиротливо свисали лампочки без абажуров.

Из прихожей еще одна дверь вела на кухню. Газовая плита и кухонный столик словно бы выталкивали друг друга, так тесно им было там. Холодильнику не нашлось места на кухне, и он стоял в прихожей, сверху высилась стопка старых журналов, аккуратно перевязанных бечевкой, здесь же притулился телефон давно устаревшей конструкции.

Не трудно было догадаться, что Пташников живет один, – женских рук здесь не чувствовалось совершенно. Расспрашивать, почему так получилось, я не стал, но про себя подумал, что современный гарнитур или богатые ковры на стенах здесь были бы просто неуместны – тут властвовали книги, все остальное было незначительным приложением к ним.

– Этот дом мне еще от деда достался, – сказал Пташников, заметив, с каким интересом я рассматриваю его квартиру. – Несколько раз меня вызывали в горсовет, предлагали взамен

однокомнатную квартиру со всеми удобствами. А зачем, спрашивается, мне удобства, если нигде будет разместить книги?

Решение краеведа показалось мне резонным.

– Вы тут поройтесь на полках, может, что-нибудь интересное для себя найдете, – подчеркнул скромно предложил хозяин. – А я пойду самовар поставлю.

– Самовар? – удивился я. – Электрический?

– Нет, почему же, настоящий. Я не любитель подделок и муляжей, – без рисовки сказал Пташников и ушел на кухню.

С восхищением глядел я на книжные полки. Много видел домашних библиотек, но такую огромную – впервые. Однако не это составляло ее главную ценность. Достаточно было наобум вынуть с полок несколько книг, чтобы убедиться – библиотека у Пташникова не просто большая, но уникальная, а сам он – заядлый, настоящий книжник.

В основном здесь были книги по истории, краеведению, русской культуре. Книги девятнадцатого и даже восемнадцатого веков, с экслибрисами самых неожиданных владельцев. Так, мне попала на глаза книга о фортификации из библиотеки Алексея Андреевича Аракчеева – военного министра при Александре Первом, ставшего затем фактическим правителем Российской империи.

Книгу украшал затейливый экслибрис с хвастливым и заискивающим девизом: «Без лести предан», в свое время переделанный Пушкиным на «Бес лести предан».

Как ни старался, я не нашел на полках ни одной художественной книги. Сначала это озадачило меня, но, рассудив, я пришел к выводу, что беллетристика в библиотеке Пташникова выглядела бы примерно так же, как современная модная мебель в его холостяцкой квартире.

Когда хозяин, прижимая к себе два граненых стакана и глубокую тарелку с конфетами, появился в комнате, я высказал ему свое восхищение его уникальной библиотекой.

Он отнесся к моим восторгам спокойно, как к должному:

– С семнадцати лет собираю, с первой полочки. Только четыре года выпали – когда на фронте был. Правда, кое-что от родителей осталось, они тоже книголюбамы были. Собственно, из-за книг у меня и семьи не получилось...

Так я и не узнал, почему Пташников остался одиноким, – не договорив, он опять вышел из комнаты и принес с кухни большой медный самовар, водрузил его посреди стола, и в комнате стало как бы еще светлее, праздничнее.

Сверху, на конфорку, краевед поставил фарфоровый чайник с заваркой. От самовара исходило тепло, по комнате разносился густой запах индийского чая.

Потом мы пили черный, как деготь, чай с засохшими конфетами, вспоминали необычные обстоятельства нашего знакомства, странного чернобородого попутчика и его загадочные поступки, некоторым из которых мы так и не нашли объяснения.

Я спросил краеведа, виделся ли он после возвращения из Александрова с Окладиным.

– Хотел встретиться, но никак не получается. Что ни звоню, не могу застать дома, все в разъездах, – посетовал Пташников. – Никогда не думал, что институтскому преподавателю отечественной истории приходится так много ездить.

Я тоже удивился этому, но предпочел промолчать.

– А вы не узнавали у вашего приятеля Марка Викторовича о чернобородом? – поинтересовался Пташников. – Может, он опять где-нибудь объявился?

– Марк, видимо, в командировке, тоже никак не могу дозвониться, – ответил я краеведу, а сам подумал: не по одному ли и тому же делу отсутствуют Марк и Окладин? Не связаны ли их поездки с тем, что произошло в Александрове?

Сколько ни ломал голову, я так и не мог объяснить себе странного поведения Окладина в гостинице, его неожиданного появления в Ростове, а непонятные разъезды историка еще больше усилили мои подозрения.

Опять вспомнилась наша встреча в пригородной московской электричке, положившая начало событиям, происшедшим потом в Александрове. Как получилось, что Окладин и чернобородый оказались в одном вагоне, на соседних местах?

Мучительно выискивал я в памяти детали, которые помогли бы ответить на этот вопрос.

Как все было? Я первым занял место у вагонного окна и сразу уткнулся в журнал. Следом напротив меня сел чернобородый, повесил на крючок над головой свою яркую импортную сумку.

Потом место рядом с ним занял Пташников – я на секунду опять оторвал взгляд от журнала, обратив внимание на старенький портфель краеведа с обмотанной изолентой ручкой, который он поставил себе на колени.

Окладин подсел к нам в последнюю минуту, перед самым отходом электрички. Наши места находились примерно в середине вагона. Я смутно помнил, свободные места были ближе к дверям, но Окладин почему-то прошел мимо и устроился рядом с нами. Почему он выбрал именно это место?

Пташников, рукопись которого Окладин когда-то рецензировал, до этой встречи он не знал в лицо, тем более – меня. Значит, можно предположить, что историк подсел именно к чернобородому? Но насколько обоснован такой вывод? Не притянул ли я его к своим подозрениям искусственно, как говорится – за уши?

Зачитавшись тогда журнальной статьей об основании Москвы, написанной, как оказалось, Пташниковым, я не слышал, с чего начался разговор об убийстве царевича Ивана, и сейчас спросил об этом краеведа.

Он посмотрел на меня озадаченно:

– Что это вы вдруг вспомнили?

Мне не пришло на ум ничего иного, как сказать краеведу, что меня по-прежнему интересует нераскрытое преступление четырехвековой давности. И я не лукавил – так оно и было в действительности, хотя сейчас меня больше интересовала другая загадка.

– Да, тут есть над чем поломать голову, – согласился со мной Пташников. – Зря Михаил Николаевич так категорично заявляет, что никакого заговора не было и быть не могло. Почему бы такое не предположить? Ведь никто из историков не оспаривает тот факт, что безвольный, болезненный царевич Алексей состоял в заговоре против своего отца – Петра Первого! Разница, может, только в том и состоит, что следственное дело Алексея сохранилось, а в случае с царевичем Иваном его вовсе не было.

– А может, оно просто не уцелело или где-нибудь затерялось?

– Вряд ли такое следственное дело существовало. Наверное, на этот раз Грозный обошелся без дьяков и палачей – узнав, что сын замешан в заговоре, сам осудил его, сам и казнил. А впрочем, все возможно, полностью царский архив не сохранился. Не исключено, что наиболее важные документы хранились в той самой библиотеке Ивана Грозного, споры о местонахождении которой идут вот уже четыреста лет. По одной из версий Грозный перевез ее в Александрову слободу, где она и осталась после смерти царевича Ивана.

Я вернул Пташникова к разговору, происшедшему в электричке, спросил, с чего он начался.

– Окладин поинтересовался у чернобородого, когда приедем в Александров, но тот не смог ответить. Вот тогда я в шутку и сказал, что на месте преступления будем через два часа. Когда чернобородый не понял, о каком преступлении речь, я ему напомнил об убийстве в Александровой слободе царевича Ивана. Ну а дальше вы, наверное, все сами помните – чернобородый заявил, что в слободе произошло не случайное убийство, а умышленное преступление...

Если краевед ничего не перепутал, то Окладин первым начал разговор с чернобородым. Однако сомнительно, что историк не знал, сколько времени электричка идет от Москвы до

Александрова – ведь месяц назад он уже ехал этой дорогой, только в обратном направлении. Значит, он обратился к чернобородому с какой-то другой целью.

Чем бы закончился их разговор, если бы в него случайно не вмешался общительный краевед? Почему, когда чернобородый внезапно ушел, Окладин так настойчиво пытался убедить нас, что сообщение о заговоре, в результате которого погиб царевич Иван, не стоит воспринимать всерьез? Почему так резко перевел разговор на историю Соломонии Сабуровой, о которой чернобородый даже не обмолвился?

Тогда их спор прервался, только начавшись, и сейчас я легко вернул к нему краеведа – он тут же с удовольствием углубился в историю, о которой мог говорить часами:

– Соломония Юрьевна Сабурова – первая жена Василия Третьего. Великий князь выбрал ее из пятисот претенденток, свезенных в Москву со всего государства, перед показом великому князю их тщательно осматривали ближние бояре и всевозможные «мамки». Однако эта проверка не оправдала себя – шли годы, а Соломония так и не подарила Василию Третьему наследника, что, естественно, вызывало его неудовольствие. Вот как писал об этом летописец, конечно, явно смягчив ситуацию...

В дальнейшем меня постоянно удивляло, с какой легкостью Пташников ориентировался в своем огромном книжном собрании. В первый же раз быстрота поиска нужного ему источника просто поразила меня – вроде бы даже не глядя на полки, краевед протянул руку и снял именно ту книгу, которая ему требовалась, столь же быстро нашел нужную страницу и нарасспев зачитал:

– «Того же лета поехал князь великий, царь всея Руси, в объезд и возревши на небо и видев птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико в себе глаголюще: любе мне, кому уподобихся аз? Не уподобихся ни ко птицам небесным, яко птицы небесны плодовицы суть, ни зверем земным, яко звери земные плодовицы суть, ни уподобихся никому же. И приехал князь великий тоя осени из объезда к Москве и начата думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонии, что не плодна быть, и нача с плачем говорить к боярам: кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и делах? Братьям ли дам, ино братья своих уделов не умеют устраивать!»

Пташников перевел дух, закрыл книгу и сменил возвышенный тон на будничный:

– В этой ситуации Василий Третий, будущий отец Ивана Грозного, задумал неслыханное – развестись с Соломонией и жениться вторично. В те времена такого на Руси еще не случилось – это было открытым нарушением всех церковных законов. Против развода выступили бояре, боявшиеся усиления великокняжеской власти, братья Василия, которые мечтали после его смерти захватить московский престол. Но на помощь Василию Третьему пришел митрополит Даниил, отыскавший в Библии фразу, оправдывающую развод: «Неплодную смоковницу посекають и измещуть из винограда». Оставалось дело за небольшим – доказать, что в отсутствии наследника виновата именно Соломония Сабурова.

Пташников опять развернулся вместе со стулом к книжным полкам и достал следующую книгу, моментально нашел нужное место:

– «Сказка Юрья Малого, и Стефаниды резанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и иных про немочь великие княгини Соломоницы» – так был назван документ, родившийся в великокняжеской канцелярии в результате проведенного розыска о «неплодстве» великой княгини. В этой «сказке» Соломония обвинялась не столько в бесплодии, сколько в ворожбе и колдовстве – рязанская женка Стефанида призналась, что давала ей «наговорную воду», чтобы ею обрызгать себя и платье великого князя. Проводившие расследование дьяки повернули дело так, будто Соломония таким способом хотела наложить на князя порчу, хотя у той на уме было

совсем другое – вызвать любовь мужа. Не пожалел родную сестру и брат Соломонии – Иван Сабуров, сделавший такое вот заявление...

Пташников снова уткнулся в книгу:

– «Говорила мне великая княгиня: есть дей женка, Стефанидою зовут, резанка, а ныне на Москве, и ты ее добуди да ко мне пришли, и яз Стефаниды допытался, да к себе есми ее во двор позвал, а послал есми ее на двор к великой княгине с своею женкою с Настею, а та Стефанида воду наговаривала и смачивала ею великою княгиню. Сказывала мне потом женка Стефанида, что у великой княгини детям не быти».

Захлопнув книгу, Пташников с горечью повторил:

– «У великой княгини детям не быти»... Эти слова решили судьбу несчастной Соломонии, и 29 ноября 1525 года в Рождественском монастыре Москвы митрополит Даниил насильственно постриг ее в монахини. А вскоре, 21 января 1526 года, Василий Третий женился на Елене Глинской, будущей матери Ивана Грозного. И можно бы эту историю больше не ворошить, если бы не одно странное обстоятельство, обнаруженное спустя четыре столетия...

Я слушал Пташникова, чуть ли не затаив дыхание, – он излагал еще одну детективную историю, происшедшую раньше, чем преступление в Александровой слободе, но тесно связанную с ним. Конечно, кое-что я знал об этом событии, но в изложении краеведа оно выглядело более таинственной и занимательней, чем в учебнике истории.

– Соломонию Сабурову под монашеским именем старицы Софьи сослали в суздальский Покровский монастырь, там же позднее она была и похоронена. А в 1934 году в подклете Покровского собора производили ремонтные работы и вдруг между погребениями старицы Александры и старицы Софьи, то есть Соломонии Сабуровой, нашли каменное надгробие, под ним – небольшую деревянную колоду, обмазанную внутри известью.

– Еще одно захоронение?

– Да, только не совсем обычное – в колоде лежала кукла в шелковой рубашке, спеленутая свивальником, богато расшитым жемчугом. Чтобы ответить на вопрос, зачем было с такими почестями хоронить куклу, надо опять вернуться во времена Василия Третьего. Дело в том, что уже после его второй женитьбы до Москвы дошли слухи, будто Соломония Сабурова родила в Покровском монастыре сына, названного Георгием. Василий Третий был так напуган этими слухами, что срочно отправил в Суздаль двух дьяков с наказом выяснить, насколько эти слухи соответствуют действительности.

– Не понимаю, чего он испугался? – продолжал я разыгрывать из себя непонятливого слушателя, что, как я заметил, еще больше разжигало красноречие краеведа.

– Появление сына у Соломонии ставило под сомнение законность и необходимость его второго брака. Больше того – по всем существующим тогда церковным нормам Василий Третий становился преступником.

– Что же выяснили эти дьяки?

– А ничего не выяснили, Соломония не показала дьякам своего ребенка, мотивируя это, скорее всего, тем, что они не достойны такой чести – видеть сына великой княгини, который вскоре может сам сесть на московский престол и отомстить за обиды матери.

– Как же поступил Василий Третий?

– Тут же отправил в Суздаль более представительную делегацию из духовенства и ближайших бояр, которую правильнее будет назвать не делегацией, не посольством, а следственной комиссией. Впрочем, главной ее задачей, вероятней всего, было не столько расследовать это дело, сколько его замять.

– Каким образом? Если ребенок у Соломонии родился, тут уж ничего не изменишь, – все больше увлекала меня эта запутанная история.

Прежде чем ответить, Пташников выдержал многозначительную паузу.

– У тех, кого Василий Третий послал в Суздаль, был только один способ замять скандальное дело – убить ребенка. Сохранившиеся сведения о Соломонии Сабуровой говорят о ней как об энергичной, умной женщине. Видимо, она прекрасно поняла, что грозит ее сыну, и ловко инсценировала его смерть, захоронив вместо сына тряпичную куклу. Ребенка в живых нет, значит, можно считать, его вовсе не было. Следственная комиссия возвращается в Москву, сообщает Василию Третьему о смерти ребенка – и Соломонию Сабурову оставляют в покое. А между тем, если верить легенде, которая кажется мне весьма убедительной, ее сын воспитывается у верных ей людей, недовольных разводом великого князя. Возможно, в дальнейшем предполагалось использовать сына Соломонии в борьбе за власть, как законного наследника московского престола.

– Почему же тогда не использовали?

– Это можно по-разному объяснить. Не исключено, что свою роль тут сыграло поспешное венчание Грозного на царство, который знал о существовании старшего брата, имевшего на царский трон законные права. Грозный успел опередить события, которые могли бы лишить его власти, выбил почву из-под ног тех, кто решил разыграть эту карту.

На мой взгляд, предположение Пташникова не было подкреплено серьезными доводами. Да и у самого краеведа на этот счет оставались сомнения, которые он тут же осторожно высказал:

– К сожалению, не сохранилось никаких документов, подтверждающих, что у Соломонии Сабуровой действительно родился в Суздале ребенок. Известно только, что за распространение слухов о рождении у нее сына были биты кнутом жена казначея Юрия Малого и жена постельничего Якова Мансурова. До нас не дошло даже сообщение о ложности этих слухов, которое наверняка появилось на свет после возвращения из Суздаля следственной комиссии.

– Нет документов – это еще не доказательство. Почему нельзя поверить легенде – устному свидетельству, которое донесла до нас народная память?

– Я тоже так считаю, – согласился со мной Пташников. – Но выяснилось, что каменное надгробие над фиктивным захоронением сооружено не в шестнадцатом веке, а гораздо позднее. На этом основании сделали вывод, что мистификация с захоронением была осуществлена уже после смерти Соломонии Сабуровой.

– Кому могла потребоваться эта странная мистификация? Она имела смысл только в свое время, при жизни Василия Третьего и Соломонии.

– В 1650 году с целью привлечения в Покровский монастырь верующих патриарх Иосиф причислил Соломонию Сабурову к лику святых. Тогда же церковники могли вспомнить легенду о ребенке ссыльной княгини – и установили надгробие над его фиктивной могилой, которая, якобы, как и могила Соломонии, тоже могла творить чудеса, а следовательно, приносить доход в монастырскую казну.

В таком случае церковники ограничились бы установкой надгробия, а делать колоду и куклу – только лишние, ничем не оправданные хлопоты. Все равно никто из верующих не стал бы разрывать могилу и, таким образом, осквернять ее.

– Серьезный довод против версии с поздней мистификацией, – поддержал меня Пташников. – Однако ее сторонники по-прежнему доказывают, что никакого сына у Соломонии Сабуровой не было, а мистификацию с захоронением она осуществила, чтобы досадить Василию Третьему и Елене Глинской, вызвать слухи, которые могли бы им повредить.

– Конечно, отчаяние и неутраченная обида могли толкнуть Соломонию Сабурову на самый коварный поступок, в том числе и на фиктивные похороны несуществующего сына, – осторожно заметил я.

– Этот поступок мог стоить ей жизни!

– Возможно, безысходность положения, в котором она оказалась, была для нее страшнее, чем смерть...

– Ребенок у Соломонии Сабуровой был, это бесспорно! – не дослушав меня, заявил Пташников. – Если бы у нее не было сына, не было бы и ложного захоронения – оно потребовалось ей только для того, чтобы спасти сына. И следственная комиссия точно выяснила, что ребенок был, в противном случае вскрыли бы фальшивое захоронение и разоблачили бы Соломонию. Но этого не сделали, значит, поверили в его смерть. Видимо, Соломония Юрьевна Сабурова действительно была умной, находчивой и мужественной женщиной, потому ей и удалось обмануть следственную комиссию.

На этот раз я нашел доводы краеведа убедительными.

Пташников опять раскрыл одну из лежащих на столе книг.

– Поздние летописи утверждали, что Соломония Сабурова сама захотела в монастырь, вот что сказано в одной из них: «Боголюбивая великая княгиня инока Софья начат молити государя, да повелит ей отбити в обитель Пречистыя Владычица Богородица честного ее Покрова в богоспасаемый город Суздаль». Здесь что ни слово – то ложь, вот и доверяй после этого летописям.

– Что же было на самом деле?

– Немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 годах, в своей книге «Записки о московских делах» оставил иную сцену пострижения Соломонии в монахини, которая лично мне внушает больше доверия. По его словам, княгиня срывала монашеский куколь, топтала его ногами, протестовала против творимого над нею насилия, обвиняла мужа в неверности, а людей в жестокости и несправедливости. Чтобы заставить ее замолчать, боярин Иван Юрьевич Шигоня-Поджогин ударил ее плетью. И это в церкви!

– Как ты смеешь?! – вскрикнула Соломония.

– Волею великого князя, – ответил Шигоня.

Этот удар сломил мужество Соломонии, она заплакала.

– Неужели ты будешь противиться воле государя? – спросил Шигоня с издевкой. – Неужели будешь медлить исполнить его повеление?

«Только после этого Соломония замолчала, позволила надеть на себя монашеское одеяние», – оживленно, в лицах, пересказал мне краевед версию этого события, оставленную Герберштейном, которая тоже показалась мне ближе к истине, чем сообщение русского летописца.

– Видимо, крепко боялись приспешники Василия Третьего разоблачений Соломонии, если пошли на такое святотатство – ударить бывшую великую княгиню плетью, в церкви.

– А может, ее разоблачения пугали Глинских? – хитро сощурившись, посмотрел на меня краевед.

– При чем здесь Глинские?

– Есть основания предполагать, что против Соломонии Сабуровой был организован самый настоящий заговор.

– Заговор? – переспросил я, вспомнив утверждение нашего чернородого попутчика, что и царевич Иван погиб в результате заговора. – Кто же был его организатором?

– Если верить некоторым авторам, то Василий Третий заметил «молодую польскую красавицу» Елену Глинскую сразу же, как только она появилась в Москве, то есть в 1508 году. Соломония Сабурова была пострижена в монастырь спустя семнадцать лет. Следовательно, на столько же лет постарела и «молодая польская красавица». Сами понимаете, что эта версия шита белыми нитками.

А разве не могло так случиться, что Василий Третий по-настоящему полюбил Елену Глинскую?

– Действительно, увлечение Василия Третьего польской панной было таким сильным, что ей в угоду он даже бороду сбрил – поступок по тем временам небывалый для русских

князей. Летописец заметил, что великий князь «возлюбил ее лепоты ради лица и благообразия возраста, наипаче ж целомудрия ради». Другой, уже иностранный автор, утверждал, что «Елена соединяла в себе такие чары, каких Василий не мог найти ни у одной русской».

– Вот видите!

– Этот же автор писал, что ее дядя Михаил Глинский принимал участие в заговоре против литовского князя Сигизмунда, был соратником Альберта Саксонского и императора Максимилиана, в Риме принял католичество.

Я не мог понять, к чему клонит Пташников, и попросил объяснений.

– Ловкий проходимец Михаил Глинский не мог жить без интриг. Высказывалось предположение, что именно он организовал женитьбу Василия Третьего на своей племяннице, что именно его усилиями была пострижена в монахини Соломония Сабурова. Возможно также, что это был только первый шаг в заговоре, направленном на введение на Руси католичества, что следы этого заговора тянулись в Рим. Но очень скоро Елена Глинская вышла из-под влияния своего родственника, и этим планам не суждено было сбыться.

– Факт остается фактом – за годы супружества Соломония Сабурова так и не родила Василию Третьему наследника, а Елена Глинская стала матерью Ивана Грозного, продолжившего великокняжеский род, – напомнил я краеведу.

– Не спешите с выводами, – урезонил он меня. – После женитьбы великого князя на Елене Глинской прошел год, второй, третий, а долгожданного наследника все нет. Глинские понижают, что в случае, если Елена останется бездетной, ее также может постигнуть судьба Соломонии Сабуровой, а им грозит падение, ссылка. И только на пятый год, 25 августа 1530 года, у Василия Третьего наконец-то появляется долгожданный наследник – будущий царь Иван Васильевич Грозный. Своеобразно на это событие откликнулся летописец, – опять потянулся Пташников к книге на столе, мрачным голосом прочитал: «Внезапну бысть гром страшен зело и блистанию молнину бывшу по всей области державы их, яко основанию земли поколебатися; и мнози по окрестным градам начати дивитися таковому страшному грому».

– В любом случае, как бы природа не прореагировала на появление у Елены Глинской ребенка, Василий Третий наверняка радовался рождению наследника, – заметил я.

Пташников сказал так удрученно, словно речь шла о современнике:

– Долго радоваться ему не довелось – через три года, в ночь на 4 декабря 1533 года, Василий Третий скончался от язвы на бедре. Вот как его заболевание описал летописец: «Явися у него мала болячка на левой стороне на стегне на сгибе, близ нужного места з булавочную голову, верху же у нея несть, ни гною в ней несть же, а сама багрова».

– Похоже, вы считаете, Василий Третий умер не своей смертью? – прямо спросил я Пташникова.

– Тут есть о чем подумать, – не сразу ответил краевед. Когда болячка на бедре великого князя прорвалась, из нее, по сообщению того же летописца, вышло гноя больше таза. Я узнавал у врачей – это вполне возможно при искусственном заражении каким-нибудь сильным ядом. В связи с этим возникает еще один вопрос – был ли Василий Третий отцом Ивана Грозного?

Должен признаться, я был озадачен таким поворотом. Спросил краеведа, есть ли, кроме скоропостижной смерти Василия Третьего, другие серьезные основания выдвигать подобное предположение.

– Еще в те далекие времена распространились слухи, что Иван Грозный – сын одного из фаворитов Елены Глинской Ивана Оболенского. Исключать такую вероятность нельзя – эта женщина происходила из рода потомственных авантюристов, а рождение наследника было ее последней картой. Тем более что народ продолжал говорить о Соломонии Сабуровой, сочувствовать ссыльной княгине. О ее жизни в Рождественском монастыре летописец так писал: «Мнози от вельмож и от сродник си и княгини и болярыни нача приходить к ней посещения роди и мнози слезы проливаху зрящу на ню». Это и заставило Василия Третьего из Рожде-

стенского монастыря Москвы перевести бывшую супругу в Покровский монастырь Суздаля, подальше от глаз людских и их сострадания к бывшей великой княгине. Ясно, как все это переживала Елена Глинская. Ради того, чтобы заполучить ребенка, она готова была пойти на что угодно, на любое преступление. Интересно, что после рождения сына и смерти Василия Третьего она бросила своего родственника Михаила Глинского в тюрьму, где он и умер. Возможно, Елена Глинская потому его и погубила, что он слишком много знал, в том числе – об отце Грозного, о Соломонии Сабуровой, а возможно, и о судьбе ее сына. Кстати, вы бывали когда-нибудь в Суздале? – спросил меня краевед.

– Как-то не приходилось.

Услышав мой ответ, Пташников даже рассердился:

– Нельзя считать себя культурным человеком, не побывав в Суздале хоть раз в жизни! На следующей неделе туда едут сотрудники нашего музея. Я могу похлопотать, чтобы они взяли вас с собой. Попробуйте сами разобраться, был ли сын у Соломонии или нет. Потом мне будет интересно узнать ваше мнение.

Предложение краеведа показалось мне заманчивым, а когда появляется желание сделать какой-то шаг, то сразу находится масса доводов в его пользу. А главный из них состоял в том, что после разговора с Пташниковым я понял: тайна Соломонии Сабуровой не оставит меня в покое до тех пор, пока я сам не попытаюсь ее разгадать.

Был и еще один веский довод в пользу этой поездки – я вспомнил сообщение Ниткина, что Окладин интересовался в Александровском кремле соборами, построенными, по убеждению историка, неизвестным зодчим, который позднее оказался в Суздале, куда была сослана Соломония Сабурова. Вроде бы не к месту историк вспомнил Соломонию и в электричке. Случайно ли это? Не связан ли его интерес каким-то непонятным образом с делом чернобородого?

Короче говоря, я согласился с предложением краеведа и через неделю отправился в Суздаль.

Глава вторая. Суздальский розыск

Впервые увидев этот древний город, превратившийся в тихий районный центр Владимирской области, я убедился в правоте Пташникова, что здесь хотя бы однажды, но побывать надо обязательно.

Суздаль меня буквально очаровал, чудесным образом представил мне наше далекое прошлое. Каждый монастырь, каждая церквушка подолгу не отпускали от себя, заставляя молитвенно любоваться своей красотой.

Но не только мастерство русских зодчих, имена которых в большинстве своем не сохранились, изумляло меня здесь. Я никак не мог понять, как вся эта красота уцелела до наших дней, когда у нее было столько врагов?! Не в заштатном районном городке, а в самой столице бездумно уничтожали такие памятники, что до сих пор диву даемся, как это могло произойти с нами.

Мне повезло – на ночь нашу группу после экскурсии по городу направили в гостиницу, находившуюся на территории того самого Покровского монастыря, где была заточена Соломония Сабурова.

Белую лилию на зеленом листе напомнил мне сияющий белизной монастырь посреди изумрудной луговины – таким я увидел его, когда из автобуса мы вышли на высокий берег реки Каменки.

Ощущение необычности этого места, превращенного в тюрьму для высокородных пленниц, не покинуло меня и на территории монастыря, куда мы вошли через древние Святые ворота.

Пужинав в ресторане, под который была приспособлена монастырская трапезная, мы, устав от долгой дороги, разошлись по номерам гостиницы, перестроенной из бывшей богадельни.

Мой сосед по номеру быстро заснул, а я опять и опять вспоминал рассказ Пташников о Соломонии Сабуровой, сопоставляя и взвешивая названные им факты, предположения.

Убедившись, что сна нет ни в одном глазу, я решил выйти из гостиницы и прогуляться на свежем воздухе.

Ночь выдалась прохладная и туманная, фонарь на столбе освещал Покровский собор, в подклете которого была захоронена Соломония Сабурова. На темной двери, закрывающей вход в подклет, висел черный замок.

Несмотря на бывшее назначение – быть усыпальницей знатных ссыльных монахинь – Покровский собор даже сейчас, ночью, не производил впечатления тягостного, печального. Он словно бы возносился над землей, вызывая чувство поэтической приподнятости.

Я медленно шел по дорожке возле собора и неожиданно увидел, как в окнах крытого перехода, соединяющего собор с шатровой колокольней, движется огонек свечи.

Я остановился – и огонек замер, словно человек со свечой испугался, что его заметят.

Я повернул назад – и огонек, не останавливаясь, тоже поплыл в обратную сторону.

Только теперь я понял, в чем дело – в стеклянных окнах перехода отражается фонарь на столбе. В первое мгновение мне показалось, что в соборе, со свечой в руке, скрылась Соломония Сабурова.

По широкой каменной лестнице, прислушиваясь к собственным шагам, я поднялся на галерею вокруг собора, постоял в тишине, вглядываясь в темный угол монастыря. И тут ко мне пришло твердое убеждение, что у Соломонии Сабуровой действительно родился в монастыре сын, что такой же туманной ночью она тайно передала его верным людям.

Сейчас я словно разглядел в темноте, как это было. Одета в черное, Соломония Сабурова у потайной двери в монастырской стене держит запеленутого в белое ребенка. Перед ней, низко склонившись, пожилая женщина и мужчина с шапкой в руке. Соломония последний раз целует сына и протягивает его женщине. Та осторожно берет ребенка и уходит в ночь. Следом за ней, нахлобучив шапку и что-то сказав княгине, исчезает мужик. Соломония долго смотрит им вслед, стонет от горя и в слезах возвращается в монастырь.

А на следующий день в монастыре были устроены фиктивные похороны. Бледная, измученная Соломония рыдала над маленьким гробом, билась о него головой, и никто не усомнился в ее горе, потому что оно было непритворным, искренним – княгиня действительно лишилась сына навсегда, до конца дней своих.

И только однажды испытала Соломония мстительную радость, когда, похоронив вместо сына тряпичную куклу, она так ловко сумела обмануть следственную комиссию, присланную в суздальский монастырь ее бывшим супругом. Словно воочию увидел я торжествующую улыбку на губах княгини, с которой она смотрела на уходящих через Святые ворота бояр, священников и дьяков из следственной комиссии, как потом, стоя на коленях перед иконостасом Покровского собора, она благодарила Бога за то, что ей удалось спасти сына, и просила прощения за обман.

Все эти сцены я разглядел так отчетливо и ясно, словно их выхватил из темноты прошлого огонек, принятый мною за пламя свечи в руке ссыльной княгини. И раскрылась мне тайна Соломонии Сабуровой...

На другой день тут же, в Покровском монастыре, у меня произошла любопытная встреча, некоторым образом дополнившая мое представление о деле Соломонии Сабуровой.

В местном музее ссыльной княгине был посвящен целый раздел экспозиции. Здесь я увидел и надгробную плиту с ложной могилы, и детскую рубашку, в которую была обряжена кукла, и портрет Соломонии, впрочем, выполненный уже после ее смерти.

Мне подумалось, что художник верно понял и отразил личность ссыльной княгини: умный, скорбный взгляд, в котором, несмотря на монашеское одеяние, не погасла гордость, непокорность коварной судьбе.

В монастыре Соломония Сабурова занималась вышиванием – сохранилась пелена, искусно выполненная княгиней.

Я смотрел на вещи, которых касались руки Соломонии, на ее портрет, на каменное надгробие со скромным, но многозначительным рисунком – две линии сходятся в кольце и из него выходит уже одна – и пытался разгадать характер Соломонии Сабуровой.

В детстве я как-то рассыпал материнские бусы из разноцветных стеклышек. Долго ползал по полу, нашел все бусинки, но так и не смог собрать бусы воедино, потому что забыл их первоначальный узор.

Такое же впечатление, что, несмотря на сцены, представившиеся мне ночью, я не знаю о Соломонии чего-то важного, возникло у меня и сейчас, в музее.

Нашим экскурсоводом оказалась симпатичная молодая женщина с круглым, несколько полноватым лицом и темными печальными глазами. Обычно я трудно схожусь с людьми, но тут мы с ней как-то легко разговорились, и я узнал, что она коренная москвичка, закончила исторический факультет Московского университета.

Я поинтересовался, как она очутилась в Суздале и стала экскурсоводом.

– О, это длинная история, – вздохнула женщина.

– История длинная и, видимо, не очень веселая? – догадался я.

Она не стала отнекиваться и только кивнула в ответ.

Велико же было мое изумление, когда я увидел, что эта современная женщина как две капли воды похожа на изображенную на портрете ссыльную княгиню Соломонию Сабурову!

То же красивое круглое лицо, те же темные, скорбные глаза, так же непокорно сжаты полные губы. Только черного монашеского одеяния не хватало, а то бы полное сходство.

Когда я сказал ей об этом, она скупно улыбнулась:

– Вроде бы я ее очень хорошо понимаю... По крайней мере мне так показалось, когда я впервые узнала о ее судьбе.

– Интересно. Как же вы представляете себе – был у Соломонии Сабуровой ребенок или нет?

– Конечно, был.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Эта женщина не стала бы хоронить куклу, чтобы только досадить бывшему мужу. Я бы тоже никогда не пошла на такой подлог. Видеть могилу неродившегося ребенка так же, наверное, мучительно, как и умершего. Другое дело, если ребенок жив и в безопасности...

Я так и не узнал, что случилось в судьбе этой умной, симпатичной женщины, которая смогла так глубоко прочувствовать характер ссыльной княгини, но ее слова еще раз убедили меня, что ребенок у Соломонии Сабуровой был.

– А вам самой не кажется, что вы очень похожи на Соломонию Сабурову, изображенную на этом портрете?

Женщина смутилась и, покраснев, словно помолодела на глазах.

– Не знаю. Может, со стороны виднее... Между прочим, сегодня вы второй человек, который говорит мне об этом.

– А кто был первым?

– Утром я вела группу экскурсантов из Москвы. Среди них был мужчина средних лет, хорошо знающий русскую историю и церковную живопись. Особенно его интересовали иконостасы и Царские врата, в каждой церкви из-за него задерживались.

Я насторожился, попросил вспомнить, как выглядел этот любознательный экскурсант.

– Модно и со вкусом одет, черты лица правильные, черная борода с проседью. Но больше мне запомнились глаза – темные, словно без зрачков, и очень внимательные.

– Он не говорил, кто он по профессии?

– Нет, но я думаю, историк или искусствовед. Об иконописи он судил профессионально. Я помедлил, прежде чем задать следующий вопрос:

– А этот человек не спрашивал у вас о Царских вратах, вывезенных Иваном Грозным из Новгорода?

– Как вы догадались?!

У меня рассеялись последние сомнения – утром здесь был чернобородый, наш загадочный попутчик!

– Значит, спрашивал? Что же вы ему сообщили?

– Что ни в церквах Суздаля, ни в музейных запасниках Царских врат из Новгорода, насколько я знаю, нет.

– Он расстроился, когда услышал об этом?

– Мне показалось, он ожидал именно такого ответа, а задал свой вопрос на всякий случай. «Зачем же тогда чернобородый приезжал в Суздаль?» – спросил я себя.

– Пожалуйста, вспомните, о чем еще вы говорили с ним? Это очень важно для меня.

– Он интересовался старейшими работниками нашего музея. Я ему назвала несколько фамилий.

– Может, о ком-нибудь из них он расспрашивал подробней, чем об остальных?

– Да, пожалуй, больше всего этого человека заинтересовал Эрнст Карлович.

– Кто такой?

– По происхождению немец, во время войны попал в плен, содержался в Суздале, а когда его освободили из плена, навсегда остался здесь.

– Странная биография.

Женщина недовольно сдвинула густые брови и сказала с укором:

– Эрнст Карлович – очень милый, образованный человек. К нашей отечественной культуре относится с такой любовью, которую не в каждом русском найдешь.

Я успокоил «Соломонию», что ни в чем не подозреваю этого человека, к которому она испытывает такое уважение, но про себя подумал, что тут концы с концами явно не сходятся: если немец – честный человек, зачем тогда он потребовался чернобородому авантюристу? Не связано ли это каким-то образом с тем, что произошло в Александрове?

Рассудив так, я спросил, как мне найти Эрнста Карловича, которым интересовался любознательный турист.

– Он работает экскурсоводом в Спасо-Евфимиевом монастыре, водит там иностранные группы. Тот мужчина, который спрашивал о нем, туда и направился...

Мое поведение могло показаться «Соломонии» странным и подозрительным – быстро свернув разговор, я со всех ног бросился в соседний монастырь. При этом у меня не было ни малейшего представления о том, что буду делать, если встречу там нашего странного попутчика.

По узкому деревянному мостику перейдя речку Каменку, я вышел к Спасо-Евфимиеву монастырю. Как ни спешил, я не мог не поразиться его красоте – массивные стены монастыря больше походили на крепостные, и только обилие церквей указывало на то, что здесь скрывались не столько от врагов, сколько от жизненной суеты, искали не защиты от огня и меча, а небесного покровительства.

Когда в центральном соборе монастыря я спросил старушку-смотрительницу об Эрнсте Карловиче, она словоохотливо ответила:

– Домой он ушел, милоч. К нему из Москвы кто-то приехал. Представительный мужчина, с бородой, вылитый священник.

– Кто бы это мог быть? – сказал я, будто подумал вслух.

– Может, родственник супруги Эрнста Карловича? Она недавно умерла, сердешная. Очень Эрнст Карлович убивается по ней...

Почувствовав ко мне доверие, старушка понизила голос:

– Детишек у них не осталось, так у нас поговаривают, будто Эрнст Карлович собрался на родину свою вернуться, в Германию. Только я не верю этому. Там у него, сказывали, родственников нет, а здесь полгорода знакомых и могилка супруги на кладбище. Поздно на старости лет корни обрубать.

– Слышал – хороший он человек, Эрнст Карлович, – сказал я и словно подлил масла в огонь.

– Правильно говорят, – тут же с удовольствием поддакнула мне старушка. – Всегда первый поздоровается и про жизнь поинтересуется, даром что немец. Таких уважительных людей еще поискать...

Старушка продолжала горячо расхваливать Эрнста Карловича, а я все гадал, что могло связывать порядочного человека с авантюристом? Или чернобородому надо просто что-то узнать у него? Например, нет ли здесь, в Суздале, Царских врат из Новгорода, о которых только этот немец и знает? Или приехавший к Эрнсту Карловичу гость вовсе не тот человек, с которым я столкнулся в Александрове?

Не выяснив этого, я не мог уехать из Суздаля. Перебив старушку, спросил ее, как найти дом Эрнста Карловича.

– Решил сходить, милоч? Ну и правильно. Его домик совсем рядом, на улице Пожарского. – И старушка подробно объяснила мне дорогу.

Через четверть часа я был возле деревянного дома под железной крышей. Прошел мимо, украдкой взглядываясь в заставленные цветами окна, но ничего не увидел. Дойдя до первого перекрестка, повернул назад и только теперь заметил на двери небольшой навесной замок.

Тут в калитке соседнего дома появился толстяк в спортивном трико и майке. Он подозрительно уставился на меня, сдвинув на глаза поношенную выгоревшую кепку неопределенного цвета.

– Вы не подскажете, где Эрнст Карлович? – обратился я к нему.

– Зачем он вам? – неожиданно грубо, с вызовом спросил толстяк.

На какое-то мгновение я растерялся от этой грубости, сказал первое, что пришло в голову:

– Из музея меня прислали, там иностранная группа приехала.

Толстяк ощупал меня оценивающим, недоверчивым взглядом – видимо, я не очень-то был похож на мальчика на побегушках.

– Эрнст Карлович в Москву отправился, – наконец процедил он сквозь зубы.

– У него что-нибудь случилось?

– А я откуда знаю? Он мне не брат и не сват.

– Один уехал?

– А с кем же еще, коли жена у него померла недавно? – все так же грубо, неприязненно ответил толстяк и демонстративно поскреб волосатую грудь.

Я набрался терпения:

– В музее мне сказали, к Эрнсту Карловичу сегодня гость пожаловал.

– Ну, был какой-то бородатый, так он раньше ушел.

Мне оставалось только поблагодарить толстяка за «любезность».

– Не за что, – буркнул он и ехидно добавил, повернувшись ко мне спиной: – В музее, чай, лучше меня знают, зачем сосед в Москву укатил. Ходят тут всякие, выпрашивают, отвечать надоело...

Сердитый толстяк в кепке, сам того не желая, подсказал мне, что делать дальше. Но меня насторожили его последние слова – выходит, совсем недавно еще кто-то интересовался Эрнстом Карловичем?

Миновав Красную и Торговую площади, я дошел до Ризоположенской церкви, возле которой размещалось экскурсионное бюро музея. Когда я спросил здесь, как мне найти Эрнста Карловича, полная женщина с высокой прической и ярко накрашенными губами со смешком сказала девушке за соседним столом:

– Ну и ну! Уже второй человек за сегодняшний день интересуется Эрнстом Карловичем. К чему бы это?

– А первым был симпатичный бородач средних лет? – наугад спросил я – и ошибся.

– Симпатичный, но без бороды. Обаятельный мужчина, да еще с собственной машиной. Наша Таня, – кивнула женщина на соседку, – до сих пор под впечатлением находится.

– Да ну вас, не выдумывайте, – отмахнулась девушка.

Наконец женщина сказала серьезно:

– Эрнст Карлович на три дня отпросился в Москву по важному делу, а по какому именно – нам не докладывал...

Когда я вышел на улицу, мимо меня в сторону Владимира проехал красный легковой автомобиль. Я не обратил бы на него внимания, если бы водитель не притормозил рядом со мной, словно хотел остановиться, но тут же резко прибавил скорость и оглянулся. Оглянулся и пассажир, сидящий рядом с водителем.

Что-то знакомое показалось мне в человеке за рулем. Или я ошибся? Тогда почему люди в машине так пристально посмотрели на меня, словно хотели запомнить или убедиться, что не обознались? Не они ли интересовались старым экскурсоводом? Что это за люди?

Всю обратную дорогу сотрудники музея обменивались впечатлениями об увиденном в древнем Суздале, а меня изводили вопросы и сомнения, от которых разламывалась голова.

Автобус возвратился в Ярославль поздно вечером, когда в темном небе над городом уже повисло холодное электрическое зарево, мрачно обгаренное факелами нефтеперегонного завода.

Войдя в квартиру, я сразу же, не раздеваясь, бросился к телефону, набрал домашний номер Марка. Волновался, слушая длинные гудки, – дома ли он, не уехал ли в командировку?

Но тут в трубке раздался сиплый, недовольный голос Марка. Узнав меня, он сердито спросил:

– Не мог утром позвонить? Что у тебя – пожар случился?

– По телефону все не объяснишь, нам надо срочно встретиться.

– Приезжай завтра в Москву.

– Я только что из Суздаля, очень устал. А ты не мог бы выбраться в Ярославль? Заодно посмотришь, как я живу. Ведь обещал, – напомнил я Марку.

– Работа суматошная, некогда совсем. Скажи толком, что произошло?

– В Суздале зачем-то побывал наш старый знакомый.

Марк сразу понял, о ком я говорю.

– Интересная новость.

– Это еще не все. Следом за ним там появились какие-то люди...

Марк сразу оборвал меня:

– Да, ты прав, это не телефонный разговор. Подожди, посмотрю расписание поездов.

Я понял, что мое сообщение озадачило Марка, иначе так быстро он не согласился бы приехать ко мне.

– Около шести вечера из Москвы отправляется наша фирменная электричка, – подсказал я ему.

– Да, это подходит.

- Буду ждать тебя на перроне напротив старого здания вокзала.
- Договорились. До завтра. – И Марк тут же повесил трубку.

Мне стало немного досадно – я сообщил ему такую важную новость, а он даже не удосужился лишнюю минуту поговорить со мной.

Глава третья. Тень на набережной

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть, опять пытаюсь найти ответы на вопросы, которые возникли в течение этого длинного и беспокойного дня, но они переплелись в такой головоломный узел, что самостоятельно я никак не мог его распутать и разобраться, что же случилось в Суздале.

Неудивительно, что под утро мне приснилась красная легковая машина, которая под колокольный звон носилась за мной по улицам древнего города до тех пор, пока я в страхе не заставил себя проснуться.

Самое странное состояло в том, что во сне я отчетливо видел номер этой машины, но, пробудившись, так и не мог его вспомнить.

Ни на перроне, где мы встретились с Марком, ни в такси, которое я взял на привокзальной площади, он ни словом не обмолвился о том, ради чего так срочно приехал в Ярославль.

Я тоже решил набраться терпения и, прежде чем перейти к делу, накормил Марка ужином.

Потом мы уселись на диван, закурили, опять оттягивая разговор.

Мой дом-пятиэтажка стоит в глубине окраинного района города, однокомнатная угловая квартира – под самой крышей, поэтому редкие звуки проходящих мимо машин почти не доносятся сюда. Все это располагало к спокойной, неторопливой беседе.

За незашторенными окнами темнело безлунное небо, но электрический свет я не включал – балконная дверь была настежь открыта, на свет моментально налетели бы комары и не дали бы покоя всю ночь.

Мы вспомнили школьных друзей, обменялись сведениями, кто кем стал и куда закинула судьба. Выяснили, что кроме нас двоих почти все однокашники обзавелись собственными семьями.

Как бы между делом Марк поинтересовался, почему я не женат. Не ответив, я переадресовал этот же вопрос ему.

– Ну, у меня служба такая – из командировки в командировку. Дома почти не бываю.

– А мне, наоборот, редко удается из дома выбраться, – кивнул я на стоявшую на письменном столе пишущую машинку.

Марк понимающе улыбнулся:

– Боишься, женитьба помешает твоей работе?

– В какой-то степени, – уклончиво ответил я.

– Понятно. С Пташниковым и Окладиным больше не встречался?

– С Михаилом Николаевичем не виделась. А у Пташникова однажды был в гостях – это он устроил мне поездку в Суздаль.

Я думал, Марк воспользуется случаем и наконец-то спросит меня, зачем я так спешно вызвал его к себе. Однако он сказал о другом:

– Неужели тебе не хочется еще раз встретиться с ними?

Неприятно, когда с тобой разговаривают, как с малолетним ребенком, поэтому я промолчал, дожидаясь, когда Марк сам объяснит, почему он вспомнил историка и краеведа.

– Вроде бы интересные, образованные люди. С такими всегда найдется о чем поговорить, тем более пишущему человеку.

– Лично тебя особенно заинтересовал Окладин, не так ли? – вспомнил я свои наблюдения в Александрове.

Это замечание почему-то не понравилось Марку, он наставительно произнес:

– Пташников тоже весьма любопытная личность. Зря ты отказываешься от дальнейшего знакомства с такими людьми. Я бы на твоём месте обязательно его продолжил.

– Ты с ним раньше встречался?

Марк сделал вид, что не понял меня:

– С кем?

– С Окладиным.

– С чего ты взял?

– Да так, показалось.

Марк ушел от ответа:

– Ты сам, помню, посматривал на него в Александрове иначе, чем на Пташникова...

Я уже совсем было собрался сообщить Марку о странном поведении Окладина в Александрове, о его неожиданном появлении в Ростове, но в последний момент меня остановило то, что сам Марк говорил со мной какими-то недомолвками, так и не ответил, встречался ли он с Окладиным раньше. Что скрывалось за этим?

– Ну, теперь рассказывай, зачем вызвал, – требовательно произнес Марк, при этом мне подумалось, что он не случайно именно сейчас сменил тему разговора, как бы опережая мои новые вопросы об Окладине. – Ты видел чернородого?..

Я постарался изложить все, что произошло в Суздале, даже рассказал зачем-то, как ночью на переходе между Покровским собором и колокольней мне привиделся огонек свечи в руке Соломонии Сабуровой.

Марк не перебивал меня, изредка затягивался сигаретой, и красноватый огонек на ее конце вспыхивал в темноте загадочно, как блеск драгоценного камня. По какой-то странной ассоциации мне вспомнилось кольцо чернородого, найденное мною в номере александровской гостиницы.

Закончив свой рассказ, я попытался разглядеть в темноте выражение лица Марка и узнать, не принял ли он мое сообщение за мелочь, из-за которой не следовало приезжать в Ярославль.

Однако вопросы, которые он обрушил на меня, доказывали другое:

– Как фамилия женщины-экскурсовода, у которой интересовались Царскими вратами из Новгорода?

– Я не узнавал, но ее очень легко найти – она вылитая Соломония Сабурова с портрета, который висит в музее.

– Она сказала, что любознательный турист был модно и со вкусом одет. А как именно?

– Я не спросил.

– Этот турист был в составе московской группы. Вероятно, они тоже ночевали в гостинице. Ты не заглянул в список туристов? Таким образом можно было бы узнать фамилию чернородого. Или обратиться к руководителю группы.

– Мне это и в голову не пришло, – признался я, все больше чувствуя себя обвиняемым, прижатым уликами к стенке.

Вспомнил, что похожее ощущение я уже испытал в Александрове, когда по моей вине чернородый не появился в гостинице, чтобы забрать оставленное им кольцо.

– Ты предполагаешь, что этого же человека видела старушка-смотрительница, он же был в гостях у немца-экскурсовода. А может, это был кто-то другой? – безжалостным тоном продолжил Марк. – Надо было точно узнать, как выглядел человек, спрашивавший про Царские врата из Новгорода. А так – одни подозрения, ничего определенного. Теперь бородатых развелось в России не меньше, чем до Петра Первого. Борода сейчас не примета, скорее наоборот.

Мне нечего было возразить Марку. Действительно, я вел себя в Суздале как мальчишка, начитавшийся шпионских книг. Не смог выяснить простейших вещей, а главное – не узнал фамилии чернобородого, хотя такая возможность, вероятно, была.

В том, что и «Соломония», и старушка-смотрительница, и сосед немца-экскурсовода говорили об одном и том же человеке, я был уверен. Да и Марк, похоже, не сомневался в этом, но роль недовольного следствием прокурора, видимо, решил играть до конца.

Я спросил его, что он думает о человеке, до меня появившемся в экскурсионном бюро.

– Возможно, это какой-то турист, который хотел попросить старика провести экскурсию, – тут же ответил Марк, но уверенности в его голосе не было.

Только теперь я рассказал ему о легковой машине, притормозившей возле меня, когда я вышел из экскурсионного бюро.

– На дороге была яма, вот водитель и притормозил, – недоверчиво произнес Марк.

– Никаких ям на дороге не было! – рассердился я. – В машине сидели двое, оба посмотрели на меня.

– Марка машины?

– Вроде бы «жигули», но, возможно, и «москвич», я их не сразу распознаю. Красного цвета.

– Номер московский или владимирский?

– На номер я не обратил внимания, не успел.

– Как были одеты водитель и пассажир? Или тоже не запомнил?

Я задумался, закрыл глаза – и вдруг отчетливо вспомнил бежевый пиджак на человеке, сидящем за рулем! Но ведь бежевый костюм был на Окладине, когда мы встретились с ним в электричке! Неужели он?!

Чуть было не сказал о своем «прозрении» Марку, но опять спохватился, вспомнив его недомолвки в разговоре об Окладине.

В комнате было темно, иначе бы Марк заметил смятение на моем лице, когда я сказал ему, что не помню, как были одеты люди в машине.

Мы замолчали. Марк думал обо всем услышанном от меня, а я о том, о чем не рассказал ему. Зачем сначала он так настойчиво советовал мне увидеться с Окладиним, а потом, когда я высказал предположение, что Марк встречался с историком раньше, словно испугался этого разговора?

Одно было ясно – к историку Марк проявлял особый интерес. Но чем это вызвано?

– Хотел завтра весь день провести в Ярославле, а теперь придется ехать в Суздаль и на месте выяснять, кто был этот чернобородый турист, зачем он разыскивал немца-экскурсовода. Как фамилия старика?

– Звать его Эрнст Карлович, а фамилию я не спросил...

Марк от возмущения даже слов не нашел.

Утром я проводил его на автовокзал, и он уехал, пообещав позвонить из Суздаля. Какой-то нехороший осадок остался у меня после отъезда Марка: не только я утаил от него свои подозрения в отношении Окладина, но и он о чем-то важном не сказал мне.

А буквально на другой день произошло событие, которое еще больше запутало меня и заставило по-новому оценить все, что случилось в Александрове и Суздале.

Весь день я просидел в библиотеке, пообедал в кафе на речном вокзале и возвращался домой. Погода выдалась жаркая, редкие кучевые облака плыли над головой, не задевая солнца, над раскаленным асфальтом от зноя дрожал воздух.

Возле Ильинской церкви, как обычно бывает в летние дни, толпились туристы. Проходя мимо, я услышал голос девушки-экскурсовода, бойко тараторившей заученный текст:

– По преданию, первая, деревянная Ильинская церковь была заложена Ярославом Мудрым в день основания нашего города. Эта церковь построена в середине семнадцатого столе-

тия и представляет собой сложное по композиции целое, в которое объединены храм Ильи Пророка, небольшой северный придел, южный Покровский придел с трапезной, увенчанная шатром церковь Ризположения и колокольня. Недавно восстановленная нашими реставраторами древняя окраска собора придает ему былую праздничность и нарядность...

Туристы послушно поворачивали головы туда, куда им указывали.

– Фрески внутри церкви посвящены деяниям пророка Ильи. Иконы нарядного, в стиле барокко, иконостаса конца семнадцатого века привлекают внимание мастерски исполненными фигурами, живописным решением пейзажей и отдельных деталей...

После памятных событий в Александровской слободе всё, что касалось иконостасов, вызвало у меня повышенный интерес, я подошел ближе.

– Напротив иконостаса – моленные места в виде тронов, которые, по преданию, предназначались для царя Алексея Михайловича и низложенного позднее патриарха Никона...

И тут я увидел, как к девушке-экскурсоводу, жестикулируя, обратился высокий мужчина в белых брюках и легкой спортивной куртке. Что-то в его фигуре показалось мне знакомым. Сквозь толпу пробрался к нему поближе – и узнал его! Это был чернобородый – человек, назвавшийся в александровской гостинице Бусовым!

Чернобородый в Ярославле!

Я не мог прийти в себя от изумления. Неужели он и здесь ищет Царские врата, вывезенные Иваном Грозным из Новгорода? Но ведь большинство местных церквей построено в семнадцатом веке. Чтобы узнать о том, достаточно заглянуть в любой путеводитель по Ярославлю, этих Царских врат никак не могло быть в Ильинской церкви. Что же тогда интересует чернобородого?

Сначала я подумал, он оказался здесь вместе с туристической группой. Однако девушка-экскурсовод, что-то ответив ему, повела туристов к центру города, к Знаменской башне, а чернобородый направился в противоположную сторону – к набережной.

Решение пришло ментально. Оглядываясь на чернобородого, чтобы не потерять его из виду, я подбежал к экскурсоводу, вежливо попросил девушку задержаться.

Туристы прошли вперед, девушка смотрела на меня с досадой.

– Сейчас к вам обращался мужчина, он не из вашей группы. Скажите, пожалуйста, что его интересовало? – выпалил я.

– Вы про мужчину, похожего на иностранца? Он спросил, какова судьба Успенского собора.

– Успенского собора? Интересно. И что же вы ему сказали?

– Что в Ярославле такого собора нет и не было.

– Ясно. Как он к этому отнесся?

– Улыбнулся и ушел. А в чем дело? Почему вы спрашиваете об этом человеке?.. Кто вы?

У меня не было времени ответить ни на один из этих вопросов – возле бывшего губернаторского особняка, где размещался художественный музей, чернобородый повернул к Волге.

Я бросился следом за ним, так и не сказав девушке-экскурсоводу, что Успенский собор был гордостью и украшением Ярославля, пока его не снесли до основания, оставив от собора только сторожку, приспособленную под общественный туалет.

Чернобородый шел вдоль ограды, окружавшей парк возле губернаторского особняка.

Опять, второй раз за короткое время, я преследовал этого человека. Судьба, как нарочно, сталкивала меня с ним.

К церкви Николы Надеина, расположенной в глубине улицы, он не свернул. Я вспомнил – иконостас в церкви был установлен в восемнадцатом веке и выполнили его, как предполагалось, по рисунку Федора Волкова – основателя первого русского театра.

Может, чернобородый идет в художественный музей?

Однако от музея, разместившегося в бывшем губернаторском особняке, он повернул в другую сторону, не задерживаясь, миновал церковь Рождества Христова.

Куда же направляется чернобородый? К церкви Благовещения? Но, не доходя ее, он вдруг свернул во двор современного жилого здания на набережной Волги.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Поторопился я своевременно – чернобородый решительно скрылся в одном из подъездов. Меня он вроде бы не заметил.

Я посмотрел на табличку с адресом дома. Откуда он мне знаком? И тут меня бросило в жар. Суетливо достал из кармана записную книжку, перелистал несколько страничек. Точно – это был дом, в котором жил Михаил Николаевич Окладин! Адрес он дал мне в Александрове, прежде чем уйти на поезд.

Прочитав номера квартир над дверью в подъезд, я убедился – квартира Окладина находится здесь.

Сразу отчетливо вспомнилось непонятное поведение историка в бывшей Александровой слободе, его неожиданное появление на железнодорожном вокзале Ростова Великого. И вот последний случай – визит к нему чернобородого.

Что кроется за всем этим? Как мне поступить теперь?

Надо было собраться с мыслями. Увидев в глубине двора скамейку, над которой свисали густые ветви акации, я решил тут дожидаться чернобородого. Что буду делать, когда он выйдет из подъезда, еще не знал. Твердо надумал одно – если Окладин и чернобородый выйдут вместе, подойти к ним. А там – будь что будет.

Но прошел час, другой, а чернобородый все не появлялся. Я не знал, как быть. Идти к Окладину? А что я ему скажу?

Тут я вспомнил телефонную будку на углу дома. А если позвонить? Нашел в кармане нужную монету, последний раз взглянул на подъезд, в который вошел чернобородый. Номер телефона Окладина был записан вместе с адресом.

Неожиданно я услышал в телефонной трубке девичий голос. Видимо, это была дочь Окладина. Я попросил его к телефону, не имея ни малейшего представления, что ему скажу.

– А папы нет дома, – весело проговорила девушка.

Я растерялся, потому, наверное, спросил не совсем тактично:

– А где он?

– Не знаю. К нему пожаловал какой-то мужчина, и они ушли вместе.

– Этот мужчина с бородой? – решил я довести дело до конца.

– Да, – удивленно протянула девушка. – А вы кто будете?

Я повесил трубку. Уже второй раз за день меня спрашивают, кто я такой, но мне опять пришлось уклониться от ответа.

Что же случилось?

Вероятней всего, чернобородый заметил преследование, сказал об этом Окладину, и они покинули дом тайком от меня. Видимо, в доме есть выход прямо на набережную, которым они и воспользовались.

Я прошел вдоль фасада дома, выходящего на набережную, и действительно обнаружил неприметную дверь, торкнулся в нее, но она была закрыта на замок.

Значит, подумал я, у Окладина есть собственный ключ. Короче говоря, меня обвели вокруг пальца. Посоветоваться бы с Марком, но он наверняка еще не вернулся из Суздаля.

Позвонить Пташникову? Но кто знает, как он посмотрит на то, что я взял на себя роль сыщика.

Или дождаться Окладина и сделать вид, будто ничего не знаю, а самому попытаться выведать, что же его связывает с чернобородым? Нет, на эту игру у меня не хватило бы ни способностей, ни выдержки.

В конце концов я решил позвонить Пташникову. Он обрадовался моему звонку и сразу поинтересовался, нет ли новых сведений о чернобородом. О встрече чернобородого с Окладным я решил пока промолчать. Сказал, что проездом у меня в гостях был Марк, но о нашем странном попутчике речи не заходило.

Краевед расстроился, сердито выговорил мне:

– Что же вы не сообщили о приезде вашего приятеля? Мне надо было с ним побеседовать.

– О чем?

– Эти церковные истории не дают мне покоя. Кажется, ваш приятель не все рассказал нам тогда, в Александрове. Или с вами он был откровенней?

– С чего вы взяли?

– Так считает Окладин.

– Вы с ним встречались?

– Как-то разговаривали по телефону. Я ему рассказал, чем закончилось дело в Александрове...

Пташников замолчал, оборвав себя на слове. И я подумал – не скрыл ли он от меня истинную причину, по которой хотел поговорить с Марком? Не связано ли это намерение краеведа каким-то образом с тем, что я узнал об Окладине?

– Да-а, – задумчиво вымолвил Пташников. – А увидеться с Михаилом Николаевичем надо бы, обсудить кое-что. Жаль, его сейчас опять нет дома – по каким-то личным делам уехал в Ростов. Но ничего, встретимся, как только вернется.

Я спросил краеведа, давно ли уехал Окладин. И Пташников, который узнал об отъезде историка от его дочери, назвал мне тот самый день, когда в городе появился чернобородый! Может, они уехали в Ростов вместе?

Не находятся ли там, в Ростове, те Царские врата, которые с такой поразительной целеустремленностью разыскивает чернобородый?

Бесполезно ломал я голову над загадками, которых в этой запутанной истории становилось все больше.

Глава четвертая. Срочный вызов

После разговора с Пташниковым я несколько раз пытался связаться с Марком, но ни рабочий, ни домашний телефоны не отвечали. Я решил не суетиться и не звонить ему хотя бы неделю.

И вдруг рано утром Марк сам позвонил мне домой. И не откуда-нибудь, а из того самого города, куда «по личным делам» уехал Окладин – из Ростова Великого! Я спросил, как Марк оказался там.

– Сейчас же приезжай сюда, буду ждать тебя в гостинице «Неро».

Мне не понравилось, что Марк разговаривает со мной голосом постового милиционера. Видимо, он и сам понял, что избрал не лучший способ, чтобы заставить меня приехать, и резко сменил тон:

– Все объясню при встрече. Короче, дело опять связано с событиями, происшедшими в Александрове.

– Жди! – моментально решил я и, взглянув на часы, в полдень пообещал быть в Ростове.

Предчувствие самых неожиданных событий целиком завладело мною, ни о чем другом после звонка Марка я уже не мог думать. Быстро собрался и через полтора часа в полупустом автобусе выехал из Ярославля на Московскую дорогу. Только тут спохватился, что не позвонил Пташникову, – он наверняка поехал бы со мной, узнав, куда из Александрова привели следы чернобородого.

Впрочем, Марк пригласил меня одного, я не имел права самовольно принимать такие решения. Тем более, подумалось мне, после происшествия с Окладиным.

Я намеревался сразу же, как только встречу с Марком, рассказать ему о приезде чернобородого в Ярославль и о его посещении историка. Нет ли связи между появлением чернобородого в доме на набережной и тем, что должно было произойти в Ростове, куда меня так срочно вызвал Марк? Не встречу ли я там с Окладиным?

Вынув из кармана прихваченный с собою путеводитель по Ростову Великому, с гордым оленем – гербом города – на обложке, я углубился в изучение ростовских древностей, не без оснований предполагая, что эти знания сегодня могут мне пригодиться.

Гостиница «Неро» – неказистое двухэтажное здание без малейших архитектурных украшений – стояла неподалеку от центра города, но как бы на отшибе, я не сразу нашел ее.

Недавно в городе построили новый туристический комплекс «Ростов Великий». Сначала я не понял, почему Марк не устроился там, но потом рассудил, что, возможно, он умышленно поселился в этой маленькой, неприметной гостинице, чтобы не привлекать к себе внимания. Впрочем, все могло иметь более прозаическое объяснение: самое распространенное объявление в наших гостиницах – «Мест нет».

Я ожидал найти Марка в четырехместном прокуренном номере без удобств, но ошибся – номер был одноместный и довольно уютный, с телефоном, телевизором и даже креслом, в которое Марк сразу же усадил меня, а сам устроился на низкой деревянной кровати.

Как и в Александрове, он и тут был в штатском: светлые брюки, рубашка с открытым воротом, из кармана которой выглядывали темные очки.

На улице с утра стояла нестерпимая жара, душно было и в гостиничном номере, даже открытое настежь окно не помогало. На тумбочке возле телефона я сразу, как вошел в номер, заметил две бутылки минеральной воды. Только после того, как целиком выпил одну из них, спросил Марка, зачем так срочно потребовался ему.

– Нам стало известно, что сегодня вечером сюда приедет твой старый знакомый.

– Чернобородый?

Марк кивнул и тут же объяснил, зачем вызвал меня:

– Мне нужна твоя помощь – я все еще надеюсь на тот самый психологический момент, о котором говорил тебе в Александрове.

Я не сразу справился с изумлением – чернобородый едет в Ростов! Но ведь сюда же отправился и Окладин!

Было от чего растеряться.

– В Ростове церквей много. Ты выяснил, где ждать чернобородого?

– В Москве, Сергиевом Посаде и Александрове он интересовался Царскими вратами, вывезенными Иваном Грозным из Новгорода. Узнаем, в какой из церквей хранятся такие врата, там и засаду устроим.

– А если он опять придет с помощником?

– Нет, на этот раз чернобородый решил действовать в одиночку. Будет здесь вечерней электричкой.

– Откуда такие точные сведения?

– Помнишь парня, которого мы взяли в Александрове? С его помощью выяснили, хотя он сам об этом, наверное, не догадывается.

Марк опять утаивал от меня какую-то информацию, но, захваченный следственным азартом, я не обратил на это внимания.

– Может, попытаемся найти эту церковь сами?

– А ты хорошо знаешь Ростов?

– Да я могу о каждой ростовской церкви целую лекцию прочитать, – заверил я Марка.

Мне не пришлось его уговаривать, он моментально согласился с моим предложением:

– Ну что ж. Если настаиваешь, давай попробуем...

Конечно, проще было обратиться в дирекцию местного музея и все выяснить там. Однако этот простейший путь даже не пришел мне в голову, почерпнутые из путеводителя знания требовали немедленного применения.

– Откуда начнем поиски?

– С Ростовского кремля, – поднялся я с кресла, чтобы незамедлительно приступить к делу.

Сейчас я понимаю, до какой степени было наивным мое намерение самостоятельно отыскать Царские врата, за которыми охотился чернородый. Но в тот день я был слишком увлечен этим необычным поиском, чтобы взглянуть на него беспристрастным взглядом. А Марк молчал, только иногда непонятно улыбался, предоставив мне полную свободу действий.

Мы вышли из гостиницы на улицу, под палящее солнце, которое сегодня словно намеревалось испепелить весь город.

Оказалось, Марк приехал в Ростов на собственном «Москвиче», оставив его возле гостиницы.

В кабине было жарко, как в натопленной бане, зато через пять минут мы уже находились на территории Ростовского кремля, у пятиглавого, гордо застывшего над городом Успенского собора.

Десять столетий отделяли нас от того времени, когда на этом месте была поставлена первая, деревянная церковка, о которой летописец восхищенно написал: «Чудна зело и преудивленна, яко же не была и не вем, будет ли».

Десять столетий – и десятки имен исторических деятелей, судьбы которых так или иначе были связаны с Успенским собором.

– Ты хвалился, что о каждой церкви готов лекцию прочитать, – напомнил мне Марк. – Давай, демонстрируй свои познания.

– На это уйдет слишком много времени, – попытался я отговориться, уловив в голосе Марка насмешку.

– А куда спешить? – Заметив удивление на моем лице, он поучительным тоном добавил: – Такой поиск надо вести основательно, чтобы потом назад не возвращаться...

Не сразу собравшись с мыслями, с чего начать, я приступил к исполнению непривычной для меня роли экскурсовода. Рассказал о появлении в Ростове первых христианских проповедников, среди которых особым упорством отличался епископ Леонтий, за что и убили его местные язычники, так же неистово верившие в своих древних богов и идолов.

За мученическую смерть Леонтий был причислен православной церковью к лику святых, под его мощи Андрей Боголюбский прислал гробницу и повелел поставить на месте сгоревшей деревянной церкви каменную – первое каменное сооружение Ростова Великого.

Но и ее не пощадил пожар, и встал на ее месте пятиглавый собор, который уцелел до наших дней. Здесь, в Успенском соборе, находилась усыпальница ростовских князей, хранились самые ценные церковные реликвии, торжественными богослужениями отмечались важнейшие события ростовской и общероссийской истории.

В Смутное время в Успенском соборе укрылись от отрядов второго Лжедмитрия ростовцы вместе со своим митрополитом Филаретом – отцом будущего царя Михаила Романова. Тогда же были разграблены и отправлены в Тушино все хранившиеся в соборе ценности: золотые потиры, серебряные чаши, расшитые жемчугом церковные одеяния.

Неожиданно Марк заинтересовался этими сведениями о сокровищах Успенского собора, спросил меня, сохранились ли письменные свидетельства о том, что было похищено.

– В дневнике Марины Мнишек говорится о раке чудотворца, вылитой из чистого золота и весившей семь с половиной пудов, о серебряном гробе, о золотых и серебряных украшениях с икон.

– Но можно ли верить этому сообщению? – выразил сомнение Марк. – Я где-то читал, что дневник Марины Мнишек написан ее секретарем и она к нему никакого отношения не имеет.

Я этого обстоятельства не знал, но постарался не ударить в грязь лицом:

– Если дневник писала не Марина Мнишек, – особа, судя по всему, явно склонная к авантюризму, – то этим сведениям можно доверять еще больше, поскольку секретарям свойственна точность и им не было нужды преувеличивать размеры трофеев.

– Резонно, – согласился Марк.

– Кроме того, есть свидетельство, которое косвенно подтверждает это сообщение, – один из руководителей польских интервентов Ян Сапега отмечал в своем дневнике, что подарил «московской царице» образ Леонтия весом в пять пудов.

На вопрос Марка, известна ли дальнейшая судьба драгоценностей, отправленных в Тушино, я не мог дать ответа, в чем честно признался ему, удивляясь, почему он вдруг заинтересовался сокровищами, похищенными почти четыре столетия назад.

Но еще большее изумление я испытал, когда Марк занес все эти сведения в свою записную книжку.

Попасть внутрь Успенского собора нам не удалось – он был закрыт на замок, однако из путеводителя я знал, что здешний иконостас – восемнадцатого века. Кроме стен, мало чего осталось в соборе от прежней древности – даже пол, выложенный когда-то красным мрамором, был вывезен в Москву и украсил Благовещенский собор Московского Кремля.

Гордый и величественный снаружи, Успенский собор нуждался в немедленной реставрации.

Когда я сказал об этом Марку, он в сердцах проронил:

– Ищем сокровища, которые спрятаны неизвестно где, а те, что перед глазами, в упор не видим и не храним...

Я опять не мог понять, о поисках каких сокровищ он говорит.

Ни в музее, разместившемся в Самуиловом корпусе, ни в других церквях на территории Ростовского кремля интересующих нас Царских врат из Новгорода не было. Да и бессмысленно, как я понял потом, было разыскивать их здесь – большинство кремлевских церквей построили при митрополите Ионе Сысоевиче, а при нем появились фресковые иконостасы, написанные на стенах.

Несколько обескураженный первой неудачей, я предложил Марку продолжить поиски в Авраамиевском монастыре. Он моментально, не раздумывая, согласился со мной, мы опять сели в «москвич».

По дороге речь зашла об Ионе Сысоевиче, строительством Ростовского кремля обесмертившем себя. К личности этого человека у меня было особое, пристрастное отношение, что сразу почувствовал Марк:

– Ты говоришь о нем таким тоном, словно в чем-то подозреваешь, – заметил он, не отрывая глаз от дороги.

Я не возразил Марку:

– Иона Сысоевич, действительно, фигура загадочная. Он был не так прост, как представляется: строил церкви да лил колокола. Есть в его биографии один момент, который явно сыграл в его судьбе роковую роль, но который до сих пор по-разному оценивается.

– Что за момент? – охотно поддержал Марк разговор о ростовском митрополите.

– Патриарх Никон, считавший «священство выше царства», самовольно сложил с себя свои церковные обязанности и уединился в Ново-Иерусалимском монастыре, надеясь, видимо, что царь сам обратится к нему с поклоном и признает его главенство. Но этого не случилось. Когда же Никон без разрешения царя вернулся в Москву и во время обедни неожиданно появился в Успенском соборе, то Иона Сысоевич, бывший в то время местоблюстителем патриаршего престола, подошел под его благословение.

– Смелый поступок, – уважительно произнес Марк.

– За эту смелость он и поплатился – его сразу же отстранили от высокой должности местоблюстителя и навсегда отправили в Ростов, где он прослужил митрополитом без малого сорок лет.

– Что же заставило его пойти на такой шаг?

– Одни доказывали, что Иона Сысоевич сделал это умышленно, продемонстрировав таким образом свою солидарность с Никоном. Другие утверждали, что он просто растерялся, потому и попросил благословения опального патриарха. Современные исследователи тоже не пришли к единому мнению...

На это счет у меня была собственная версия, но я не успел изложить ее Марку – мы подъехали к Авраамиевскому монастырю.

Монах Авраамий продолжил дело убитого язычниками Леонтия – в «Чудском конце» Ростова уничтожил идол язычников и основал монастырь, получивший его имя.

Долгое время в монастыре хранился жезл, которым Авраамий якобы сокрушил каменного языческого идола. Перед походом на Казань Иван Грозный забрал жезл из монастыря, а в благодарность за победу над Казанским ханством, поверив в чудодейственность жезла, приказал построить в монастыре Богоявленский собор, сам присутствовал при его освящении.

С этого собора мы и начали осмотр монастыря, постояли на том самом месте, где в окружении своей многочисленной и запуганной свиты отбивал поклоны Иван Грозный. На мгновение мне даже представилось, как под высокими сводами раздается его властный голос, слышится, как скребет по каменному полу острый Царский посох.

Монастырь пользовался особым расположением Грозного, однако Царских врат из Новгорода здесь не было. Но странное дело – Марк вел себя так, словно ожидал этого.

Когда вышли из собора, попросил рассказать легенду об Авраамии, о которой я обмолвился. Его спокойствие все больше удивляло меня, однако в моем положении мне ничего не оставалось, как добросовестно исполнять добровольно взятые на себя обязанности экскурсовода.

Прежде чем сокрушить языческого идола Велеса, Авраамии отправился в Царьград, к любимому ученику Иисуса Христа Иоанну Богослову. Но только Авраамии перешел речку Ишню под Ростовом, впадающую в озеро Неро, как навстречу ему попался старик с жезлом, оказавшийся самим Иоанном Богословом.

С напутствием, чтобы Авраамий «избодил каменного идола Велеса во имя Иоанна Богослова», он вручил ему жезл и исчез.

Вернувшись в Ростов, Авраамий жезлом разбил каменного идола, но черт под видом воина сочинил на него донос князю, и после несправедного суда Авраамий был казнен.

На том месте, где он будто бы получил священный жезл, митрополит Иона Сысоевич построил деревянную церковь. Служба в ней проводилась раз в месяц, основной доход шел от переправы через Ишню.

– Нам бы с тобой такого старичка встретить – подсказал бы, где ждать чернобородого, – выслушав меня, вздохнул Марк и спросил, далеко ли до этой церкви на Ишне.

– Надо через весь город ехать. Но Царских врат из Новгорода там нет, – попытался я отговорить Марка.

– Показывай дорогу, – даже не дослушал он меня.

Его поведение все больше казалось мне странным и непонятным – словно это был не сотрудник милиции, находящийся при исполнении служебных обязанностей, а обычный турист, желающий увидеть как можно больше и как можно быстрее.

Все это я пытался высказать Марку, но он тут же перевел разговор, будто поимка чернобородого вовсе не касалась его.

А между тем солнце опускалось все ниже, жара начала спадать, с озера подул слабый ветерок.

Спустя четверть часа мы стояли перед удивительной, сказочной церковкой. Казалось, она и впрямь приплыла из озера по Ишне и встала здесь навечно – так было поведено о ней в одной из ростовских легенд.

Вдали, над голубым озером, словно поднявшиеся из воды стены легендарного Китежграда, выростали белоснежные, многоглавые соборы Ростова Великого, а перед нами одиноко стояла скромная, стройная церковь из дерева – настоящее чудо земли Ростовской.

На мой взгляд, ее красоту несколько портила пристроенная сбоку колокольня – обшитый досками куб, на нем шестигранник, потом сквозная звонница и узкий шпиль с крестом.

Не было в колокольне того, что вплелось в самой церкви, удивительной фантазии и легкости. Казалось, подует ветер с озера Неро посильнее – и церквушка стронется с места, тихо поплывет по синей реке к далекому горизонту и скроется из глаз, как чудесное видение.

Внутри церкви лики святых с четырехъярусного иконостаса смотрели строго и задумчиво, Царские врата посверкивали позолотой. Однако при всей своей красоте интереса для нас они не представляли.

Настоящие Царские врата церкви Иоанна Богослова находились в музее, где мы их сегодня уже видели. В 1552 году они были изготовлены иноком Исайей, о чем свидетельствовала надпись на вратах. Здесь, в церкви на Ишне, была только умелая копия этих Царских врат, выполненная сто лет назад местным мастером.

После посещения музея обо всем этом прекрасно знал Марк, но мы все-таки зачем-то приехали сюда.

Настроение у меня совсем упало – дело шло к вечеру, а мы так и не выяснили, в какой из многочисленных ростовских церквей нам следует ждать чернородого.

– Придется арестовать Бусова на вокзале, – сказал я, когда мы вышли из церкви. – Другого пути нет.

– А где улики? В чем мы обвиним его? Нет, здесь надо действовать наверняка, иначе неприятностей не оберешься...

Марк опять что-то недоговаривал, по-прежнему скрывал от меня какие-то важные обстоятельства.

Когда я посоветовал встретить чернородого на вокзале и проследить за ним, Марк отклонил и это предложение:

– Вспомни, как он разделался с тобой в Александрове. Человек он осторожный и в таких делах, видимо, опытный, слежку сразу заметит.

Не доходя до машины, которую Марк оставил на берегу речки, мы сели на большой, вросший в землю синий камень, удивительно холодный, хотя целый день его пекло солнце.

Марк любовался деревянной церковкой, будто за этим и приехал сюда. Но оказалось, мысли о загадке чернородого и сейчас не выходят у него из головы, – спустя минуту он спросил:

– Слушай, есть у тебя в Ростове знакомый краевед вроде Пташникова?

Мне стало до обидного понятно, что кроется за этим вопросом, – Марк потерял надежду с моей помощью отыскать Царские врата из Новгорода. Наверное, обида прозвучала и в голосе:

– В Ростове краеведов много.

– Нужен такой, чтобы о каждом камне здесь знал. – Для выразительности Марк постучал ладонью по камню, на котором мы устроились.

– Есть одна пожилая женщина...

– Кто такая? – оживился Марк.

Я вынул из кармана путеводитель по Ростову Великому, который прихватил из дома, отправляясь в эту поездку.

– Анна Николаевна – автор этой книги.

Марк бегло перелистал ее:

– А я весь день удивлялся, откуда у тебя столько сведений о прошлом Ростова. Молодец, путеводитель ты хорошо изучил. Всё, теперь едем к самому автору...

Мы последний раз взглянули на сказочную деревянную церквушку у тихой речки и сели в машину.

Кто знал в ту минуту, что здесь, на берегу Ишни, мы были, как никогда, близки к разгадке тайны чернородого.

Глава пятая. Опровергнутая версия

Мое знакомство с Анной Николаевной было, как говорится, шапочным – однажды я приехал в Ростов на занятия литературной группы при местной газете и вечером, по пути на вокзал, провожал эту милую пожилую женщину домой.

Улицу я нашел без труда, домик запомнился мне веселой резьбой наличников на окнах и высоким крыльцом с резными балясинами. На калитке перед дверью висел почтовый ящик, к крыльцу вела узкая, выложенная красным кирпичом дорожка, по сторонам от нее пестрели цветы.

Я дернул ручку старомодного, с колокольцем, звонка. Звук его глухо отозвался в глубине дома, послышались шаркающие шаги, и дверь открылась. На пороге стояла Анна Николаевна, одетая в темное платье с глухим воротом. В первый момент она меня не узнала, смотрела сквозь толстые стекла очков доброжелательно, но несколько недоуменно. И только после того, как я назвал свою фамилию, лицо ее просветлело и она радушно пригласила нас в дом.

Стены комнаты, в которую проводила нас хозяйка, были увешаны пожелтевшими от времени фотографиями в рамках, графическими и живописными видами Ростова, старинной ростовской финифтью, от которой трудно было отвести взгляд.

Здесь же я увидел портрет миловидной девушки – это была сама Анна Николаевна, только в далекой юности. Не изменились глаза – в них по-прежнему светилась доброта и любопытство ко всему окружающему.

Хозяйка усадила нас за круглый стол посреди комнаты, я познакомил ее с Марком, и он изложил причину, которая привела нас в Ростов.

По глазам хозяйки я понял, что возможность принять участие в таком необычном деле увлекла ее.

Несмотря на грузную фигуру, Анна Николаевна живо поднялась с места и, ни слова не говоря, ушла в соседнюю комнату. Вернулась с плотным конвертом в руке, осторожно разложила на столе его содержимое.

Мы с Марком склонились над столом. Перед нами лежали фотографии ростовских иконостасов, с оборотной стороны к каждой фотографии крепился плотный листок бумаги, на котором четким почерком было подробно и аккуратно расписано, когда и кем иконостас создан, из каких икон состоит каждый его чин, кто иконописец.

Перебрав несколько фотографий, Анна Николаевна положила одну из них в центр стола и не без гордости в голосе сказала:

– Вот иконостас, который вы ищете! Эти Царские врата были пожалованы Иваном Грозным церкви, построенной по его указу. Раньше на этом месте стояла деревянная церковь. Существует легенда, будто царь казнил мастера, создавшего каменную церковь, за то, что он сделал ее меньше деревянной.

Так в течение пяти минут прояснился вопрос, на решение которого мы безуспешно потратили целый день.

Эта церковь совсем выпала у меня из памяти, хотя я и читал о ней в путеводителе. А тут еще Марк подковырнул, сказав вполголоса:

– Не выйдет из тебя Шерлока Холмса, мимо этой церкви мы сегодня дважды проезжали...

Моя попытка провести самостоятельное следствие и выяснить, где нам ждать чернородого, закончилась полным провалом. Эта церквушка стояла в глухом, уединенном месте за сохранившимся оборонительным валом, с дороги была почти не видна, потому, наверное, я и не вспомнил о ней.

И только тут мне подумалось: значит, Марк знал об этой церкви? Так, может, он с самого начала наших поисков знал и то, что в ней находятся те самые Царские врата из Новгорода, которые мы разыскивали?

Спрашивать об этом при Анне Николаевне было неудобно, я первым поднялся из-за стола, поблагодарил хозяйку за помощь.

– А вот благодарить меня не за что, – вдруг строго и с каким-то внутренним усилием произнесла она.

– Вы о чем, Анна Николаевна?

Она жестом пригласила меня опять сесть за стол, помолчала и сказала расстроенно:

– Виновата я перед вами. Может, теперь и беды не поправишь.

Мы с Марком настороженно переглянулись. Хозяйка откашлялась, платочком вытерла сухие губы и взволнованно сообщила:

– Около месяца назад ко мне зашел один человек. Сказал, что пишет диссертацию по древнерусской культуре, интересовался иконами, в частности теми, которые Иван Грозный вывез из Новгорода.

– Та-ак! – протянул я, уже догадываясь, кто был этот «научный работник».

Анна Николаевна торопливо продолжила, словно испугалась, что мы не дадим ей высказаться до конца:

– По разговору я поняла, что человек он эрудированный, хорошо знает историю русской культуры, и я показала ему эти фотографии. Чем-то он мне не понравился, уж больно суетливо себя вел, все куда-то спешил, но в иконах разбирался профессионально. Этим, наверное, и подкупил меня.

Марк попросил Анну Николаевну вспомнить, как выглядел гость.

– У него была черная борода, на голове шляпа с широкими полями, на ногах сапоги...

Бусов! Это, несомненно, был он – загадочный обладатель золотого кольца, человек, которого сегодня ночью мы должны были ждать в церкви, где хранились Царские врата, вывезенные Иваном Грозным из разграбленного Новгорода.

Марк поинтересовался, какого числа чернородый был в гостях у Анны Николаевны.

– Подождите минутку, я вам точно скажу. – И хозяйка опять вышла в соседнюю комнату.

Оставшись одни, мы не обмолвились ни словом. Появление чернородого у Анны Николаевны удивило не только меня, но и Марка, как я понял, оно что-то нарушило в его расчетах.

Хозяйка принесла толстый альбом в бордовом бархатном переплете, призналась извиняющимся голосом:

– Старая школьная привычка – до сих пор веду дневник. Раньше помогал облегчить душу, теперь спасает от склероза...

Перелистав несколько страниц, исписанных мелким, убористым почерком, Анна Николаевна нашла нужную:

– Это было двадцатого мая, в первой половине дня.

Услышав эту дату, Марк сразу успокоился, а меня как кольнуло – девятнадцатого мая мы с Пташниковым возвращались из Александрова, на перроне ростовского вокзала я заметил Окладина. Значит, одновременно с ним в Ростове был и чернородый! Может, они приехали на пару?

– Выходит, сразу из Александрова чернобородый направился сюда, в Ростов, – посмотрел я на Марка. – Но как он узнал, что в александровской церкви интересующих его Царских врат нет? Кто мог ему сообщить, что поиски надо продолжать дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.